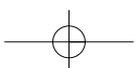

ВЕНА, ОПЕРАЦИОННАЯ СИСТЕМА

Новое
Литературное
Обозрение

АНДРЕЙ ЛЕВКИН

ВЕНА, ОПЕРАЦИОННАЯ СИСТЕМА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА 2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л34

- Л34 **Левкин, А.**
Вена, операционная система (Wien OS) / Андрей Левкин
М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 176 с.

ISBN 978-5-86793-996-0

Новая книга Андрея Левкина, автора «Междущарствия», «Цыганского романа», «Черного воздуха», «Мозгвы», «Счастьеловки», «Марпла». Автор снова создает частный жанр, для использования в единственном случае: это книга о Вене и ее можно даже использовать как путеводитель — субъективный, зато не по туристическим районам. Конечно, Вену составляют и те, кто создал эту великую городскую культуру, — так герой попадает в приключение. Ощувив, что начал взаимодействовать с городом и его людьми, он пытается понять, как и почему это происходит. Он оказывается в игре — будто в него входит некая операционная система, постепенно превращая во что-то новое. Wien OS заставляет его переходить с уровня на уровень, требуя пройти игру полностью, а вот что случится тогда — предугадать нельзя.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Левкин А., 2012
© Оформление.
ООО «Новое литературное обозрение», 2012

Новая Карандашная

В Вене на углу Kellermangasse и Neustiftgasse есть такое место, что будто бы там сначала — на всем этом перекрестке со сквером — был прозрачный и мягкий шар, сфера, и его сложили пополам, вдавив полусферу в полусферу. Они же плотно не сойдутся, выйдет, что ли, такая двойная шапочка. Раза в два менее прозрачная — но поскольку сама сфера была прозрачной вполне, то тумана от этой операции набежало немного. Почти незаметно.

Здесь это не строго угол, то есть — не четыре прямых угла. Нормальных углов два, по левую, если спиной к центру, сторону Neustiftgasse. По правую были два сквера, ну или один, разделенный Kellermangasse. Как если бы на этих углах аннулировали два дома, отчего образовалась небольшая выемка в застройке: площадка, которую пересекала узкая Kellermangasse. Или это место не было застроено никогда, оно и называлось отдельно: Augustinplatz. На той стороне Kellermangasse, где сейчас был я, имелась остановка автобусов, одно дерево (ну — полтора), немного декоративной брусчатки в асфальте и скамейки — за чем-то полукругом. Будто там, в центре относительно лавочек, по праздникам поют и пляшут маленькие девочки, а родители глядят на них, ощущая чувства. То есть, види-

мо, в самом деле все так, потому что там же и деревянный помост, невысокий.

По другую сторону богаче: хвойно-лиственные деревья и помесь статуи с фонтаном, мутного серо-бежевого цвета, не понять, из какого материала. Будто глиняная. Общий цвет местности — серый, но славный. Где темнее этот бетон, где светлее. Ну и глубокая зелень этих лиственно-хвойных напротив. Они, дело в чем, в иголках, но иголки длинные и мягкие, не знаю, как эти деревья называются. Про листья-иголки я помнил еще по прошлому приезду, в мае 2008-го. А сейчас тут прохладно, куртка, свитер. Хмуро.

Для ориентации: Neustiftgasse идет примерно от Народного театра в сторону Гюртеля, к окраинам. Keller-mangasse — поперек, от Mariahilfer Straße, а куда — не знаю, куда-то в сторону Театра в Йозефштадте. Собственно, от Мариахильфер досюда эта улица называлась Kirchengasse, а уже в сторону Йозефштадта становилась Келлермановской. Разумеется, неизвестные слова и названия будут пояснены по ходу дела. Это хоть и не путеводитель, но заодно и путеводитель, почему нет.

Neustiftgasse, к слову, непонятно как переводится. Возможен даже вариант «Новая Карандашная», хотя у «штифта» куча значений: карандаш; грифель; духовное училище; женский монастырь, ученик (в мастерской). А также просто штифт; штифтик; шпилька; шпенёк; штырь; деревянный гвоздь; перо графопостроителя; штырёк; обрубок; шип. Даже поводок. Так что у Новокарандашной шансов мало. Что до ее расположения в городе, то это 7. Bezirk, Neubau, совсем центр. Выйти из Музейного квартала в сторону Народного театра, идти дальше по улице в сторону Ратуши так, чтобы театр был справа, первый же поворот налево — вот она и Neustiftgasse. «Новая грифельная» было бы неплохо. Улица плотная, пяти-шестиэтажные дома впритык, узкие тротуары, серая. Ну или «Новая Карандашная». Точнее, «Новый Карандашный», потому что

gasse — переулок, но пусть уж будет в переводе улицей, потому какой же это переулок. Вполне длинная улица, до самого Гюртеля (Gürtel).

Теперь здесь март 2009 года, я только что поселился в пансионе за углом, умылся, выпил в гостиной кофе и пошел на эту лавочку курить. Мне это место нравилось. И оно само, и район — поэтому тут обычно и жил. Я сидел на лавочке, внятно теплело, даже солнце выглянуло. Листвы еще не было, но два дерева по бокам статуи-фонтана все равно густо зеленели, раз уж они были хвойные. А то, что тут вот эта вдавленная сфера, — ничего особенного, просто вот так тут было, и все. Фонтан-чучело как раз попадал — глядя от меня — ей в доньшко. То есть она не нависала крышей, а стояла как-то боком, накренившейся линзой.

Но вот: сейчас около полудня, тихо, воздух спокоен, однако некоторые ветви этих деревьев слегка колыхались, причем еще и вразнобой. Выходило так, что вокруг них был какой-то свой небольшой ветер, свой для каждой ветки.

Одна ветка — они не очень жесткие — колыхнулась. Та, что рядом с ней, — тоже, но в другую сторону. Кроме них двух — ничего, все спокойны. Откуда вообще этот местный ветер? То есть получается так, что где-то в окрестностях одной ветки возникла небольшая область, полость, в которой давление меньше, чем по соседству, — в нее тут же влезал воздух из граничащей с нею области, отчего хвоя колыхалась, но что происходило с этой полостью? Она продырявливалась, что ли? Или просто сжималась, отчего давление в ней делалось больше, чем снаружи, и тогда маятник шел обратно — ее, полости, оболочка растягивалась, давление в ней падало, делаясь меньше, чем рядом? Будто этими ветвями играли как на гармошке, не дергая остальные ветки. Получались вакуоли сложной формы, они как-то раскладывались по дереву и ерзали. Значит, воздух был разделен на отдельные мешки, в каждом из которых свой воздух? Но вроде нет — хотя, с другой сто-

роны, как иначе объяснить? Тем более что покачивались только две-три?

Или была какая-то общая неустойчивость невыраженной природы — что-то чуть-чуть где-то наклонилось, изменились какие-то гирьки на весах и пространство немного наклонилось: ветки качнулись, картина сдвинулась, и этот факт можно назвать и ветром, хотя больше было похоже, что меняется картинка в калейдоскопе. Чуть-чуть повернуть, кто-то повернул, и с легким шорохом, с шуршанием возникает другой рисунок. Мало отличающийся от прежнего.

Сбоку от деревьев на той стороне стоял шестиэтажный дом. Серо-бурый, за год слегка изуродованный строительными работами — в стене возле угла пробили длинную кривую канавку, вложили туда кабель и не заделали. Даже и не пытались, замазали только местами, чтобы провод не вывалился. У этого дома угол срезан, там неширокий дополнительный торец. На уровне второго этажа из него выдвигается небольшой постамент, а на нем — под козырьком — непроясненный маленький всадник на вздыбленном конике. Оба, похоже, бронзовые. А под всадником, в промежутке между ним и окном первого этажа, выходящим в этот торец, — какой-то непонятный и несколько даже стилистически неуместный орнамент из десятка голубых и двух белых квадратных плиток. То ли за чем-то решили покрыть кафелем весь торец да бросили, то ли еще почему. Голубенькие такие, чистые на грязно-сером цвете этого дома. По прошлому разу я этого украшения не помню.

У самого дома над подъездом рельефная надпись: Якоб Бадл, кожаный — не кожный же — grosshandlung, оптовик по кожам. Jacob Badl. Тут я знал, что если войти в подворотню, то будет двор, где стены всех домов совершенно оплетены плющом. Теперь, конечно, листьев еще нет, и сухие ветки прижались ко всем стенам двора. Плющ же как ссыхается на зиму, так получается большая сеть с узел-

ками на месте, наверное, листьев: похоже на провода и небольшие лампочки — только не включенные, а по вечерам, значит, может оказаться и иллюминацией.

Augustinplatz

Так вот, чучело-фонтан. Когда я был на этом месте в прошлый раз, то так и не выяснил, что это и зачем. Осмотрев, пришел к выводу, что, верно, какой-то вариант немецких гномов в палисадниках. Май 2008-го, впрочем, был дурным: все время ливни, а тут еще эта малохудожественная уродина, да еще из постамента вода льется. Так устроено: постамент, на постаменте чаша, примерно эллипс. В ней — следующий постамент, четыре грани которого по центру украшает некоторая лепнина (овощи-фрукты-цветочки). В середине орнаментов торчат металлические трубки, из которых в чашу льется вода. На постаменте — некий герой, опершийся задом на еще какой-то служебный прямоугольник. В руках у него нечто похожее на вольнку. Челюсть крупная, стрижка — горшком, шляпа с узкими полями. Все, что снизу до героя, имеет песочно-розовый цвет, сам он и та штука, на которую опирается, — цвет настоявшегося такого бетона.

Так все это и выглядит, однако суть дела оказалась исторической. В промежутке между моими появлениями в этом сквере в мае 2008-го и нынешним мартом (2009-го) я был в Вене еще и пролетом из Москвы в Краков и из Кракова в Москву. Странные стыки, к тому же они были неудобны по времени: ни по дороге туда, ни обратно я не успевал съездить в город. Разве что можно было добраться на электричке до Wien-Mitte, чтобы на следующем же поезде отправиться назад. Ну можно полчаса походить в окрестностях Митте, что не есть счастье с их вечным ремонтом. Пратерштерн и Реннвег — не лучше. Я и не поехал, отчего стал неплохим знатоком аэропорта Швехат. Нашел в по-

луподвале даже дешевый магазин сети «Billa». Заодно, в качестве, что ли, компенсации, купил книжку «Wien. Ein Reisebegleiter. Von Susanne Schaber, Insel Verlag, 2007».

Книжка простецкая, с лирико-познавательными вывертами на городском материале. Пафосная и сентиментальная: «Schön alt und schön neu» — Вена, а как же еще. Составлена из описаний десятка строго организованных маршрутов: «Über den Nachmarkt und Mariahilf in die Josefstadt», например. Стилистика — тоже задушевная, да там еще и стишки. Но это нормально, поскольку автор писал ее с искренним ощущением того, что находится в лучшем месте в лучшее время, а лучшее время тут всегда. Понятно, чтение таких сочинений может вызвать ложное чувство причастности к городу, который и в самом деле не чужой, — но не чужими же привязками усиливать свои? Тем более когда все это еще и облеплено фотографиями, подписанными в духе: «Mit dem Fiaker durchs alte Wien».

Но эта сентиментальность была развита до состояния трипа, происходящего в мозгу автора книжки по ходу перемещений по реальным улицам. С привлечением, разумеется, справочной и художественной литературы. А чем эмоциональнее разрабатывается трип, тем отчужденней он для постороннего и тем сильнее на него действует. Отчужденность там нарастала и оттого, что все это базировалось на общекультурном анамнезе: вот Ингеборг Бахман живет в 3-м бецирке-округе (Landstraße), вот она там же знакомится с Целаном. А Музиль, как же тут без него, пишет на Rasumofskygasse 20. пару глав «Человека без свойств»; перулок Разумовского тоже 3-й округ — все это в соответствующей главе книжки. Но Вена у нее в сумме действительно возникает, а ее автор выглядит вполне невымышленным элементом города: вот, у них принято чувствовать и так сладко.

Конечно, в это предъявленное приключение можно въехать, когда знаешь и город, и улицы. А иначе трудно адекватно понять слова, якобы приближающие к непри-

крашенной правде жизни, происходящей в 7—8-м округах: «Hier läßt sich sehen, wie Wien wohnt». Ага, тут, значит, вся правда о том, как Вена живет. Ну да, не Ринг, но это же все равно милейшие районы, а у нее к их описанию прикреплена почти брутальная строка Кунерта «Zum Himmel kann hier keiner fallen». В небо, знаете ли, в Нойбау и Йозефштадте не выпасть — это если из окна попробовать. Ну да, а в Видене запросто.

И вот по ходу чтения, не без приятного чувства узнавания нашелся угол Kirchengasse и Neustiftgasse: именно тут в своей преждевременной могиле спел Augustin Marx («Ein tüchtiger Trinker») знаменитую с тех пор песенку: «O, du lieber Augustin, Augustin, Augustin, O, du lieber Augustin, alles ist hin». Ему и посвящено это невнятное чучело. То есть это именно он.

Несомненно, совокупность слов и фактов из предыдущего абзаца производит материализацию какой-то истории, существовавшей в распыленном виде, а этот угол с памятником ее концентрирует или конденсирует. Не сказать, что история тут делается какой-то особенно важной, но с технической стороны выходит, что у нее — вот у этой вполне локальной и не очень великой истории — есть точка привязки, именно здесь. Историй вообще полно, они и должны как-то образом укрепляться в своих местах, чтобы не расплыться и содержать себя. Должны просто где-то стоять. Сначала они нелепы, а лет через сто позеленеют или оботрутса ветром, тогда нормально выглядят. В городе Вена, где когда-то историй было очень много, понимали: следует фиксировать имеющиеся, а то и по несколько раз. Конечно, это понимают только там, где историй много, — надо фиксировать, чтобы не запутаться. А где их немного, там думают, что все и так всё помнят, а в результате — пфе, никакой памяти.

Но как ощущается сам факт всплывания истории из общего, разрозненного до пыли анамнеза, и чем он ощущается? Какие чувства вызывает? Вот вы, такой вялый и несфокусированный, а вот — история: ей двести лет или

триста, неважно. Но она же отчасти переключает время, и в организме что-то немного передергивается. Незаметно, не системно и не содержательно. Так, добавочное давление извне. Какой, собственно, орган ощущает такие короткие давления, притом — в разнообразии их свойств и происхождения?

Что до самой фабулы Августина und памятник, то она проста. Этого пьяницу конкретно тут и хотели однажды закопать. Перебрал, заснул, а это были годы чумы, 1678—1679, граждане логично решили, что на дороге валяется очередной покойник. Уточнение этой версии сообщает, что Августин рухнул еще в центре, а сюда его вывезли к ближайшей открытой яме для захоронений — ее вырыли возле церкви Ульриха, она за углом. Закинули в яму, хорошо хоть не успели закопать, так что наутро А. Маркс проснулся и, как это стало быть известным в последующие времена, пропел свою знаменитую песню, по-русски известную как «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин! Ах, мой милый Августин! Всё прошло, всё».

Так или иначе, но базовая версия утверждает, что Августина в яму никто не кидал. Он пил где-то возле Св. Штефана, шел оттуда — домой, что ли? — и сам в яму и рухнул. А яма, да, стояла открытой в ожидании промышленного заполнения. Эта версия даже сообщает, что Августин был удачно проспиртован и от ночевки среди чумных трупов не то что чуму не подхватил, но и не простудился. Впрочем, время года версия не сообщала. Следующая версия выглядит еще более реалистичной. Там Августин не сам выбрался из ямы, но проснулся, испугался и стал звать на помощь. Тут ему и пришлось доказывать подошедшим гражданам, что он не оживший покойник. Потому-то он и запел песню. После чего его извлекли из могилы и он стал жить дальше. Впрочем, недолго — говорят, церковная книга сообщает: Августин умер 11 марта 1685-го, с перепоя, в возрасте 35 лет. Сомнительно, что там было указано «с перепоя», но почему бы и нет.

В легендарном месте падения Августина в яму и последующего возникновения песни на возникшем лет через 200 пересечении улиц Neustiftgasse и Kellermannngasse в 1908-м ему и был установлен памятник-фонтан. Как написано на постаменте, «От gemeinde Вены, муниципального образования, подчиненного доктору Карлу Люгеру, в 1908 году». Люгера, конечно, памятник не слишком красит, если говорить о художественных достоинствах. Но кто есть Люгер? Это не тот Люгер, который изобрел пистолет Люгера, а бургомистр Вены, весьма способствовавший ее обустройству во времена своего бургомистерства с 1897-го по 1910-й. Его чтут. Например, если ехать из аэропорта на электричке и смотреть направо, то среди Центрального кладбища в Зиммеринге (Simmering; обширное, за бетонным забором) будет хорошо видна немаленькая «Мемориальная церковь Карла Люгера». Люгер был сложный тип, боролся с тогдашними глобалистами-либералами, с какой целью осуществлял смычку низших классов с аристократией и церковью (католической): как следствие — либералы уязвлялись еще и с антисемитской стороны. Там сложная раскладка, по ходу дела пострадали и Климент (у которого отняли подряды на плафоны в университете), и все актуальное тогда искусство. Собственно, памятник потому и диковатый, что главное в нем — народность.

Бургомистром Люгер был грамотным, направил по каменному водоводу в город альпийскую воду (нет сомнений, в фонтане этого памятника текла именно она), провел тепловые коммуникации, муниципализировал газ и электричество, чрезвычайно развил трамваи. Один кусок Ринга так и называется Карл-Люгер-Ринг. С виду Люгер похож на российского эмигранта первой волны, наведавшегося на Родину в начале 1990-х. Бакенбарды-усы-борода, особая проникновенность взгляда выпученных с неким смыслом глаз. Был популярен, имея прозвище Der schöne Karl, то есть «прекрасный» или, возможно, «красавчик». Впрочем, он никакой не Люгер, а Луэгер: *ue* в фамилии

Lueger когда-то поняли как диграф для *ü*, а это просто две буквы. Но в русский язык вошло это *ю*, а в порядке последующей самокритики, невозможной без некоторого оправдывающего компромисса, стали употреблять гибрид — Люэгер, не соотносящийся уже ни с чем.

Но и сама песня Августина про Августина переведена на русский язык плохо. Даже те ее части, которые пошли в тираж и пелись, что ли, под шарманку или какой-то еще звякающий инструмент (как назывался этот диск с прямоугольными дырками, стоявший вертикально за стеклом музыкальной машины? Точнее, как называлась эта машина? Оркестрион?). В оригинале эта песня не была нежной. Никаких «все прошло», но — *alles ist hin*. Все, короче, позади и полный каюк — хин, акцентированный удар в конце строки, а не шепелявое «всѳпрошшшлооовсѳѳ». Кроме того, в канонической русской версии отсутствовала строфа: «*Und selbst das reiche Wien, Hin ist's wie Augustin; Weint mit mir im gleichen Sinn, Alles ist hin!*»

То есть тут же важна четверная жесткая рифмовка, а *hin* еще и рифмуется с *Wien*, то есть с *Wien*, Веной. А с чем можно рифмовать «прошшшлооовсѳѳ»? Не рифмовать с Веной нельзя, во-первых — потому что в оригинале все построено на этих трех *in* вокруг нее. То, что это важно, подчеркивала строка в первом же куплете: *Alles hin — Augustin*. Во-вторых, тут поет не обобщенный забулдыга, а конкретный гражданин именно Вены, где эта история только и могла произойти. Причем другие народы это понимают — в английской Википедии неизвестный автор счел необходимым представить песню так: «“*Oh du lieber Augustin*” is a Viennese folk song, composed by Marx Augustin in 1679». Венская народная, авторства Августина М. Никак иначе.

Впрочем, отсутствие Вены в переводе этого абзаца придавало сочинению всечеловечность, нет сомнений. Но это не все, в русском переводе был пропущен куплет: «*Rock ist weg, Stock ist weg, Augustin liegt im Dreck*». Некий самодельный энтузиаст перевел его так: «Пиджака нет, ценно-

стей нет, Августин лежит в грязи». Пиджак и ценности — ладно, но вот «дрек»... «Лежание в грязи» не катит, «дрек» требует более энергичных вариантов: нечистоты, сор; кал; помет; дрянь; дрянной товар; нелетная погода; туман. Ну красиво же: Августин лежит в нелетной погоде. Хотя, конечно, подразумевалось говно. Он же фактически митёк — если эта тема в России еще не забыта: «Митьки не хотят никого победить, поэтому всегда будут в говнище». Даже странно, что в пору своего возникновения данная группа (тельняшки-ватники-усы-бороды-коты-портвейн) не сообщила, что у нее есть Небесный патрон: Августин. Впрочем, этот абзац ведь в переводе отсутствовал, да. А оригинала они не знали.

Только какие же в Вене митьки? Даже не так, что их тут нет ни в каком виде, хотя бы в виде осведомленности о данном социогуманитарном факте, — их тут не было уже и для меня: кто такие и зачем? Притом что по меньшей мере троих главных я знал и, мало того, прямо способствовал их публичному расцвету, первым опубликовав исходный манифест, тот самый, где сказано, что они не хотят победить никого. А теперь: кто такие? Название еще болталось в уме, но как полый звук, без ничего внутри. И, значит, я сам был тут уже несколько измененным. Конечно, первое лицо, производящее изложение, никогда не совпадает с автором, пусть и использует некоторые его ресурсы. Словом, есть у пьяниц своя планета, и тут ей, значит, небольшой памятник. Вообще, может, в руках героя и не волынка, а просто дудка, которая вполне бы подошла Диззи Гиллеспи (этот, в отличие от митьков, тут существовал), и — отдельно, в розницу — мех с вином? Не понять, очень уж все условно.

Далее, откуда эта музыка для музыкальной шкатулки, когда тут индастриал или хеви-метал как минимум? «Rock ist weg, Stock ist weg, Augustin liegt im Dreck» — какие тут нежности, это же почти раскаты грома.

То же касается словосочетания «милый Августин». Этот момент уже заинтересовал многих. В той же английской Википедии авторы оговаривают перевод особо: «The phrase “O (or, alternatively, Ach) du lieber Augustin” does literally mean “(Oh you) dear Augustin”, but should probably be best translated as “Oh (you) poor Augustin!”, since it most likely refers to the author himself. “Ach, du liebe(r)...” used to be a very common phrase of commiseration in German. (Note the approximately equivalent phrase “Oh dear (me)!” in English which also conveys an element of — more or less disagreeable — surprise, nothing to do with the adjective: “dear”.) To preserve the rhythm of the song, perhaps “Oh you poor old Augustin” could be used». Вывод: ничего общего с прилагательным «милый». На русский было бы правильнее перевести «эх, бедняга Августин», если не «мудило».

Были также и нетривиальные коннотации, связанные с Россией: про куранты Спасской башни. В 1763 году в здании Грановитой палаты были обнаружены «большие английские курантовые часы». С 1767-го выписанный по этому поводу из Германии мастер Фатц (Фац) три года устанавливал их на Спасской башне. Установил. И в 1770-м куранты заиграли именно «Ах, мой милый Августин», и некоторое время эта музыка звучала над Кремлем. Черт знает, может, из-за Августина в Кремлевской стене и стали потом хоронить большевиков и дальнейших героев. Чума — ров — Августин — длинь-длинть — куранты — ров — захоронения. Перенесение исходного смысла, налипшего на песенку и, как вирус, вызывающего при употреблении песенки события, соответствующие исходному смыслу. Тем более что вот еще одна связь, уже совсем конкретная: «Августина» на Спасской башне стали играть в 1770 году, и в этом же году в Москве тоже началась эпидемия чумы.

Все на свете — ах, оставалось лишь вздохнуть — было липким от каких-то бесконечных связей, от их переплетения: к середине, даже уже в конце середины жизни они начинали душить, сваявшись в войлок. Надо полагать,

вот так жизнь и приступила к началу своего окончания. Однако ж все это происходит ровно в тот момент, когда — по личному ощущению — возникает какой-то очередной ноль, который сотрет все. И теперь это куда сильнее, чем в конце 1980-х, когда это тоже происходило. Но тогда это касалось отдельной страны, а теперь всё явно мощнее. Вот для этой темы Вена как раз подходит, имея в виду ее запустение за прошедшие сто лет. 1980 миллионов в конце XIX века, шестой город мира, а теперь что? 1,68 миллиона человек в середине 2008-го. И много ли она упоминается в обычных европейских новостях? А Августин, да, стоит, хотя этот угол вполне обошелся бы и без него. Глупый памятник. Будто какому-то крестьянину или оптовому торговцу кожами Бадлу, а не венскому артисту-пропойце. Да, в то время район был вполне сельским, в какой одежке ему еще было ходить на свои уличные концерты возле Штефандома? Стоит тут теперь и связывает собой империи, времена и личные обстоятельства.

И вот все это — едва я приехал, вселился и вышел покурить на площади. А теперь уже докурил и вижу, что за год моего отсутствия на этом углу произошли некоторые изменения. Например, на дверях офиса были феминистские и соц-демократические плакаты, а теперь их нет.

Один тогда изображал большегрудую девицу, старательно тянущуюся к красной пятиконечной звезде на синем фоне. Звезда была подвешена так высоко, что у девицы футболка вылезла наверх, оголив живот, ну и спину: потому что она была вполборота. Подпись: «Zukunft ist Sozialismus». Пятиконечная звезда была того формата, который употреблялся в Советской армии, — не сухая общегосударственная звездочка, а в теле, что ли. Крепенькая. Впрочем, без серпа и молота; на всем плакате обошлось без серпов с молотами, хотя и социализм, и будущее. Но этот плакат был в окне офиса, а в дверях был другой —

лысая девушка отшвыривала в сторону предметы быта: метлу, кастрюлю и, почему-то, настольную лампу. Слоган: «Общество волнуется: супа не будет». Девица сплошь белая, контурная, фон — черно-багровый. Внизу — маркер феминисток, нолик с крестиком.

Видимо, съехали. Вряд ли к этому подтолкнули внешние обстоятельства — район был не так чтобы заброшен, но естественно-венский, много старого. Доходные дома конца XIX — начала XX века без особых изысков, зелени почти нет. Поскольку тут считают всё, то сосчитали и зелень: в справочнике по району можно узнать, что зеленые насаждения в 7-м округе занимают всего 4%, что крайне скудно для Вены — в эти 4% входил сквер возле памятника-фонтана, а также, наверное, трава вокруг Народного театра. И газон в Музейном квартале.

В первых этажах тут много пустых лавок, пыльные витрины — уже невесть сколько лет заколоченный магазин с красивой рельефной надписью серым по бордовому «Altes und Neues». И других пустот много. Так что вряд ли социалистам аренду подняли так, что они съехали из-за нее. Еще тут рядом кафе «Кандинский» — в проходном дворе между Нойштифтгассе и Lerchenfelder Straße. Работает ли еще? На Нойштифтгассе у них на стене дома, чуть попятившегося от красной линии улицы, реклама, но ее видно, если идти в центр, — сейчас я ее заметить и не мог. Возле рекламы проходной двор на Lerchenfelder, кафе внутри, столики уже и во дворе, сопровождаемые надписью «BITTE PSSST!» белым по зеленому — чтобы громко, что ли, не разговаривали. Вряд ли закрылись, что тут с Кандинским станется.

Еще перемены: на углу сквера и Келлермангассе, по мою сторону, раньше было граффити — мужское и женское лица, вписанные — лицом к лицу — друг в друга поцелуем. Граффити сохранилось, причем к нему теперь добавился еще один элемент: стилизованная морда типа из

трех четвертей круга с глазом, расположенным так, как если бы недостающая четверть была ртом. Распространенная фишка. Из этого рта в сторону взаимно склеенной пары излучались три сердечка. Граффити с двумя лицами за год не выцвело и не поблекло, так и осталось зеленым, а новый рисунок был серым. Да, еще этот белый и голубой странно выложенный кафель: явно не без смысла, на темно-сером доме.

К чему это всё

Возможно, этот начавшийся иксспириенс связан с тем, что люди стали вести себя как-то не так, как могли бы. Не хуже, чем следовало, но только можно было бы реагировать и спокойней. Не кто-то отдельный, а в среднем по обществу. Очевидно, были возможны более спокойные действия, вообще — их личные возможности допускали и более самостоятельные форматы жизни. То есть меня в этой диспозиции можно тогда расценить как попавшего в некую дырку, в которой обходишься без внутренних возмущений, а эмоции, которые снаружи, меня там не найдут.

А когда тебя не касается соборное возбуждение, то все спокойней и логичней. Дело дошло даже до того, что стало возможным слушать старые глупые песенки, разглядывать без отвращения что угодно и даже немного читать то, что все эти люди наковыряли раньше, — без малейших чувств, просто выясняя, что они там имели все в виду. Личный драйв не исчез, он перестал быть горизонтальным, ушел в плоскость, расположенную чуть иначе. Она с общественными процессами пересекалась не по физиологической кривой, поэтому драйв стал спокойным. Конечно, это была незнакомая его фаза. В чем-то она и не очень приятна, потому что производит выключенность из общественной действительности. Просто какое-то материализовавшееся отсутствие. Как теперь с этим жить, если

в этой точке все чувственные — социально-чувственные — процессы замерли навсегда? Но это не беда, потому что ощущение было приятным. Как из жары в нормальную погоду. Все как-то расслабляется, но делается бодрее.

Да, этот феномен — если чувственно до наглядности — можно свести к попаданию чего-то в свою дырочку. Или колёса шестеренок совпали, подошли наконец по размеру с тем, что они крутят: обе стороны фактически слиплись, и их, шестеренок, зубцы перестали ощущаться. Полностью теряешь свои внешние формы — а как не потерять, когда они уже влипли в окружение — открывая типа дорогу к дальнейшей — не сказать, что непременно более важной, но уж точно спокойной деятельности. Вот совпали, все вокруг стало понятным, а самого тебя и нет почти. Это очень приятно всем чувствам.

Или такой проход между домами, или дверь в стене — протиснулся, а там тихо. Пропал постоянный гул с прихрюкиванием, разве что немного что-то шелестит и пощелкивает. Или как если среди толпы вдруг какая-то точка полной эмоциональной невидимости, невключения. Думаю, в схожих чувствах пребывал Т.С. Элиот в пору «Четырех квартетов». Они и были употреблены на эстетическую реализацию этого вида драйва.

Но тогда проблема: если попадаешь в такие свои, дополнительные ко всему прочему, места, то их надо бы зафиксировать, пусть словами. А это сложно, потому что слова будут связаны с привычной реальностью, а она тогда — как ее ни искажай, описывая, — затянет в себя. Потому что такое свое место определяется очень расплывчатыми штучками, которые трудно в окрестности вписать. Точнее — что можно сделать с этими окрестностями, чтобы там нашлось место той точке, которая представляет собой уход от них?

Да, такие штуки можно пытаться уловить, построив тотальную метафору из обыденных элементов. Это работа-

ет, но слишком уж суггестивно, уничтожая само явление. Обкладывая — для надежной видимости — это свое место метафорами, как кирпичами, производишь объект всё из того же привычного пространства. Да еще и разгорячишься по ходу дела, отчего и включишься обратно. А ведь дело было именно в том, что нашел проход в тихое пространство, где тебе иначе. Не так что за подкладку существа, хотя можно считать и так — поскольку обычно такое ощущение живет недолго.

И вот здесь у меня был вариант — город Вена, в котором я почему-то всегда оказывался как именно в таком месте. Колесики зацеплялись, все шло само собой. Ни от чего не надо отчуждаться, ничему не надо противостоять. Поэтому как только вышеупомянутое ощущение появляется, то можно отправиться туда, где все складывается и без умственных усилий. Не так уж что захотел и сразу отправился — пансион следовало заказать заранее. Вообще это не Вена сама все выстраивает, сложнее. Не был бы я теперь в этой фазе, так уже пошел бы пить коричневый кофе в переходе Шоттентора, где пересадка с линии U2 на трамваи, маршрутов сразу на десять. Кофе там хороший, а на стене висит доска с прежними ценами в шиллингах. Но именно 7-й округ и эта лавочка были тем, с чего следовало начинать такой приезд, — дальше уже не собьешься. А вот Августин к моим структурным ресурсам не относится — он тут свалился сам по себе. Тем более что лишь на третий раз в Вене я соотнес это чувство в милом для меня месте с историческим фактом.

Тут реально была для меня такая полость, в которой как окажешься, так все эти колесики и прочие детали механизмов перестают тревожить. Они здесь сразу как-то тут же сцеплялись друг с другом. Как это было бы в других точках города — не знаю, но в зоне от Ринга до Гюртеля надежно. Да, Гюртель: его бы надо пояснить, но уж позже.

Пансион был во дворце буржуазных времен — площадь номера метров пятьдесят, не меньше — с видом на Народ-

ный театр, а если высунуться с балкона и посмотреть налево, то и на ратушу. Музейный квартал тоже под окном, как и Народный театр, но правее. Ничего гостиничного, девушка выдала ключи от комнаты и входной двери и пропала. Ее пришлось даже искать по закоулкам громадной квартиры, чтобы выяснить, как тут с wi-fi, — да, он имелся, бесплатный, но следовало подписать бумагу и отдать скопировать паспорт: в подтверждение того, что не стану смотреть что-нибудь дурное. В номере была отчасти дизайнерская ванная комната с душем и совсем уже дизайнерским умывальником из гранитной плоскости с выдолбленной емкостью для воды — вода, однако, стекала плохо, даже отвратительно; в пансионатах, переделанных из квартир, это бывает. А на стене там отсутствовали крючки-вешалки, вместо них — две дыры, вывернутые наружу как-то так, будто там только что попытались повеситься два слишком тяжелых организма, отчего крюки выдернулись, произведя разверстые дыры.

В этом же доме, справа от парадного был полуподвальный кинотеатр с афишами, какие могли быть в 1950-е годах. Кажется, он и показывал какие-то древности. Внутри понятно, лакированное, когда-то светлое дерево, плюш, непременно пыльный бордовый или малиновый — как же еще? От входа видно небольшое фойе, сохранившее интерьер, пожалуй что даже и 1940-х. Там перед сеансами просто обязана петь из репродуктора Ренате Хольм:

Blue-Blue-Blue Canary — tweet-tweet-tweet — du
singst vom Glück.
Den Liebsten aber bringt dein — tweet-tweet-tweet —
mir nicht zurück.

В какой мере здесь фикшн, а в какой нон-фикшн? Здесь нет путешествия, просто другая точка. Особых открытий не ожидается, сюжета тем более — не считая последовательности перемещений по городу. Куда мне двигаться и что со-

чинять, если я в точке абсолютного покоя, пусть даже и в ней что-то происходит? А с фикшн и нон-фикшн все вообще непросто. Вот, например, справочник «Времена немецкого глагола». «Victory», Санкт-Петербург, 2007. Немецкий я стал учить год назад, без курсов, по руководствам, справочникам и словарям. Плюс радио в Интернете. Затем что для Австрии и Германии нужен был какой-то минимальный уровень. К нынешней Вене разговаривать я, разумеется, не начал, но читать тексты и понимать речь на слух вполне мог. Однако время от времени мне не до немецкого, отчего он меня тут же начинает покидать. Восстановить ситуацию проще всего покупкой очередного небольшого учебника. По грамматике — лучше всего, заодно еще и грамматику всосешь, что-то да останется.

Так вот, язык и глаголы, а также fiction и non-fiction. Каким фикшном может вообще быть справочник? Но там есть правила и примеры. «Im Winter frieren die Fluesse zu» — «Зимой реки замерзают» — это нон-фикшн? Да, но разве это не может быть началом чего угодно, что окажется чистой фикцией? Предложение не несет на себе никаких примет безусловной подлинности. Дальше: «Sie wird kommen». Ставим рядом: Im Winter frieren die Fluesse zu. Sie wird kommen. Вроде уже начало какой-то беллетристической истории, они же тут начинают конкретно срастаться. В каждом из таких руководств кроется сотня романов: «Seine mutter lässt ihn zu hause bleiben», ну и вперед на тему психологических проблем личности, вызванных таким детством.

Или: «Man tanzt am Montag nicht» — «По понедельникам не танцуют». Какой же тут нон-фикшн, когда просто заголовок романа? Или «Lügen ist unsinning», «врать бессмысленно», «лгать бесполезно» — ну просто жанр. Причем в любой момент там может произойти возврат в самую конкретную реальность: «Man hat alle unbekanntten Wörten herauszuschreiben und auswendig zu lernen», «незнакомые слова надо выписывать и учить наизусть». Но ведь это уже — за-

одно — прямое обращение к читателю в его обстоятельствах, он немедленно должен включиться в это дело, вот и я уже «auswendig» тут записал, хотя это был лишь пример употребления инфинитива в конструкциях haben+zu+Infinitiv.

Что тогда говорить о роли модальных глаголов для выражения предположений? Разве само предположение не является нейтральной, серой зоной между фикцией и реальностью?! Уже сама степень достоверности там регулируется простым смысловым выбором одного — наиболее адекватного — варианта: «Er muss/mag/dürfte/kann (könnte)/will/soll hier gewesen sein» — так был ли он здесь? И что есть реальность или же ее отсутствие? Вообще нон-фикшн — это просто когда все как бы само пишется, и неважно, что именно. А вот вопрос интереснее: если в таких случаях появляется первое лицо — оно тогда кто? Оно реально или уже нет? Вот хотя бы в данном, самом конкретном случае, в этом, который пишется здесь?

Ринг и Гюртель

Потеплело уже так, что свитер стал быть лишним. Проще всего было вернуться в пансион и его там оставить. Вернулся и заодно стал пить кофе в гостиной, у открытого балкона, выходящего в сторону крыши Народного театра. Кофе производила не виденная в других местах машинка. В нее следовало совать довольно большие и мягкие таблетки — упаковки с дозами натурального кофе. Это была хорошая система, разве что машинка иногда — как выяснилось вскоре — косячила, чем-то там у себя внутри не продырявливая таблетки, отчего в чашку лилась пустая, слегка грязная от предыдущих актов вода. Сама проблема, как выяснилось, состояла в том, что таблетка вставала криво, отчего процесс сбивался. Ну, в нем была склонность сбиваться. Таблетку следовало пропихнуть черенком чайной ложки, она вываливалась, ее можно было вставить

обратно, или уж другую. Усиленное внимание при засовывании таблетки в гнездо проблему снимало.

Город Вена устроен просто. Дунай в городе фактически отсутствует, он далеко, невидимый, за Леопольдштадтом и Brigittenau, куда в здравом уме никто не сунется — там делать нечего, не любоваться же на квартал ООН. Так что линией отсчета является городской канал, а далее следуют три концентрических дуги. Их центром можно приблизительно считать Штефандом. Или Hoher Markt. Где-то между ними.

Первой дугой будет Ринг, как уж принято — сделанный (довольно поздно) вместо городских оборонительных валов. Строительство было сильно нагружено символизмом, свидетельствуя о всяческих социогуманитарных и геополитических переменах, отчего Ринг оказался не так чтобы улицей, а совокупностью странных зданий, каждое из которых своим стилем что-то да означало. Выстроить парламент в древнегреческом стиле да еще и поставить там статую Афины, которая будет олицетворять законотворческую деятельность избранных граждан. То же и музеи, университет, ратуша (типа готическая) и т.п. Время строительства этого длинного и несуразного городского объекта так и оформилось «временем Ринга». Плюс всякие буржуазные дворцы в виде доходных домов, то есть наоборот — доходные дома в виде фактически дворцов. К ним относилось и здание, в котором был пансион, пусть он и отъехал от Ринга за Вторую линию. Туда тоже это время добралось.

Внутри Ринга находятся венские сакральные древности вроде соборов и императорских дворцов. Как принято в Вене, эта часть города называется Innere Stadt, я там даже пару раз был — не сказать, чтобы в приступе туристического энтузиазма. По бытовым обстоятельствам. В первый приезд, скажем, выяснил, что поменять деньги проще всего в банке возле Штефандома — чтобы уж наверняка и не искать, мало времени было. Кроме того, иногда непонятно, где поесть — вечером воскресенья, например. А возле

собора в переулке есть уличная палатка. Обычный застекленный параллелепипед, где дают сосиски и т.п. плюс красное вино. Возле Грабена, практически выходя на него торцом. Не помню, то есть — не знаю, как переулок называется, но это с внешней, скажем так, стороны Грабена. Ближе к собору, чем к Чумной колонне. Почти возле входа в метро.

Да, за год тут произошли изрядные перемены: раньше по Рингу ездили по кругу два трамвайных маршрута — 1-й (по часовой стрелке) и 2-й (против). Так по кругу и ходили. К моему нынешнему приезду с ними покончили. А потом обещали так: с 4 апреля 2009-го по кругу должен уже курсировать специальный Vienna Ring Tram (VRT), он пойдет по часовой, то есть как ходила единичка. 1-й и 2-й номера при этом не ликвидировали, но изъяли их из кругового движения, назначив им другие, более прагматичные маршруты. Первый шел теперь от Stefan-Fadinger-Platz (это в Favoriten) куда-то в Пратер, 2-й ездил из Ottakring'a до Friedrich-Engels-Platz в Brigittenau. Сейчас был еще только март 2009-го, так что VRT еще не появился, но старые перенаправили, как выяснилось, еще 26 октября прошлого года. Причем на этот специальный туристический VRT обычные билеты не годятся. По всей Вене на любой транспорт билеты одинаковые, а тут специальный, 6 евро за поездку. Так что дождь в биме уже не переждать, не покатаешься по кругу, пока ливень. Ливни, к слову, здесь весьма вероятны и практически неизбежны в мае. Как-то это связано с окончательным таянием снега в Альпах. Но и в марте с дождями тоже надежно, если уж начнется, то на весь день, не иначе.

Вообще, все не совсем так, как сказано выше. Innere Stadt отгрызается от канала не Рингом, а второй дугой, второй линией, 2-er Linie, Zweierlinie. Она как раз отсекает от нормального города весь этот архитектурный пафос парламента, ратуши, университета и музеев — все они между Рингом и ней.

В ней был и прагматический смысл: по Рингу почти всё (кроме трамваев) едет по часовой стрелке, а тогда по второй линии пусть ездят против часовой. Собственно, второй линией ее и назвали потому, что туда как раз хотели перевести трамвай второго номера, чтобы он не ездил по Рингу против часовой (*Der Name «Zweierlinie» leitet sich daher ab, dass diese im Liniennetz der Wiener Straßenbahn als Strecke Nr. 2 bezeichnet wurde*). Но трамвай так и не перенесли, а теперь ездят по ней и так и сяк; разве что против часовой полос кое-где на одну больше. А потом, для простоты, что ли, запоминания: раз уж линия вторая, то и линия метро, идущая ровно под ней, стала (когда появилась) линией U2. Ну а автобусы, которые как-то с ней связаны, имеют в номере еще и подиндекс 2. Но это так пишут, сам я на них не ездил.

За Цвайер-линией начинается уже нормальный город, который длится довольно долго, до следующей дуги, до Гюртеля. Тот связан с очередным планом развития города, также приведшим к тому, что центр еще раз отрезали от окраин: Гюртель задает железнодорожная система, идущая от Южного вокзала через Западный ко все тому же каналу, а дальше будут Дунай, горы и, в итоге, Флорисдорф. По Гюртелю идет линия U6 метро, как бы метро — вагоны там трамвайного типа с токосъемниками сверху. Это красивая линия, один длинный и плавный оттовагнер. Почти все эти станции черно-бело-золото-зеленые. Немного потертые, но все же: белые стены, литые столбики, покрашенные зеленым черные опоры и прочий чугун. Ну и золото чуть-чуть для украшений. Шрифт названия станций очень правильный. Там не сплошной оттовагнер, но две станции через третью непременно его. Там Гюртель выглядит как насыпь, возле станций метро в ней проделаны дыры, в которые пролезают улицы. В помещениях под насыпью клубы и другие темные места. Что до автомобильной части Гюртеля, то когда его построили, движение по нему было левосторонним, как в Британии. Континентальное направление там

ввели в 1938-м, после Anschluss'a. А швехатские электрички левосторонние и сейчас.

За Гюртелем начинаются когдатошные места жизни фабричного населения. Они, в общем, красивые, «Красная Вена», социальное строительство. Но про них тут вряд ли будет, а вот промежуток между Рингом и Гюртелем составляют разновременные, в основном XIX века кварталы плюс некоторые более-менее древности в виде церквей. Район от Ринга до Гюртеля нарезан радиально, если в качестве центра брать Штефандом, и по этим ломтям делится на округа, то есть бецирки. Их там штук шесть, кажется, уложилось.

Где богаче, где скромнее. Скажем, вышеописанный угол, равно как и пансион, находится в Neubau, 7-м округе. Богатый он или нет? С одной стороны Нойбау ограничивает Мариахильф, а это вообще главная торговая и, что ли, самая веселая улица города. А из этого, в гостиной, окна виден Музейный квартал и другие приличные места. Но чуть в сторону Нойштифтгассе, как тут же остановка времени, перемен тут практически не бывает, и местность ветшает. Тот же пыльный магазин «Altes und Neues» стоит в таком виде два года только на моей памяти. Да и вообще полно пустых лавок, явно не свидетельствующих об экономическом счастье района в этой его части. Магазин старых CD и пластинок «Sing-Sing» работает, но без особого энтузиазма. На площади возле церкви Ульриха одни пустые витрины, в том числе — лавки «Stein». Она определяла себя как «частный блошинный рынок», но украшала себя слабо вяжущимся с этим позиционированием слоганом «твое пиво — мое пиво» («dein beer ist mein beer»). Там еще на вывеске урл, bierticket.at.tt, может, он и жив. А, нет, тоже не жив (это я все еще пью кофе, пишу на ноутбуке, и можно сразу уточнить). Пусто как-то на всей полуокружности вокруг ступеней церкви. Место называется Ульрихплац — в самом деле площадь, кто спорит, да и церковь тут же.

Район очень плотно застроен, и в основном доходные дома не слишком выдающейся внешности. Тут, поди, ни одного даже оттовагнера нет, не считая, понятно, станций Уб на Пюртеле. Но чего, собственно, хотеть от данного города, когда сейчас в нем жителей меньше, чем до Первой мировой? Видимо, они должны ощущать некоторое расстройство, впрочем — должны были уже привыкнуть. А вот следует ли из этого, что жилье тут раздают задешево? В самом деле, отчего бы не переместиться сюда, если это так? Что тут, собственно, с недвижимостью?

Недвижимость

И вот, сидя возле приоткрытого балкона в пансионе, я стал смотреть недвижимость, чтобы она была прямо в этом, 7-м, округе. Первый же сайт, который вылез в искалке, тут же предложил: 1070 Wien, Neustiftgasse 48 Top 3. Baujahr: ca. Jahrhundertwende. Raumaufteilung: Zimmer, Vorzimmer, Küche, Bad, WC. Stockwerk: Souterrain. Zustand der Wohnung: Sanierungsbedarf. Nutzflaeche: ca. 39 m². Öffentliche Verkehrsmittel: 13A, 48A, 46. Kaufpreis: 50.000.

Конечно, в целом в районе дороже, чем за 50 тысяч ойр. Доходило даже до 500 тысяч. Потому что всюду большие квартиры. К тому же эта, маленькая за 50, — Souterrain, то есть в полуподвале, и можно представить, что за Sanierungsbedarf, косметический ремонт, там требуется, в доме начала прошлого века.

Хорошо, а если не настаивать на Нойбау? В Favoriten были 30 m² за 42.000, а еще за 44.000. А вот даже двухкомнатная, причем на Нойбаугассе, хотя и сложной конфигурации, двухкомнатная на 40 квадратов с душем на кухне — за 46.350. Фаворитен все же не очень интересен, 50 тысяч за полуподвал на Нойштифтгассе — перебор, а вот 46 за двухкомнатную на Нойбау уже и неплохо. Нойбау — хорошая улица, между Нойштифтгассе и Мариахильф. Почти

даже ось района, хоть и идет поперек. Входишь на нее, а над головой растяжка: «Приветствуем вас на Нойбаугассе, улице специалистов». Что уж за специалистов — неведомо, но так себя там позиционируют. Доходишь по ней до Нойштифтгассе, там висит закрывающая скобка: «Прощай, Нойбаугассе!» Или «До свидания», не помню. Ауфвидерзеен, наверное. Ну и что такого, что душ на кухне? 46 тысяч — сумма добываемая. В принципе. То есть надо добывать, но может получиться.

А что может быть видно из окна в Фаворитене? Двор, наверное. Не в сторону же Южного вокзала — там бы дорожке взяли. У них там интересная последовательность на Гюртеле: подъезд с табличкой «Международный фонд Густава Малера», рядом секс-шоп или стриптиз, затем окол вокзальная пиццерия, мелкая мастерская по ремонту одежды, отель «Принц Эжен», дорогуший. Но там и дворы, а дворы там зеленые и уютные, что не соотносится с улицей, где неизбежная грязь окрестностей вокзала, а по Зюдтироленплац ветер вечно гоняет бесплатные номера газеты «Хойте», выложенные стопкой возле ступенек в метро. Вообще, на некоторых станциях распространяют «Хойте», а на других — «Остеррайх». «Остеррайх» чуть менее народный, как уж они делят станции — не знаю, но возле Южного вокзала был первый вариант. В дождь это особенно красиво: «Хойте» прилипает разворотами к тротуару, и повсюду красотики с первой страницы.

Зато там рядом Бельведер, пусть даже и бессмысленный. Опять же там забегаловки, их там много, и это вечерняя социальная жизнь. На Фаворитен возле Зюдтироленплац пьяная корчмарка меня однажды приняла за немца. Я спросил вина, она уточнила: «Achtel oder Viertel?» Я сказал «фиртель», тут она принялась фыркать: «Фиртель?! Фиртель, да он же дойч: “фиртель, фиртель”», — с повышением голоса, явно собирающегося закончить фразу словом «тьфу». Но налила этот ее виртель. Вообще, как может das Viertel читаться через «в»? Ну да, у них тут и австрий-

ско-немецкий словарь продается. Или я что-то не разобрал в местной фонетике. А что именно такое виртель (пусть уж виртель, там едва уловимые нюансы звукоизвлечения), понять вначале было трудно — чего, собственно, четверть? Вообще так и пишут: 1/4, 1/8. Видел даже 1/16. По ощущению, фиртель — от 150 до 200, так мне всегда казалось. Но вот когда (сейчас, за ноутбуком возле балконной двери в сторону Народного театра) я решил уточнить, то правда оказалась неожиданной, зато объяснила мне былые последствия двух фиртелей: *viertel — a unit of volume for wine in Austria, equal to exactly 1/4 liter (250 milliliters)*.

А вот выяснилось, что и с Фаворитен я был неправ. То место, где происходила вышеописанная сцена, это вовсе не Фаворитен, пусть распивочная и находилась на улице с таким названием. Но улица Фаворитен проходит еще и по вполне благопристойному Видену, 4-му округу. Бецирк Фаворитен — в некотором противоречии с топонимикой — дальше, за Гюртелем и вокзалом. Там неизвестные мне места, куда что-то не слишком хотелось. Вполне возможно, что там стоят сплошь новостройки времен, скажем, Варшавского пакта. Даже Гугл не находил сейчас ни одной картинки Фаворитен, показав лишь линию трамвая с какими-то свежими новостройками да водонапорную башню не без изысков возле Отто-Бенеш-парка. Надо будет туда все же заехать, посмотреть, прямо ли уж такой там ужас.

Тогда в распивочной кроме хозяйки была еще ее компания или просто локальные завсегдатаи. Расслабленные, благостные. Шлепали картами, собирались закрываться. Интерьер темный и обглоданный, совсем старый. Сбоку за столиком сидела старуха, лет 90. Пила что-то свое вечернее — пиво все же, кажется. Встала потом, ушла, пока я управлялся со своим фиртелем. Все как в Риге, в соответствующих точках в районе, скажем, тоже вокзала, да и не только. Еще был печальный интеллектуал, грустно и с таким пониманием глядевший на все вокруг, что легко бы мог сообщить что-нибудь про Вену, которая уже лет пятьдесят

представлялась ему смесью нерегулярности, изменчивости, недисциплинированности, столкновений всевозможных предметов и обстоятельств. Между которыми неизбежно зияют бездонные зоны тишины. Представителем одной из которых он, в данное время и в этом месте, безусловно являлся. Как, разумеется, и я там же и тогда.

В таких местах должны происходить стабильные просветления, но только уже после второго фиртеля, а хозяйка все-таки намеревалась закрыться. Это было правильно, поскольку в тот момент я же еще считал, что фиртель — это 150. Еще у них там были пластмассовые вазочки и натюрморт на стене. А просветление — это ничего, что до него сейчас не дошло. В Вене они происходят постоянно, время от времени. Примерно раз в год или в полгода. Главное, в эти полгода там оказаться. *Eigentlich*, собственно, нынешняя поездка отчасти предполагала получение очередной дозы просветления.

Но теперь день, даже солнечный и вовсе не возле Зюдбанхоффа. Я вышел на балкон, посмотрел вниз — вот же, слева через перекресток шла такая группа людей: четверо, все в черном. Шли не в ногу, зато первый нес четыре красные коробки одна в другой или на другой. Скорее даже алых, пластмассовые. Стопка, каждая из коробок примерно как книга, но коробка. Будто даже некая группа шла на запись чего-то в Народный театр, куда, впрочем, они и зашли. Должно же тут происходить создание новых арт-объектов? Может, они и шли это делать. Как же тут без арта, пусть даже население города меньше, чем до Первой мировой, и, похоже, не уменьшалось дальше только благодаря иммигрантам. В Нойбау вообще — как тут же сообщили сетевые источники: *Der Anteil der ausl ändischen Bezirkseinwohner lag 2005 bei 23,6% (Wien: 18,7%), und weist eine steigende Tendenz auf (2001: 20,2%). Den Höchsten Anteil der Ausländer stellten 2005 mit rund 4,7% Anteil an der Bezirkbevölkerung Staatsbürger aus Serbien und Montenegro.*

Weitere 2,7% waren deutsche, 1,6% türkische, 1,2% polnische und je 0,9% kroatische oder bosnische Staatsbürger. Insgesamt waren 2001 27,5% der Neubauer Bevölkerung nicht in Österreich geboren worden. 7,0% sprachen daher als Umgangssprache Serbisch, 3,8% Türkisch und 2,7% Kroatisch. Вот и как же тут не впишешься? Переедешь сюда, и все будет хорошо. Вписываемость предполагалась местной природой вещей.

У метро «Schweglerstrasse» был даже небольшой польский микрорайон. Во всяком случае, на продуктовом там висело объявление о прокате видео на польском. Вообще же печаль относительно своего исторического будущего на фоне блистательного прошлого должна была создавать в городе некоторый критический импульс, причем это был уже надежный столетний импульс, вызывающий постоянный креатив, хотя и не лучшим образом влиявший на свойства местного характера. Конечно, этот факт ощущался сразу же — причем на фоне полного спокойствия и полностью реализованного в собственной натуре собственного же материального неприятия. Причем в совершенно соответствующей мне среде. В первый раз за всю жизнь, то есть — в первом за всю жизнь месте: третий раз в Вене — третий раз это сразу же ощущаю.

Ни прошлого, ни будущего, ни социальной позиции, а частная жизнь индивидуального существования. Конечно, здешняя социальная среда это только приветствовала, в ней тоже все отчетливо постоянно обнулялось, и (как бы вспоминая местные проблемы десятилетней давности) тут наглядно имелся ценностный вакуум. Конечно, кто же не будет этим гордиться, вот и Брех тогда утверждал, что Вена — «центр европейского ценностного вакуума», а это добавляло определенности переживаниям и обостряло чувства.

Разумеется, можно говорить и о том, что ощущение вакуума было — в известной степени — следствием нарушившегося какого-то их порядка вещей, отчего внутренние и интимные порывы перестали непременно резони-

ровать в обществе. В частных случаях тогда получаются интересные варианты — о чем и речь. Но это обычно, частное приходится подстраивать к общему — в каком-то акте, собственно, всегда и проблема. Тут они подстраивались через вакуум, сильно преувеличенный.

Но сто десять лет назад этот реальный вакуум они неплохо использовали — имея в виду последствия, которые данное ощущение получило в их различных социогуманитарных и художественных практиках. Употребляли его и позже, и, безусловно, то, что этот вакуум — хотя бы внешне — так до сих пор и не изжит в окрестностях, а внутри ощущается чрезвычайно сильно, продолжает обещать прекрасные перспективы. Конечно, для меня: мне нравилось все это. Мало того, еще раз, чрезвычайно мне соответствовало, впервые в жизни.

В самом деле, что ли, консолидировать средства и купить жилье? В Зиммеринге есть даже 32 м² за 32.990. Состояние, понятно, убитое, ну так что поделаешь. «Die Wohnungen befinden sich im 11. Wiener Gemeindebezirk in der Leberstrasse nächst Geiselbergstrasse, Herderpark und Böhmischer Prater». Паспорт у меня европейский, только вот зарабатывать непонятно как. Не колонки же писать в Россию, о российской политике и о ментальных проблемах российского населения. То есть можно, но ведь сущая каторга. А на этой Leberstrasse еще и кладбище, где якобы Моцарт. На сайте, который обнародовал эту квартиру, так сказано: «70% of readers like the Saint Marx Cemetery».

Вообще тут своя культура не так что смерти, но — обращения с покойниками. Еще со времен Положения о похоронах (Stol- und Konduktsordnung) от 25 января 1782 года. При Иосифе II все старые кладбища в городах и селах были закрыты, вместо них открыли новые, подальше от жилья. В 1787 году это самое кладбище Св. Марка и было основано. Тогда от Зиммеринга до Вены считалось далеко. Ну и про отношение к трупам: законом предусматри-

валось, что после отпевания тело умершего переносили в покойницкую и затем, «не раньше определенного срока», «без пышности» («ohne Geränge») отправляли на кладбище. Мало того, Декреты Леопольда II от 17 июля и 28 октября 1790 года установили, что погребальные телеги отправляются на кладбище не ранее 9 часов вечера летом и не ранее 6 часов вечера зимой. То есть — умер и умер, сутки тело продержат в открытом гробу («не раньше определенного срока»), чтобы ненароком не закопать живым, а потом (безо всякого участия близких) централизованно отвезут за город на кладбище, как почтовое отправление. К чему это было? Ну да, квартира на Leberstrasse за 32.990. Да, надо бы съездить и в Зиммеринг.

Найти уже дом какой-то — место, где бы жить в нулевом внимании окрестностей. Надо же обустроиться, в конце-то концов. Социализация? Что социализация, когда есть электронная почта; будто сейчас кто-то знает, что я в Вене. А для локальной в городе хватит и двух знакомых официантов в забегаловке на соседнем углу — там нормально кормят, дешевые комплексы (в 2008-м были за 4.90). Знакомая продавщица кофе на том же Шоттенторе, в переходе. Что еще надо для городской социализации, а от точки к точке я тут перемещаюсь, давно не обращая внимания на карты и таблички переходов в метро.

Не терпеть же всю жизнь каких-то советских-постсоветских, хотя бы и в латвийском варианте, в самом-то деле. А вот еще квартира — за 69 тысяч, даже не посмотрел, где точно, где-то возле Пюртеля, 7—8 бецирки. Для одиноких и пожилых, представлена так: типа тут можно и помереть комфортно. Тема была преждевременной, зато фотография красивая, изображала лишь угол комнаты с белыми стенами и стоящее в углу плюшевое малиновое кресло. Мило, но дорого, а вот что меня порадовало в следующий момент: если на гугловской карте кликнуть на квадратик U станции «Keplerplatz» в Фаворитене, то там в поп-апе возникало:

«Просмотр других предстоящих отправок Линии метрополитена с этой станции: U1

В сторону Reumannplatz 13:42 13:45

В сторону Leopoldau 13:43 13:46».

Сейчас было 13.40, и, нет сомнений, поезда там сейчас появятся.

Калейдоскопы

То есть это же я был в Вене всего-то часа три, если не считать дороги из Швехата, а уже столько чувств. Что-то в этот раз тут все происходит интенсивно. Да, вот тот разновекторный ветер в вечнозеленых ветках на Аугустинплац, избирательно с ними обращающийся. Будто в самом деле возле каждой ветки был свой мешок, из дырок в которых исходил ветер. Странно, но как еще объяснить, что среди общего спокойствия дерева покачивались — в разных причем местах — две-три ветки?

Или же это общая неустойчивость непонятной природы — что-то чуть-чуть где-то наклонялось, менялись какие-то гири на неких весах, отчего пространство чуть морщилось, ветки качались, и это называлось ветром. Может, так, а может, этак. Купить бы все же тут квартиру в полуподвале и сменить форму существования, сведя его почти к нулю. Вроде бы незачем, но ведь что-то вызвало это желание, почти влечение. Или кажется, что можно или надо что-то выбирать, но это не так, потому что просто завис в какой-то точке, от нее теперь качнешься куда угодно, но думаешь, что это тут у тебя вопрос выбора. Но его не от чего делать. Или уже попал в такое место, где можно и так и этак, особенной разницы не будет. Сухое шуршание, и ты теперь вот такой рисунок, чуть повернуть в другую сторону — уже другая картинка. Ничего фатального, бесповоротного, то есть бесповоротность-то всякий раз, но в общем какая разница: как-то же должно быть?

Всё и так всё время заканчивается, начинается, обнуляется. Придумывай себе что угодно, чего сейчас захотелось, и ничего тут отчаянного: нет же единой линейки какой-нибудь выслуги лет, да и не о том: неизбежного поступательного движения куда-то. Ну, вот тут не было.

Это хорошая схема, смутной неустойчивости: что-то чуть-чуть где-то наклонилось, пространство передернулось, ветки качнулись, картинка сдвинулась, и этот факт можно назвать и ветром, хотя все-таки больше похоже на калейдоскоп. Чуть повернуть — высыпался другой рисунок, мало отличающийся от предыдущего, потому что все определяет сама конструкция. Как-то стеклышки легли внутри, трубку поворачивают, стеклышки недолго еще держатся друг за друга, а потом уже и не держатся: шелест, новая картинка. И не так, что накопилось что-то, что хочет реализовать себя в каком-то новом виде, подогнав под это какое-нибудь желание. Никаких желаний, просто раз — и все пересыпалось иначе.

Но только сложно найти правильный калейдоскоп. В магазине кельнского Людвига, например, были хорошие, у них внутри палевые, цвета осенне-земляного характера: бежевые, янтарные, коричневые, бордовые, темно-зеленые — складно, но только внутри не было синей стекляшки. Таковой, чтобы как бутылочная, старая бутылочная — очень синяя, избыточно синяя: ультрамарин, старая городская склянка. Без нее калейдоскоп нельзя считать правильным. В Кельне ее почему-то не было.

В Бельведере, уже тут, в Вене, наоборот: год назад синие стекляшки в калейдоскопах имелись, зато остальные стекла относились к резкой части спектра — чисто леденцы. Даже перекачивались они не шурша, как кельнские, а постукивая, треща и даже звякая. Собственно, сам Бельведер тоже был глупым местом: какие-то выгороженные участки странно обустроенной плоской природы, отделенной забором от уж вовсе неприглядного окружения Южного вокзала с присущими вокзалам, тем более южным — пусть толь-

ко и по названию, — хаосом и пылью. Зато в Бельведере были длинные газоны — газоны, собственно, как газоны, трава, да и все. Но по ним тянулась ленточка цветов: мелких, разноцветных — ровно как в их калейдоскопе, как если бы кто-то шел и его нес, а там дно выскочило, и эти — уможаемые зеркалами — стекляшки высыпались на грядку: синенькие, желтенькие, красненькие, лиловые, белесые. Впрочем, в Вене был еще и магазин возле их Людвига, а еще лавка на входе в Музейный квартал, рядом с книжным. Возможно, там гармония отыщется.

В любом случае данную сессию общения с космосом или с чем-то еще безответным пора сворачивать. Приехал все же в любимый в какой-то степени город. Тогда надо выпить еще один кофе в Шоттенторе, тем более что там можно и курить, не то что в гостинной пансиона.

Да, внизу этой широкой и не без мрамора лестницы дома-дворца, где на третьем этаже располагался пансион, имелся древний чугунный, крашеный белой краской умывальник. Конкретный раковина с готическими буквами: Graz gegr., то есть — gegründet в 1886. Верно, был сооружен специально под ту самую воду горных источников, которую притащил в город бургомистр Луегер. Общий вид портил кран, который был не то что не историческим, а самым простым. Такой можно купить на рынке вторичных предметов сантехники в любой точке света. Стальной, что ли, с черной пластмассовой нахлобучкой. Такие разве в общественных туалетах на железнодорожных станциях еще увидишь — а здесь гордо торчал под широченной мраморной лестницей с трехметровыми — в высоту и ширину — окнами. Был исправен, да.

Просветления по-венски

Здесь нужна точность. Уже и по отношению к самому термину, являющему собой в обиходе нечто маловразу-

мительное. Он потому что непонятно из какого контекста и анатомии чего. В городе Вена — в силу его заполненности различными, чрезвычайно плотными связями — нехорошо употреблять обобщения. Разумно уточнить: просветления личных страстей. Основной из которых — требующих просветления — является, безусловно, тяга к личной неопределенности и смутности устройства личной анатомии: но это уже не общие метафизические положения, а конкретная страсть конкретного субъекта, в данном случае — первого лица, который ведет изложение.

Первый раз в Вене я оказался в апреле 2007 года, на политологической конференции. Тогда жил в Хитциге, это следующая станция за Шёнбрунном; парк своим дальним краем примыкал к улице, на которую выходил отель. Но главной там была другая штука: сама станция метро «Хитциг». Зеленая линия, U4. Выход там на мост через реку Вена, а та уже сама чудесна: громадная набережная, выложенная чем-то каменным, русло внизу на десятиметровой, наверное, глубине. Там еще одна двусторонняя набережная, а в середине уже собственно русло, по жалкой середине которого течет немного воды, ручеек. Говорят, что весной, когда тают Альпы, воды много. В том апреле не было много. В мае 2008-го не было тоже.

На мосту — скульптуры, громадные орлы, держащие в когтях лопату и кирку; это почему-то называлось мостом Джона Кеннеди. Дальше, в сторону окраины, виднелись уже двухэтажные улицы, а вот идя по мосту в гостиницу, я обнаружил иллюстрацию к известной цитате про «не луна, а круглый циферблат сияет мне». Возвращаясь в отель к ночи, обнаружил по правую руку — чуть поодаль — круглую белую луну. Полнолуние, видимо. Наутро же оказалось, что данный полнолунный круг был именно что циферблатом — кирхи, в темноте не видной. Циферблат был большой и подсвечен очень белым светом. Тогда — в 2007 году — подобные цитаты еще обладали какой-то шагреневой, остаточной существенностью. К этому году уже иссякшей.

Первое венское просветление тогда и произошло, в апреле 2007-го. Политологические бормотания занимали время до вечера, а вечером я наконец отправился в центр. С тех пор я там редко бываю, за исключением упомянутой уже будки с вином на Грабене. Вообще возле нее обычно славная публика: средних лет, с хорошими лицами, аккуратно одетые — будто после оперы. Стояли тогда приятной группой сбоку, пили вино, разговаривали.

Допив свое, я пошел в сторону Карлсплац, на метро, но перед тем как спуститься в порочный переход, всегда полный наркоманов и негламурных фриков, решил покурить. Лавочек там нет, я сел на бордюр сбоку от Оперы, почти у спуска в переход, лицом к отелю «Бристоль». Темно, справа Ринг, ходят трамваи, сзади — опера, слева — Картнерштрассе и, далее, Штефандом; перед носом — сияющий всем подряд «Бристоль». И тут в голову пришла мысль: а ведь я же есть. В своем теле и возрасте, среди всей этой мировой истории, разнообразных стран, людей и даже солнечной системы, а также прочих уровней бытия, я — каким-то образом себя осознающая и ощущающая точка — существую. Ну, конкретно существую. Стало очень смешно, так что явно просветление.

В следующий раз просветление я получил на том же месте, в мае 2008-го. Разумеется, помня о предыдущем случае, я пришел туда уже специально, причем — догматично повторив маршрут через красное вино. Оно, между прочим, тут называется никак, Rot Weine, и все. Остальное там еще имело названия (колбаска такая-то), а вино — нет. Это правильно, так бы и остальное: пиво, водка, еда — что там в этих деталях? Тем более что все понимают, что означает здешнее вино.

Что пришло в меня в тот раз? Не слишком принципиально новое. Сижу я снова на бордюре среди космического и исторического изобилия, сбоку от оперы и напротив отеля «Бристоль». Причем, после прошлогоднего опыта, уже не вмещаюсь в свои антропоморфные рамки. Я же,

например, существовал даже относительно какого-нибудь хлористого натрия, а уж какой тут антропоморфизм. Так кто же я тут, раз уж я, как таковой, существую где-то и в полном вакууме?

Видимо, в данном случае я еще и некая субстанция. В самом деле, если уж я существую и в здешних обстоятельствах, но — одновременно — не прерывая связи со своим абстрактным бытием в вакууме, то я еще и какая-то субстанция. Точка из вакуума никак бы не сумела тут обустроиться, да еще и получать от этого удовольствие. Результат расплывчатый, но с ним можно что-то делать дальше. Представим себе, что вы медуза или нечто еще более разжиженное, и оно тут как-то перетекает и участвует, интересно же. Должен быть компромисс между чистым существованием и наличием здесь. Какая-то промежуточная субстанция, склеивающая эти части, быть должна? А как иначе обеспечить вменяемое присутствие? Вот и считаем носителя этого присутствия некой субстанцией, физический состав чьей материализации совершенно вторичен.

Дальше прогресс пошел быстрее. В сентябре того же 2008-го я не успевал выбраться в Вену из Швехата. По дороге из Москвы в Краков мысли о просветлении меня не волновали (надо было думать, как добраться до места, там не все было очевидно), а вот по дороге обратно я подумал: да какая разница, что я не возле оперы, зато я в Вене. Выпил кофе, вышел покурить на верхний ярус аэропорта, где и обрел следующее просветляющее уточнение в виде вопроса: а как тогда эта субстанция все же соотносится с моей тушкой? Как она технически овеществляется в виде меня? Тут, конечно, важен вопрос, главное — его задать, а уж способов объяснить полно. Хоть через мозг, а то и через какую-нибудь акупунктуру, не говоря уже о гипотетических каких-нибудь дырках или клеммах соответствующего назначения. Ну, как-то пристраивается. Есть какие-то в теле контакты. На просветление эта идея не очень-то тянула, напротив — могла повлечь за собой ту-пиковый ход мыслей на тему объяснить себе все на свете.

Но не повлекла, поскольку риск перехода в счетное — без оснований к тому — состояние был замечен. В общем, как-то прикрепляется, и ладно. Зато позже я понял, что со мной действительно происходили именно венские просветления. Согласно классическому Шорске (Karl E. Shorske, «Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture», Knopf, 1980), венцы реально ощущали тему субстанции. Шорске писал на тему схожести Гофмансталя, Климта, Маха и Шёнберга, упирая именно на то, что им было свойственно «смутное ощущение проницаемости границы между эго и внешним миром, ощущение текучести всего и вся».

Далее, уже в этот раз, еще даже не долетев до Вены, а чуть ли не в Риге (я летел оттуда) или в самолете, я начал понимать, что все это сводится вполне прикладным образом. Главным оказывалась не субстанция, а некоторая линейка существований; как-то в целом. Логика простая: мое существование (из первого просветления) оказывается явным отсутствием в рамках любых человеческих обстоятельств. Не то чтобы их не догоняет, но — между такими крайними позициями есть промежуток неопределенностей, которые не позволяют напрямую соединить эти крайние точки.

Легко предъявить себя, адаптировав к обстоятельствам, но эта версия будет иметь малое отношение к тебе как таковому. По дороге произойдут тривиальные замещающие трансмутации. Вроде сложно, а на самом-то деле нет. На подлете к Вене стало ясно, что хоть субстанция и искажается, исходная точка — сохранится. Пусть и не имея отношения к реализуемой адаптации. Какая-то линейка удерживает собой эти крайние точки. Остальное размыто, но линейка содержит и этот размытый промежуток.

Прагматический вывод: любая публичная ликвидация собственного отсутствия всегда будет лишь разовым физиологическим актом. Да хоть напиши что угодно, вот эту фразу — как написанное будет отчуждено, а отсутствие уже

снова тут. А тогда локально уничтожить свое отсутствие можно любым способом, даже не пытаясь найти себе соответствие. Тебя все равно тут не будет, так что факт своего наличия в природе — если уж приспичило — можно предъявить как угодно. Другой прагматический вывод: склеивающая, эта заполняющая промежуток между точками субстанция оказывается какой-то жидкой, а то и газообразной, если не электромагнитной, но все равно — ты тут типа алюминий, который на воздухе сразу окисляется. А какой он там внутри на самом деле — не видел никто.

Очередное просветление получено, и можно было лететь обратно. Даже если бы «AirBaltic» сделал тут разворот и вернулся в Ригу, я бы не расстроился. Короче, предъявить отсутствие — став, значит, временно присутствующим — можно хоть в виде желтой пластмассовой уточки. Желтая уточка будет достаточной, если утверждать/понимать, что она тут является именно предъявляемым отсутствием. Потому что все равно, в каком виде его продемонстрировать, это же делается для самого себя — раз. Субстанция как алюминий — два. Этот пункт у меня когда-то, лет двадцать назад, уже всплывал в мозгу, но тогда он трактовался лишь как неутрачиваемая особенность жизни. Теперь же предполагалась и граница между еще металлом и уже окислом. Значит, мог существовать инструмент для обнаружения этой границы. Что, весьма возможно, вообще самое вкусное на свете.

Словом, в аэропорту уже надо было реализовать теорию на практике: расплывчатая в полете тварь встраивалась в местные обстоятельства (билет до центра от Швехата, на Митте купить Wochenkarte, доехать до Народного театра, подняться в пансион). У всех есть комната, где в баночках такие червяки: могут гнить, засыхать — субстанция может глядеть на них и вспоминать, как и когда она тут была этим. Вена — хорошее место для таких комнат, их сдают в городе, как абонентские ящики на почте или банковские ячейки; скорее — как ячейки, потому что со сто-

роны тут не будет поступлений, только что сам принесешь. Это все расчертилось по дороге к пансиону, который на три дня станет такой ячейкой.

Но к вечеру был и бонус в виде регламентного просветления возле оперы напротив «Бристоля». На этот раз просветление состояло в четком осознании того факта, что если в марте сидеть на гранитной окантовке газона, то мерзнет жопа. Конечно же, это было Большое просветление. А то: соединить одной линией, одним собственным сознанием свои отсутствие и мерзнущую задницу — что тут еще могло остаться неучтенным?

Резюмируя: вечером 27 марта 2009 года возникла линия, соединяющая мое существование в форме его отсутствия на Картнерштрассе с мерзнущей задницей там же. При этом данная линия по всей ее длине была увешана субстанциями различной личной вмещаемости. Чего желать еще, когда столь разнородные единицы сошлись в дырке просветления?

Теперь следовало бы узнать промежуточные участки этой линейки: участки пока еще не уточненных вариантов субстанции — от пустоты до мяса; от абстрактной (но ощущаемой) точки до насквозь антропоморфной модели. В какой-то мере это уже могло быть расписано технически, но все-таки требовало вдохновения. Количество деталей здесь слишком велико, понять их связи можно лишь в правильном состоянии сознания.

Все это здесь сообщено затем, чтобы сообщить уровень и особенности субъекта, пишущего данный текст. Он постоянно чем-то недозаполнен, как та же река Вена. Это все — о рамке, в которой история происходит и записывается (или наоборот — записывается, отчего и происходит). Драматургия данного этнографического исследования возникнет от взаимодействия разноуровневых сущностей вдоль всего этого полного диапазона. В том числе — от взаимодействия разных форм меня с объектами окружающей действительности, которой тут является

Вена с совокупностью ее связей и смысловых единиц. Именно так, от отсутствия — до мерзнущей жопы здесь и теперь. Все это записано ночью того же дня, перед тем как заснуть.

Страсти и Захватчики пространства

Наутро я был уже в сильном насморке и, похоже, с температурой — очень уж мутной оказалась голова. Конечно, это подчеркивало истинность вечернего переживанияazole оперы. В подобном общефизиологическом состоянии страсти и мысли начинают прикрепляться к любым окрестным местам безо всякой дополнительной умственной привязки: если где-то переболеешь, то это место уже и физически делается родным. Так что теперь были будто последствия прививки, произошедшей накануне на холодном бордюре, а она уже навсегда легитимировала мою связь как минимум с Нойштифтгассе. К слову, почему все-таки «гассе» — она длинная и достаточно широкая, почему лишь «переулок», а не «штрассе»? И Бурггассе рядом, параллельно, такая же — какие же это переулки? Возможно, такой имперский обычай: это у нас все гассе, а вот штрассе у нас — это уже о-го-го что. Поэтому штрассе и мало. Может, они тут небесные дороги или, как называют в России, вылетные магистрали, что ли. Вот Мариахильф — нет вопросов: магистраль.

Впрочем, личная привязанность возникла не ко всей Нойштифтгассе, а к небольшому участку от Музейного переулка (где пансион) до Аугустинплац. Причем страсть совершенно не искала подробностей — я не смог бы перечислить, что там попадалось по дороге и в каком порядке. Ну да, «Синг-синг», «Алтес унд нойес», щель в сторону площади перед Ульрих-кирхе, пиццерия — вот и Аугустинплац. По другой стороне какая-то церковь, магазин африканской художественной экзотики, точнее — галерея, но

не вспомнить, в каком порядке. Привязанность подробностей не хотела. Факт покупки в аэропорту книжки, в которой упоминалось это место, тоже не имел значения — в книжке много мест упомянуто, да и склонность к этому месту возникла уже давно, с первого раза, то есть с 2007-го, когда, проходя как-то мимо, точнее — выходя из Музейного квартала, я слегка (было мало времени) углубился в 7-й округ и ощутил, что настоящая-то Вена, то есть — для меня, она примерно там.

И вот эта страсть достигла теперь такой степени, что ее реальный объект находится внизу за углом, а я пью кофе в пансионе и никуда не спешу. День к тому же был совсем солнечным, хотя и с сильным холодным ветром — с Альп, что ли? — он задувал в щель балконной двери.

Не требовалось вообще ничего: глубокое погружение в спокойное удовлетворение происходило безо всяких медитаций и специальных указаний сознанию. Само по себе, без малейших усилий. Конечно же, без всяких веществ, разве что кофе. Страсть как-то успокаивается в самой себе, когда находишься здесь, в пределах ее наличия, то есть — физического присутствия. И это несомненная, удовлетворяемая уже одним нахождением в ее границах страсть, потому что ведь тут солнечное утро, дающее множество равно чудесных возможностей. Можно пойти наконец-то на Нашмаркт, точнее — на его блошинный рынок, потому что как раз в субботу он и работает, а раньше суббота в Вене мне не выпадала. Можно поехать глядеть на газометры возле Зиммеринга. Там же заодно можно выяснить, что такое Leberstrasse («штрассе», однако) с квартирой за 32.990, где кладбище с могилой-фэйком Моцарта неподалеку. Можно съездить во Флорисдорф, где в мае 2008-го на дверях туалета на рынке была прикреплена страдальческая надпись о том, что некто там потерял кошелек, — висит ли еще? Не говоря даже о возможности просто выяснить — с какого уже раза, — что, собственно, такое этот Народный

парк на Ринге в сторону Митте. Ни разу туда не заходил. Можно и даже следует доехать до Hütteldorf'a по U4 и посмотреть, как там течет и насколько полноводна в марте река Вена.

Еще есть противовоздушные башни, то есть башни ПВО. Возле Мариахильф-то ее видел, наверное, всякий — она как удвоенный Микки-Маус: там по углам крыши круглые площадки для зениток, снизу выглядят как уши, четыре штуки, а форма точно как у Микки-Мауса. В этой башне Музей моря, аквариум какой-то: не понять — вертикальный он, что ли? Башня высокая. А в парке Аренберг, говорят, их сразу две рядом. Можно поехать в сторону Оттакринга, выйти на станции Schweglerstrasse и погулять между садовых участков; на воротах их общей изгороди висит красивая староавстрийская надпись о том, что зимой там снег не убирают, отчего въезжать внутрь — только на свой страх и риск. Оттакринг — это вообще приятно. Там, за этими участками, еще здание какой-то окраинной имперской казармы, а дальше улицы ведут уже в простор с видом на горы. Возле них должны быть различные Neurige, места локального производства и распития вина, в том числе в варианте г'шпритц, то есть G'spritz, то есть вина, разбавленного газированной водой. Нет, это было за пределами возможного, все-таки я и в самом деле заболел. Хорошо хоть не беру с собой градусник, а то что бы я делал, обнаружив на нем температуру, явно не рекомендуемую выходить из дома.

Если там идти не в горы, а в другую сторону, то есть — обратно в центр, то возле Портеля, уже по эту сторону, в окрестностях станции метро «Йозеф Адлер» должен быть художественный объект в виде надписи «Don't try to be an apple if you are a banana», несколько испорченный нижеследующей моралью, которая добавляла, что тогда — даже если будешь стараться — сможешь стать лишь второсортным яблоком. Это целая стена, на которой фраза выпукло нанесена. Она тут неподалеку, в Йозефштадте, а раз я

все еще за компьютером, то могу даже дать точные координаты объекта. Вот они: 48° 12' 36.68" N 16° 20' 24.51" E.

Словом, этот мир был равно прекрасен в своих возможностях — честное слово, как первый день на том свете, пусть даже и второй, но ведь там и второй, и третий — как первый. В моем случае тут второй день точно как первый, потому что всегда главное — проснуться на новом месте с утра. А ведь еще оставался неисследованным район вокруг дома Витгенштейна, пусть даже это и предполагало движение в сторону не любимого мною Бельведера, пусть даже и в другую сторону от Южного вокзала.

Но выходить совсем не хотелось. Можно было бы списать на простуду, но не прилетать же в Вену, чтобы лежать и болеть, тем более что и лечиться нечем, и не искать же в субботу врача, чтобы выписал рецепты. Но все равно, как-то тянуло именно к этой точке, в которой оказался, — ну и все хорошо. Отчего-то именно Нойштифтгассе была в этом состоянии блаженства главной чувственной опорой. Любопытно, к слову, только ли для меня она такая? Или этот угол на Аугустинплац интересует кого-то еще? Не считая, понятно, небольшой локальной общины района, иногда собирающейся возле памятника на какие-то свои безцирковые мероприятия. У них и сайт свой есть.

Да, вот если просто набрать в поисковике название Neustiftgasse, выставив раздел «Картинки», то что будет?

А тут же был обнаружен именно тот самый угол, описанный в начале этой истории. Ссылка вела на чей-то фликровский альбом, и вот что там фотографировали: не улицу, не памятник, а тот самый бело-сине-голубой кафе на углу дома оптового торговца кожами Бадла, возле которого стоял фонтанный памятник Августину, уже практически блаженному.

Потому что, как следовало из подписи, этот орнамент был не просто случайный орнамент: здесь побывала некая группа «Space Invaders». Фото было сделано человеком,

который искал и фиксировал места их появления — места, уже понятно, отмечались орнаментами из цветных кафельных плиток, выложенных на городских строениях. Судя по тому, что считались какие-то очки, это была еще и игра: надо было обнаружить как можно больше мест, отмаркированных инвайдерами. А уж какой там приз — не разбирался.

Итак, на фотографии был тот самый, описанный в этом тексте угол: серый дом, его угол — скошенный. С окном, над которым на выехавшем из стены постаментике есть статуэтка бронзового всадника на маленьком бронзовом конике (да, они в конкретной клетке, чтобы не стырили, птичьего размера); расштробленная стена дома и — между окном и всадником в срезанном угловом торце — некоторое количество белых, синих и голубых кафельных квадратов, в сумме не изображавших ничего вменяемого и осмысленного. То есть какая-то логика в их расположении определенно была, но — пока неясная. Главное, что кто-то реально (притом дважды — автор объекта и фотограф) так же привязался ровно к этому углу. И значит, это не моя локальная мания, а угол и в самом деле обладал смутной притягательностью.

Вот что было написано в сопроводительном тексте: «All space invaders I found in Vienna (Austria). Vienna was invaded by Invader in 2006 (52 invasions | score 1060 points) and in 2008 Invader visited Vienna again (wave 2) WAVE 2 in September 2008 with an Invaded Passage at Museums Quartier (one of the rare “public commissions” that Inavder made on invitation) and 3 more space invaders in the neighborhood of MQ. 46 photos | 34 views Space Invaders Wien».

Осмотрев другие фотографии серии, я уяснил: да, группа «Спейс инвайдерс» занималась тем, что путешествовала по свету, находя уместным кое-где помечать свое присутствие выкладыванием довольно простых знаков из кафельных квадратов разного цвета (обычно из двух-трех цветов, максимум — четырех). Получались стрелки,

кубики, ромбики, что-то еще. Судя по описанию, обычно они делали это тайком, но в Вену их даже зазвали официально. Так что все встало на места: эта метка была размещена в сентябре 2008 года, когда их пригласили украсить Музейный квартал, а заодно они зафиксировались и в трех прилегающих точках — уже без приглашения, на свой вкус. Так что в прошлом мае я эту метку видеть действительно не мог, все сходилось. В том числе и то, что этот угол действительно имел какую-то привлекательность для определенных лиц. А почему — неважно, уж не Августин тому причиной.

В этом месте текста следует понять, что он — абсолютный non-fiction. Ладно, намеренно, в художественных целях привязать текст к углу с Августином еще можно (это не так, но предположение допустимо). Но чтобы заранее беллетристически предположить, что эта кафельная штука есть результат действия арт-группы? Ровно на этом месте? Какой fiction в состоянии такое сочинить, тем более что не было никаких оснований это сочинять — никакой выгоды для сюжета, поскольку неизвестно, что это за люди. Если бы о ней вообще была речь, так я бы сразу ее упомянул, потому что как же их было бы не упомянуть сразу? Нет, все в свой черед, вот только теперь.

Конечно, non-fiction — с точностью до фигуры первого лица, излагающего эти события. Но это объективно неизбежно: автор же должен превратить себя на время изложения во что-то постоянное. Окислиться и затвердеть, иначе как писать? Но и тут все честно: простуда реальна, первое лицо действительно никак не может выйти из дома, хотя за окнами пансиона светит солнце, все прекрасно, а теперь еще и выяснилось, что его появление тут было как минимум не неправильным.

46 объектов от «Спейс инвэйдерс» в Вене, между тем. А я видел только этот. Видимо, не обращал внимания — граффити тут на всех углах. Но вчера точно не попадались, тут бы я уже уловил сходство с соседним объектом,

но я-то ходил не в сторону Музейного квартала, куда — как в месте сосредоточения современного искусства в городе Вена — их и приглашали. Туда я, безусловно, дойду, так что еще увижу. Но дело в другом. Ведь я фактически занимался тем же захватом пространства — видимо, Вена предназначена для подобных акций. И от нее не убудет, и остальным приятно. Это же пустой — в некоторых зонах — город, и в нем можно это делать, заодно приходя в себя после всех вариантов, когда ты был не собой, когда приходилось им не быть. Это, конечно, уже скучно, потому что общее рассуждение, но мы же тут действовали аналогично: имея в виду место и время. Совпали в захвате одного и того же угла. Но конфликт интересов не ощущался, напротив — ценность места только усиливалась.

Ну, эти инвэйдеры обладали внятной художественной волей, и в данном месте эта воля была равна моей. Мы делали то, что делаем на каких-то не очень ясных основаниях, но, раз уж совпали, эта деятельность точно имела смысл. Не так чтобы я сомневался в смысле своих действий, но подтверждение было приятно.

Субстанция

Итак, окончательно ясно, что я оказался в правильном месте в правильное время и, мало того, в правильном состоянии себя, причисляя к состоянию и простуду. Иначе бы — никакого резонанса. Но раз уж все так сошлось, то зачем куда-то идти? Я уже тут, где хотел быть, а остальное не более чем детали. Я все еще пил второй уже кофе, хотя и понимал, что следовало бы все же выйти на улицу и заняться именно деталями, поскольку единство места, времени и себя надо быстро использовать, сейчас все будет происходить своим чередом и не потребует почти никаких усилий: происходящее, в том числе и пришедшее в голову, будет чистой правдой.

Субстанция, как отнестись к ней, чтобы ее уточнить? Тут насморк усилился, сильнее поплыла голова, что окончательно вернуло к предыдущему вечеру и холодному бордюру возле Ринга. Да, из приведенной по этому поводу схемы стало понятно, отчего так любишь родные края. Похоже, эта субстанция любит места, в которых она принялась, была вынуждена по факту материализоваться и твердеть. В такой привязанности к местам, их окрестностям и обстоятельствам времени раннего детства, то есть — начальной материализации, есть что-то не так чтобы болезненное, но — беззащитное. Впрочем, скорее наоборот — в то время она еще была отчасти студенистой, почти пятьдесят на пятьдесят, и эти невидимые пятьдесят и добавляли радости невзрачным, по сути, окрестностям. Не таким уж и невзрачным, но небольшим. Может быть, субстанция еще думала, что это все временно и не поздно вернуться обратно. А потом вот и любишь те места, в которых был кем-то еще, существуя в еще каком-то виде. Тогда и там что-то еще существовало в качестве тебя. В качестве тебя фигурировало еще что-то. Иначе не сходится.

Но почему мне так близка Вена, в которой я не родился, которую в детстве не знал и тем более не учился здесь неподалеку в Öffentliche Volksschule (1070 Wien, Neustiftgasse 98 — 102 (Tel: 01 / 526 19 77; Fax: 01 / 526 19 78-110; E-Mail: vs07neus098k@m56ssr.wien.at Tel. Lehrerzimmer: 01 / 526 19 77-112, 526 19 77-112, <http://www.schulen.wien.at/schulen/907011/>)? Там бы у меня непременно возникли проблемы вхождения в среду и жизнь, так что в мои нынешние годы я бы эту память даже проклинал, а не находился в отношении к ней — отсутствующей для меня — в размягченном и благостном состоянии.

Очень просто: здесь многие улицы, дома и — особенно — интерьеры помещений были такими же, как в Риге 1960-х. Это конкретно — когда-то Рига по строительной, интерьерной части, да и в обустройстве жизни многое списывала именно с Вены: тот же свой небольшой Ринг, ко-

фейни — как венские кофейни. Только в Вене все это осталось, а в Риге интерьеры перестроила советская власть. Тут ничего особо не меняют. Ладно хоть улицы в Риге остались более-менее теми же, что и составило некоторую, даже и не очень слабую, связь. Но интерьеры пропали. Да, теперь как-то восстанавливаются, но уже поздно, чтобы вернулись исходные отношения.

Так что логично: субстанция — не без очевидного все же мазохизма — любит места, в которых она впервые оказалась материей и стала делаться окислом. Она не могла достаточно вспомнить себя в Риге, потому что не было там уже этих черных деревянных стен кнайп-локалов-бэйзлов, или залов кинотеатров с боковыми проходами на балкон по лестнице от сцены, или бидермайеровых плафонов на потолках тех же кинотеатров. Так, конференц-зал Parkhotel'я «Schönbrunn» совершенно совпадал по планировке с кинотеатром «Комжаунитетс», то есть «Комсомолец», вместо которого уже лет двадцать казино и все внутри иначе. Впрочем, плафон на потолке конференц-зала вполне соответствовал плафону кинотеатра «Рига», который сохранился и был даже побольше.

Словом, эти интерьеры уже редко где в Риге существовали, но когда-то они принимали участие в судьбе субстанции. Которая и принялась в Вене вспоминать себя в неосознанном варианте. Не в окончательно затвердевшем, а в таком, когда эти новые обстоятельства вызывали ощущения приятной новизны. Ну вот это что? А это осень, листья падают, туман, пахнет поздними цветами. На первый и даже пятый раз — художественное впечатление. Сладко балансируя между собой и окислом себя, еще не полностью воплотившийся, сохраняя иллюзии. А воплощенная субстанция забудет все нечеткое, если с этим не делать что-нибудь специально — вот как я теперь это делаю. Очень возможно, что она с удовольствием вспомнила бы себя не только на 50%, а и побольше, мои интересы в этом

городе соответствовали таким намерениям. Мало того, цель моего нахождения тут состояла именно в том, чтобы обслуживать ее желание вспомнить все, что захочет. Разумеется, сам факт того, что этот вопрос возник, говорил о серьезном продвижении в этой области, спасибо Вене, «центру европейского ценностного вакуума», как уже было процитировано выше из Германа Броха.

И еще вот что: тут не пахло. Для меня не пахло — я, значит, находился на территории собственного запаха. Сейчас я тут был ровно субстанцией — спасибо насморку, слизь для субстанции лучшая опора, — тем самым и попав в свою дырочку, место, в которое и следовало немедленно поместить снова обнаруженную во мне субстанцию.

Колесики шестеренок совпали и фактически слиплись, зубцы перестали быть осязаемыми, теряешь свои внешние формы — а как не потерять, когда они уже влипли в окружение, открывая дорогу к дальнейшей — не сказать, что непременно осмысленной, но какой-то иной — деятельности. Субстанция неторопливо и как-то, что ли, с осознанием того, что делает это по праву, овладевала тушкой, с которой была связана. Да, разумеется, пропал какой-то постоянный грохот с хрюканьем, тут разве что тихо пощелкивает. «Пссст» — как написано на стенке в проходном дворе, где кафе «Кандинский».

Но ведь и вожделение не имеет запаха. Точнее, стирает все прочие: коль скоро есть в тебе вожделение, ты с ним — одно и то же. Без запаха, цвета, формы и других ощущений, будто снова сделавшись в этот момент субстанцией. Или же в этой страсти она овладела тобой сейчас полностью. Кажется, производя еще и новый вариант привязки к местности, делая тебя отчасти и местным жителем. Возможно, это было вожделение будущего времени, представляющегося идеальным для Первого лица изложения: в виде тихой венской комнаты с малиновым креслом. Еще пока будущий старик в песочном пиджаке, например, с

усами, подкрученными кверху, — можно было бы вождельть такой вариант, если бы субстанция — с какой-то другой, не данной рассудочной стороны — подтвердила свою заинтересованность именно в таком варианте окончания своего присутствия в жизни.

В этой комнате было бы сложено то-то и то-то, чемоданчик, деревянная коробка, в которую вставлено много узких стеклышек с образцами чьей-то крови, а лучше — мозга. Разные нематериальные объекты, в большом количестве, но невидимые, а также — непременно главная книга, которая объясняет все. ОК, вот эту главную книгу теперь и напишем — оставив себе последующее время на спокойную жизнь до момента покупки белой комнаты с малиновым креслом.

Да, «Новая Карандашная» для Neustiftgasse дает хороший вариант: рисовать местные пейзажи и что угодно, дополняя их облачками, как в комиксах, внутри которых вставлены мысли или сетования. Это правильный тип перспективной литературы. Вот, к примеру, дом на Parkgasse, 18, и в облачке буквы: «Мы видим, что строго проведенный солипсизм совпадает с чистым реализмом». Лучше даже в оригинале: «Hier sieht man, daß der Solipsismus, streng durchgeführt, mit dem reinen Realismus zusammenfällt» (5.64), — а еще лучше бы то же самое готическим шрифтом.

Также здесь возникает тема стиральной машины. Событие, которого ждешь, — важное: ждешь, когда оно произойдет. Что может быть важным в случае стиральной машины — но когда ждешь отчетливое событие, то оно любое будет важным. Стиральная машина — услышал, что отключилась, подошел — да, погасла. Должна открыться дверка: нет, пока не открывается. Сидишь на корточках, ждешь рядом — она же должна отвориться. А если вдруг сломалась (почему бы нет?), то будет проблема, потому что нет опыта открывания заклинившего устройства. Но звук все-таки должен вот-вот быть; интересно, в какой момент

она наконец ёкнет. Или в поезде, который все не едет и не едет, стоит на границе — хочется в туалет, а он все не едет. Но он же когда-то должен тронуться, не всю же остальную жизнь он будет стоять, что тогда делать со всей этой железнодорожной линией? Должен, а не двигается. Но ведь поедет? Это отдельное удовольствие, ждать этого все не наступающего, но обязательного момента.

Впрочем, стиральная машина в самом деле может сломаться. И еще там есть такой вариант, что она может разблокировать дверцу и без звука. Сколько я уже видел в своей жизни стиральных машин, и все они вели себя по-разному. В какой момент — совершенно не слышно. Проверять, дергая? Но должно же быть ощущение, что вот, уже разблокировалось. Нет ощущения. Да, уже открывается, но когда это стало возможным? Вот, что ли, наглядный факт очередного бытового воплощения окончания отсутствия. Не было — и вот уже произошло, окислилось, а и не заметил. Ожидание окоченело в факт.

Это такой пример инструментария: метафоры, но — не метафоры. Мысленные объекты, но не мысленные объекты. Автоматическое письмо, но и это не оно, в силу хотя бы последующей осознанности, осознаваемости итога. В принципе к такой же школе принадлежали и «Спейс инвэйдерс». Тем более к ним вполне относима вторая половина фразы 5.64, а именно: «То Я, которое присутствует в солипсизме, превращается в некую безразмерную (?) точку, так что в конечном счете остается скоординированная с ним реальность», как было переведено, цитируя, в одной относительно приличной статье. Но что имелось в виду под безразмерной точкой? Совсем маленькая или такая большая, что покрыла собой все? В оригинале это место выглядит так: «Das Ich des Solipsismus schrumpft zum ausdehnungslosen Punkt zusammen, und es bleibt die ihm koordinierte Realität». Вот, «ausdehnungslosen Punkt». «Ausdehnungslosen» по словарю — это непротяжённый; точечный — по крайней мере так это для астрономии,

куда шла отраслевая отсылка. То есть точка маленькая, но привязывает к себе всю реальность, координируясь с ней. Именно «Спейс инвэйдерс», не сильно преувеличивая — если они себе это так представляли, разумеется.

«Спейс инвэйдерс»

Собственно, кофеварка работает, хозяйки пансиона не косятся, да их и не видно тут, они порядок как-то невидимо наводят. Вайфай есть, тогда почему бы не выяснить сразу, что у инвэйдерсов было в уме? Оказалось, тут две истории. Исходно «Space Invaders» — игра для игровых автоматов, появилась в Японии в 1978 году. Считается, что «Space Invaders» стала одной из игр, оказавших наибольшее влияние на дальнейшее развитие игровой индустрии наряду с «Pac-Man» и тетрис.

В общем, это тир. Есть как бы лазерная пушка внизу экрана, она может смещаться по горизонтали. Сверху надвигаются рядами космические пришельцы, они маршируют влево-вправо и медленно сдвигаются вниз. Если хотя бы один из них коснется низа экрана, то game over. У игрока бесконечно патронов, но и пришельцы время от времени стреляют в него «смертельным лучом» или кидают в его сторону бомбы.

Игрок уничтожает пришельцев, а они надвигаются быстрее и быстрее. Уничтожение последнего пришельца переводит на следующий уровень, к новому экрану, где пришельцы начинают свой марш на один ряд ниже. Видеоигры были и раньше, до этой, но именно «Пришельцы» оказались какими-то уж очень успешными.

Похоже, что для авторов одноименного проекта тут был важен не только выбор изобразительного ряда, но и определенная поступательность, с которой игрок, как ни стреляй, ничего поделывать не может. Все такие компьютерные игры приводят к поражению, почти все. Человек все-

гда рассчитывает лишь на личный рекорд, вписаться в лучшие результаты, вот и вся его радость по факту. Так что авторы проекта поставили себя по ту сторону дисплея и компьютера: это они шли с той стороны, маркируя свое присутствие повсюду, навязывая свой солипсизм всем стенам и углам, на которые обратили внимание, куда дотянулись. По состоянию на конец 2009 года ими уже были помечены 35 городов на пяти континентах.

Что касается самих изображений, то, понятно, все их кафельные картинки представляли или несколько оригинальных персонажей из «Пришельцев», или какие-то их дженирики. Исходные изображения простые, их модифицировать легко. У них на сайте (<http://www.space-invaders.com>, конечно) акции и персонажи задокументированы. Там же выяснилось, что автор проекта был один и, кажется, француз — сайт по умолчанию был на французском, английский — уже опция. Там же и интервью:

Who are you?

I'm Invader (that's my alias). I always appear masked in public, so no one knows my face. Some people call me a polluter, others say I'm an artist. I prefer to think of myself as an invader!

What's the Space Invaders project about?

The idea is to «invade» cities all over the world with characters inspired by first-generation arcade games, and especially the now classic Space Invaders. I make them out of tiles, meaning I can cement them to walls and keep the ultra-pixelated appearance.

Выясняется, что он вообще один — по крайней мере в базовой деятельности, фактически та самая *ausdehnungslosen Punkt* из 5.64, а то, что его повторяют/копируют, — вне его намерений и усилий. Он запустил вирус и не препятствует его жизни, да и как это сделать?

How many people are involved?

Just me. In the eight years I've been working on this project, I've traveled to 35 cities on all five continents with the sole

intention of «invading» them! Having said that, people have sent me photos of Space Invaders in towns I've never set foot in! I see it as a positive thing, a kind of tribute. I did consider setting up a group strategy but it's a hard thing to delegate. So while I don't encourage this kind of copying, I don't especially condemn it either.

Вот описание, почему ему понадобилась именно графика инвэйдеров:

What made you choose Space Invaders as the main character for the project?

Lots of reasons. I see them as a symbol of our era and the birth of modern technology, with video games, computers, the Internet, mobile phones, hackers and viruses. And «space invader» is a pretty good definition of what I'm doing... invading spaces!

Дальше технологический вопрос про кафель на стенах:

How do you stick them down? Do they ever get damaged or stolen?

I use extra-strong cements. Nothing lasts for ever, but if a thing's worth gluing, it's worth gluing well! It has been known for a disgruntled building owner or the council to tear down an Invader. As for «Invader thieves», nine times out of ten they end up with a few broken tiles; they're too fragile to be prized off in one piece.

А вот и момент его выбора места, в том числе и угла той же Аугустинплац:

How do you choose your spots?

I go everywhere in the city, and I watch carefully. A spot is like a revelation... it jumps out at you.

Вряд ли он был таким же, как я, — интересы у нас явно разные. Но почему именно этот угол напрыгнул и на меня, и на него? При очевидном несоответствии остальных параметров жизни — ну, обиходных.

Субстанция всерьез

Но теперь надо быстро — пока тема в голове — досчитать технические параметры обрисованной выше субстанции. Конечно, она не имеет жесткого кода, иначе бы она не была неопределенной и смутной. Но она должна использовать какие-то коды, чтобы прикрепляться к действительности. Да, рассуждать о ней как таковой — тем более о ее особенностях — возможно только после того, как ощутил ее промежуточность: через факт личного отсутствия дополненного тем, что на холодном камне задница мерзнет.

Это не теория, а прагматика: субстанцию надо бы приспособить к жизни, сделать, что ли, ее копию, наверное — адаптированную, упрощенную. И ввести в личный бытовой обиход, превратив явленное отсутствие в фичу: для собственного бытового наличия, даже просто для удобства. Понятно, вся сфера компетенции отсутствия не найдет себе применения, но достаточно и того, что оно будет себя просто обозначать. Чем угодно, хоть желтой пластмассовой уточкой.

Понятно, это желание *ad def* противоречиво: вот уже в тексте сколько нагромождений из одной-двух простых идей. Причем смысл этого распухающего самопроявления банально сводится к тому, чтобы заполучить схему, которая бы позволила тут присутствовать, одновременно отсутствуя, причем — делая это на своих условиях. Но как иначе, когда именно ты знаешь, что тут за штука.

В общем, своего кода у субстанции нет, но есть коды прошивок, прикрепляющих ее к здесь. Тогда можно попробовать разрушить один их них — чтобы дать ей возможность выдраться из окисла, извлечься из упаковочной пленки. Но ведь резать придется именно по соединительному коду или вокруг него, его удаляя. Тогда что в результате? Процедура только нарастит соединительную ткань. Впрочем, подобное — в виде шрама — выпячивание кода делает тайну наглядной, оформив ее частью жизни. Вот, видим, что у нас тут не оригинал, а окисел. Тут что-то к чему-то прикрепляется.

Но вот как определить, что тут еще является субстанцией? Имея в виду ее потенциальную цельность; это ничего, что сама субстанция здесь уже окисел. Внутри этой раковины еще что-то живое или уже сдохло? Вот некто — он еще субстанция, она еще есть у него внутри? Ну, все мы были вначале субстанциями, которые принялись окисляться, сшили с действительностью множеством разных кодов, функционируем в этой механике. То есть даже не частные случаи интересны; те, конечно, распознаются интуитивно, другое — точка невозврата, где субстанция утрачивает контроль. Все уже разложилось по набору кодов и реакций, а ей осталось догнывать без дела.

Вообще, если эти коды точные и выполняют свои функции, то их набор тогда просто как одежда, даже не как одежда, а фактически копия частной субстанции, ее проекция тут. Сложившаяся в определенный момент времени и уже немодифицируемая. Организм, настроенный на время и место. В принципе не так уж и плохо, на его век хватит. Другое дело, что любой код склонен быть зажеван рефлексиями и интерпретациями. А тогда уже просто черт знает что: организм при адаптации к окрестностям и себя потерял, и уточнить уже не может. Ничему своему он уже не соответствует, только общим местным обстоятельствам. И ничего не поправишь, контрольный пакет оригинала утрачен. Так вот, осталась ли там, внутри, субстанция или давно высохла?

Ладно, пусть она еще осталась, но как ей восстановить-ся в правах? Ясно, что локальных прошивок много — большие и маленькие, общие и частные. Но большие коды могут ощущаться малыми внутри себя или реально быть частями других кодов. Причем восстановление части может каким-то образом вызвать и восстановление целого. Например, если прямо мучить коды, как в случае здешне-го, то есть венского, акционизма. Да, все в мощных шрамах, ну и что? А про здешний же психоанализ говорить неохота. Вообще, простуда всегда тянет за собой обобщения почему-то. С другой стороны, стал бы я в здравом уме заниматься подобными схемами? Конечно, рассуждения — это сухо: что ж, в данном месте читатель может представить себе что-нибудь приятное. Ну, не знаю... какие-нибудь свежие кусты, осыпанные желтыми и розовыми цветами (то есть один куст такой, другой этакий), — я их вижу с балкона.

Что касается прямых действий с кодами, то цель может состоять в том, чтобы вернуть субстанции управление неопределенностью — если она еще не высохла окончательно. Тут действие простое: надо попытаться доокислить вообще все, а то, что пока еще живое, — оно будет возражать, выкажет себя и попробует вернуть себе управление. Но это риск: где гарантия, что такая процедура не угробит остатки субстанции? Нет гарантий. И где она, субстанция, вообще может находиться?

Упростим все до наглядности. Все та же линейка: слева — самое материальное в лице тушки и ее личные повседневные чувства. Правее тогда окажутся идеологические описания, которые создадут разрыв социального и бытового. Правее за социальным, хоть это и странно, снова пойдет частное: там начинаются самодельные личные осознания (они неявно влияют на две первые зоны). Затем — следующий разрыв. В этом месте, надо полагать, как раз закончились окислы и начинаются разрозненные

до-личные ощущения. Они индивидуальны, но не имеют шаблона, который бы позволил их упорядочить и связать с ними хоть какой-то смысл. Но можно соотнести с ними какую-нибудь частную картинку. А дальше и картинки закончатся, наступит уже что-то такое смутное, что не понять, чем это вообще может быть, — но оно все-таки ощущается. Далее — отсутствие. То есть присутствие в отсутствующем варианте, кто уж умеет. Выходит, субстанция — это то, что справа от второго разрыва. Отсутствие, конечно, уже не она: точнее — там нет уже и ее. Да, окисление начинается левее второго разрыва.

Просто и цельно. Разумеется, отрезок, где живет субстанция, совершенно непонятен, но это с непривычки. Вообще, субстанцию можно лишить пафоса, сказав, что раз уж линейка выстроилась и, очевидно, функционирует, то границу окислов можно считать просто инструментальным зазором между твоей исходной точкой и всем остальным, а субстанция просто работает смазкой в этом зазоре. Пусть даже этот зазор громадный: субстанция покроем собой и половину небосклона.

Тогда, если держать в уме крайние точки, легко сделать себя манекеном. Этой технологической установкой будут ликвидированы все внутренние смутности и неопределенности в уме. Субстанции как бы и нет вообще, хотя она, разумеется, присутствует: крайние точки без нее вместе не удержатся. С виду вроде обычное поведение тушки: хочешь есть — так и ешь, не думая, как функционирует пищеварение. Но нет, здесь об этом думать надо, иначе обрушится схема, рассыплется. Или уж надо суметь поставить себя так, чтобы настолько привыкнуть к наличию субстанции, что не думать об этом. Это сложно, зато эффективно. Конечно, это авантюрное поведение, но именно оно и требуется: если уж все это понял, то больше ничего и не надо, а чем занять себя в освободившееся, оставшееся время?

Развлекаться, понятно, перемещаясь по линейке туда-сюда. Если уж субстанция доминирует, то все равно, что за окислы вокруг. От них уже не надо избавляться, они сами по себе, не сцеплены с ней намертво. Они уже не устройства для пыток, а чисто для радостных развлечений. Не только отсутствие может предьявлять себя в виде желтой пластмассовой уточки, но и субстанция умеет развлекаться подобным способом, еще более легкомысленно.

Например, она может назначать коды, точнее — значения кодам. Космос тут сегодня будет фанерный ящик для переноски саженцев или транспортировки мусора стоимостью в одно ойро. И неважно, почему и куда именно надо отправить какой-то мусор. Потратить субстанцию нельзя: уж если она жива, то воспроизводится постоянно. Так что из нее можно делать что угодно в виде фигурок, картинок и большого количества слов, связанных друг с другом. Тогда из личного она будет переходить в общее — являясь в то же время частью неопределенно большой субстанции, гипотетически присущей всей популяции. Причем зона такого предьявления уже возле границы окисления, но похожа даже на какую-то привычную реальность. Этакая анимация кодов или производство фэйков, которые из-за своей естественности будут восприниматься как коды: ведь их можно трактовать, и они могут доставлять чувства, как же им не доверять?

Собственно, это происходит и так, потому что запрос на такие штуки есть всегда. Будто в самом деле есть не то душа, не то канистра, которую надо наполнять переживаниями места и времени. Практически индустрия. Хотя там как раз наоборот: условную душу, как социальный эрзац утраченной субстанции, обычно и употребляют для украшения времени и места. Души производят свои безделушки, те станут новыми кодами, в которые будут упакованы новые субстанции. Что еще они могут зафиксировать собой, как не время и его обстоятельства? Каждый уверен в своем существовании, потому что он упаковывает время, лично производя

собственное окисление, продукты которого уходят в общественный социум. Где и замусоривают жизнь.

При определенных навыках можно наделять коды произвольными и безответственными значениями. Космос в виде ящика, ностальгия в виде шестнадцати бусинок. Если бы их было семнадцать, то это стало бы уже ревматизмом. Или иногда никакого кода вообще не предполагается, а тут просто штучка, которая покажется кодом. Это прагматическое развлечение, ведь заодно дотрагиваешься до своей недозатвердевшей субстанции, а ее приятно ощущать. Становишься субъектом двойной природы, и вторую природу себе надо обустроить самому: всё — дело.

Представишь себя зайчиком с лиловой левой задней ногой, пусть даже смысл креации данного зайчика состоял в том, чтобы потеплеть примерно на полтора градуса, но — заодно — вот он еще и зайчик, частично лиловый. Или превратиться в большую металлическую женщину, держащую в руке *der Strauß der Vergissmeinnichte*, то есть букет незабудок, — тоже возникнут какие-то ощущения, совсем уже неизвестные. Или вообразить себе хождение между спагетти, по дну тарелки: просто потому, что субстанции захотелось ощутить, как это бывает — ползти по теплой миске среди сливочного масла и перекатываться через валики макарон.

Разумеется, вышепридуманная по случаю линейка похожа на уже цитированный пункт 5.64 («*Das Ich des Solipsismus schrumpft zum ausdehnungslosen Punkt zusammen, und es bleibt die ihm koordinierte Realität*»). Но оснований считать, что речь идет об одном и том же, нет. Рассуждения вокруг примерно того же самого были всегда, но они всегда были разные и о разном. Какой тут, в моем случае, солипсизм. Например, какой смысл солипсисту для своих размышлений отправляться в Вену? И то сказать, дело к полудню, одиннадцать уже точно. Пора на улицу, ничего, что простуда. Вена все же, солнце.

Эти рассуждения, мне кажется, были прекрасны, но остался вопрос: а как, собственно, субстанцию ощущать постоянно? Как с ней связаться прямо, когда это особенно необходимо? Как устанавливается контакт: через звук, цвет, запах? Через какие именно?

Naschmarkt

Пусть теперь будет Нашмаркт, раз уж сегодня он работает, да еще и солнце. Ничего, что простуда. Похожу и с температурой: буду являть собой субстанцию без отчетливых краев и мыслей среди материального переизбытка. Колыхаясь студнем при ходьбе.

Naschmarkt — ровно над замурованной частью реки Вена. Их два: постоянный продуктовый с лавками и харчевнями, а на дальнейшей — от центра — части по субботам раскладывается Flohmarkt, блошиный. Он возле станции метро «Kettenbrückengasse», U4.

Туда можно идти по Второй линии мимо Музейного квартала, далее — мимо Академии художеств (она будет на другой стороне улицы), до Сецессиона и — справа уже Нашмаркт. Но можно иначе: по узкому переулку, в котором стоит пансион, оставляя Музейный квартал слева. Свернуть направо, на Линдергассе, затем налево на Штифтгассе, дойти до Мариахильф. Перейти на другую сторону, а там будет проходной двор с магазинами: несколько дворов, которые выводят к уличному лифту, который спускается как раз на улицу, ведущую куда надо. Лифт, понятно, не обязателен, там есть и лестница. Дальше надо пройти мимо детского сада, потом будет квартал, в котором пахнет конским навозом (там конюшня, где стоят толстые белые лошади, катающие вокруг Хофбурга), ну и Нашмаркт, причем — в точке, где слева уже закончилась продуктовая часть, а справа начинается блошиная. Но вот где сворачивать во двор на Мариахильф — я не помнил точ-

но. Кажется, перед входом во двор стоит какой-то женский манекен с алыми губами, а внутри двора первый этаж, где лавки по всему периметру выкрашены темно-зеленой краской. Если ориентироваться по Мариахильф, то это чуть дальше от центра, чем Stiftkirche (она осталась на другой стороне) и напротив дыры в ряду домов (дыра не такая уж большая, один дом вынули, его контуры еще видны на боковых стенах), а на тротуаре в середине там дерево. Но если дыру уже застроили? Да, совсем непонятно с местными топографическими правилами: очень короткий и узкий переулочек, в котором пансион, был, оказывается, не переулочком, но улицей: Museumstrasse. Никакой логики по части гассе-штрассе явно не существовало. Предположение о роли имперского величия в наименованиях сломалось.

Раз уж в этом тексте внутри еще и частный путеводитель, то вот описание Нашмаркта: это постоянно действующий продуктовый рынок с положенными ему лавками. Имеются также и харчевни, разного сорта. Они стоят вне зависимости от своего ранга, где уж какая оказалась. Есть даже почти шикарные. Хорошо кормят во всех, но вот по воскресеньям не работает ни одна. Еще проблема с туалетами, уличный вечно сломан/закрит, а в харчевнях удобств нет. Ну, ни в одной из трех, где я бывал.

Блошиный Нашмаркт оказался мероприятием очень массовым. Что ли восемь рядов столиков-лотков уходили вдаль не менее чем на полкилометра, начинаясь от станции Кеттенбрюккенгассе и, надо полагать, до того места, где река Вена появляется из-под земли. Да, тут решена физиологическая проблема Нашмаркта: есть тут туалет, на входе в метро.

Вниз по реке к Карсплац — продуктовый Naschmarkt, вверх — Flohmarkt. Сколько там народу, торговых мест и много ли предметов — сразу не поймешь, вокруг людей столько, что они не то что загораживают перспективу, а

продвигаться сложно. И все это блестит, поскольку на лотках много различного стекла — посуды, хрусталя, картин, упакованных в стекло, — а солнце резкое. Еще и металлические поверхности, да и пластмасса блестит не хуже стекла. Что до разложенных вещей, то доминирует обычный для блошинок временной отрезок, с конца XIX века по шестидесятые прошлого. Или даже свежее, но это уже специальные предложения: например, стол, накрытый синей скатертью, на нем плотно разложены сияющие хирургические инструменты. Нет, 1960-ми не заканчивалось; видимо, с тех пор время пошло быстрее, и совсем старьем уже выглядели и диски с компьютерными играми чуть ли не первого поколения для PlayStation, и игрушки семидесятых — явно связанные с мультсериалами. Или вот зачем-то была ксерокопия филармонической программки юбилейного вечера Караяна, случившегося вообще год назад.

Все это очень мило, а массовость, как одушевленных лиц, так и неодушевленных предметов, затягивала в себя: так можно утонуть, например, в куче зерна, не говоря уже о горе снега. Скорее все же первое, учитывая повышение моей температуры — то ли простудное, то ли от физического трения с многочисленными венцами, между которыми надо было протискиваться (рассматривают экспонаты внимательно и неторопливо; а может, приходят именно затем, чтобы потолкаться, — где такой телесный контакт у них тут еще возможен). Надо полагать, температуру подогревали и эманации выложенных здесь штук. Ход мыслей, которые начались в пансионе, хотя и был немного сбит дорогой, но продолжился, теперь уже намереваясь уйти в принципиально тупую глубину с обязательной для нее бессмысленностью, но ведь именно это и вызывает самые сильные чувства у любого мыслящего существа. Что может быть тупее, чем думать о ходе времени и его необратимой силе, глядя на выкладки блошиных рынков?

Ах, в пансионе возникали строгие и красивые мысли, а здешние уже походили на резиновых надувных лягушат.

Условно зеленый лягушонок, к нему приклеен тонкий шланг, на другой стороне которого — помпочка рода клизмы. Давишь на нее, лягушонок подпрыгивает, желая привлечь к делу методику В. Беньямина и классифицировать возможные опции данного места:

— Здесь можно приобрести себе дополнительную память. Купить, например, бытовую финтифлюшку, а потом — будто она всегда была твоя.

— Также здесь лежит вполне сконцентрированное как таковое (см. выше про временной диапазон вещей). Как его забрать себе — неведомо, но то, что оно тут лежит, — все равно хорошо.

— Просто объекты искусства, сделавшиеся таковыми уже и по причине своей невоспроизводимой теперь чудачковатости. Тут та-а-акие странные пепельницы, например: совершенно разлегшаяся на боку худая и длинная серебряная дама в бальном платье, которое — аккуратно разложенное — и является местом, куда стряхивать пепел.

— Некоторые из предметов представляли чувства и отношения, которые теперь не найдешь, да и не понять. Например, обычные плюшевые звери, но — с такими выражениями морд, которым трудно поставить в соответствие какую-либо из известных эмоций. Может быть и так, что сделаны-то они были понятными, а уже процесс неконтролируемого старения добавил их лицам неизвестные чувства.

— Беньямин как таковой: дополнение к его искусству в эпоху технической воспроизводимости. Предметы, будучи когда-то тиражными, со временем перестали ими быть — основные тиражи канули, а сохранившиеся экземпляры стали уникалами.

— Чисто прикладная сторона дела: какие-то штуки могли вполне пригодиться в быту, да еще они и красивые.

— Просто игрушки-метки: не так что восстанавливая бывшие чувства из окислов с помощью какой-нибудь из них, но чтобы отмаркировать ими возможные новые чувства.

Семь пунктов. Иначе говоря, пространство в рамках выставленных в нем отношений расслаивалось сразу на семь смысловых вариантов себя, в каждом из которых все было по-своему. В каких-то точках эти слои могли совпадать: одна и та же штука годилась для ложной памяти, но была полезной практически. Или же нечто, выражавшее отсутствующую ныне эмоцию, могло стать уместным маркером нового чувства. Даже непонятно, что интереснее — штуки, в которых сходились сразу пять—семь вариантов, или такие, где работает только один. Но еще и возникающие сочетания: альбом по BD/SM (*Das ultimative BD/SM Lexikon von A—Z*, «более 7000 ключевых слов, свыше 800 иллюстраций»), рядом с ним распятие; причем оно почему-то в рамке и застекленное, а стекло выпуклое, создает объем и запотело изнутри, будто дышит.

Торгующие находились в отрыве от того, что продавали. Тут были выложены свойства без людей. А общий смысл состоял не в том, чтобы все это продать. Что ли городское бессознательное выталкивало эти предметы на общее обозрение, чтобы показать, что все эти вещи, а следовательно, и их время в городе еще присутствуют. Выставленные свойства были внутренностями памяти, явно не принадлежа тем, кто их тут продавал, стоя возле: очевидный пример того, что субстанцию — в силу ее шизофренической склонности постоянно застывать в любой дурацкой форме — следует осаждать, формировать и выдавать в виде фигурок, каких угодно. Так из личного она и переходит в общее, являясь в то же время элементом большой субстанции — которая не так чтобы нависала, но присутствовала тут же, неподалеку. Так что субстанция вовсе не предназначается лишь изощренным умам, она действует помимо всех и через кого угодно.

С поправкой на махистскую тематику, состоящую также из ощущения фан-де-сьёкля, который сто лет назад было принято переживать, думая о бездне, можно гово-

рить, что все распалось на части. Эти части опять распались на дальнейшие части, и уже не осталось ничего, что можно было бы охватить каким-нибудь понятием в соответствии с Гофмансталем, хотя предметы были и из его времени. Что говорил Гофмансталь? «Между разными Я (разными людьми) едва ли можно обнаружить более существенные различия, чем те, что наблюдаются в одном и том же человеке, при сопоставлении разных лет его жизни». Тут возникает предположение, что проблемы фан-десёкля в такой трактовке (имея в виду и Маха на тему утраты цельного «я», что их так мучило) могут прямо следовать из Арчимбольдо, венского жителя. В мае 2008-го в Художественном музее чуть ли не половина этажа была отведена под его многочисленные составные опусы. А ведь они, эти авторы, с детства в этот музей ходили, вот и отложилось в силу детской некритичности.

Та же тема, но романтичней, у Бера «Все мимолетно, нас окружает мир, лишенный субстанций, мир, состоящий из одних лишь изменчивых красок, контуров, звуков... в игре феноменов кристаллизуется то, что мы называем нашим Я». Несомненно, можно было представить себе, что все эти нашмарктовские объекты по ходу достаточно длинной жизни мог бы использовать один человек. Нет, одному не справиться. Но, допустим, большая семья лет за сто пятьдесят. Или жильцы какого-нибудь муниципального дома в Видене.

А Гофмансталь по этому поводу добавил, описав свое Я как нечто «чужое, непостижимо далекое. Нечто такое, чего теперь никогда уж не найду... Да, я чужд самому себе». Это, наверное, было сказано в легком подпитии, причем — вечером, грустном. Но эти цитаты годились и среди яркого дня для описания моего простудного состояния. Фактически как если бы я был под каким-то веществом, изменившим мое временное сознание. И это не потому — подумал я, — что простуда или вирус так влияют на психику. Но потому, что тут нет обычного инструментального ок-

ружения болезни — привычной кровати, знакомой аптеки, градусника, всякого такого — рутины, в которую отправляешься отбывать срок болезни. Или не отправляешься в пользу служебной необходимости, но все равно покидая рамки здравости привычным образом. В данном же случае получилось какое-то освобождение *per se*. С которым — что подтверждало его истинность — мне было совершенно нечего делать.

Находясь в таком состоянии психики, можно строить домыслы на тему, что в этих развалах есть какая-то небольшая штуковина или несколько некоторых штук, которые — если окажутся у меня все — дадут какой-то эффект. Лет двадцать назад я бы так и поступил: исследовал бы эту историю в предметах, что — по сути — ничем бы не отличалось от поисков Святого Грааля. Удивительно все же, как шаблонны подобные построения: узнать, как все устроено на свете, чтобы четко понять, что — тут, а что — там. А узнать — затем, чтобы все это совместить и обдуривать остальных. Вырастить в себе эфирное, но внятное тело, чтобы отсюда туда без никакой потери себя как такового, а если еще и Святой Грааль найти или что-то в этом роде, то замечательно проведешь время и до перемещения. Лет двадцать назад я бы нашел тут себе какую-нибудь штуку — конечно, уговорив себя, что вот она-то и есть то, что надо. Причем тогда бы она действительно работала, правильно модифицируя меня. Только некуда уже модифицироваться, вот что. По крайней мере в этой логике.

Но, честно говоря, я бы и сейчас поступил именно так — если бы не простуда: все-таки сложно ходить, а как, не осмотрев хотя бы большей части экспонатов, уговорить себя, что выбор сделан верно? Тем более осознавая пониженный уровень своей дееспособности. Ну зачем, в сущности, мне красивая картина, изображающая Мариахильф в еще догородские времена: церковка в центре, к ней ведет аллея, по обе стороны какие-то праздничные торговые лавки с флаж-

ками, слева — небольшой пригорок, на котором вроде усадьбы, а дальше и лес? А то, что это именно Мариахильф, — на ней и написано: Maria Hilf. Хотя сейчас эта картина очень понравилась и даже протянула ко мне свои невидимые нити. Или пара старинных плюшевых игрушек с не существующими теперь выражениями лиц.

Вот что бы точно купил: небольшую пластмассовую желтую уточку, или серого зайца с лиловой левой задней ногой (но чтобы они были не больше сигаретной пачки), или того же надувного лягушонка. Но их не было. Точнее, мысль о том, что купил бы их, возникла уже позже. Но если бы я увидел что-то из этого ряда, она бы тут же возникла. Нет, на глаза не попались, а на большие куклы я и не смотрел, куда мне их.

Нет, если бы эти материи еще имели надо мной власть, я бы переступил даже и простуду, купил бы что угодно, ощутив, что в данном кунтшоке есть, пожалуй, какая-то формулировка чего-то. Их же всегда ощущаешь: ни минуты без того, чтобы что-нибудь да не сформулировалось. И не рассуждал бы уже, а оглаживал в кармане какой-нибудь австро-венгерский тонкий портсигар, что заставило бы перейти на сигареты формата slim. Но барьер перейден, выбор сделан (или произошел) в пользу вечной расплывчатости, дающей легкий эффект уточнения себя, если захотелось, и аутизма в остальное время. Безо всяких расчетов на появление элемента, который централизует все интенции на дальнейшую жизнь.

А теперь то ли состояние изменилось, то ли действительность уже требовала иных подходов к тому, чтобы ее покинуть. Уже не предполагая накопления памяти в материализованном, в том числе и записанном виде. Притом что мой антропологический тип, кажется, все же не изменился. Но вчерашнее (всего лишь вчерашнее, да еще и вчернее — но как давно, представляется теперь, это было) большое просветление (а это точно было оно) о том, что не надо сидеть на холодном граните, требовало уже иных

отношений ко всей этой тематике. То есть оно не было моментальным, не закончилось вчера, а предполагало еще и подробные последующие действия, которые и происходили теперь, лишь прикрываясь простудой.

Вообще, что такое эти просветления в рамках общеевропейской культуры? Они здесь в варианте просветления личных страстей, о чем и было сделано предупреждение. Не более чем появление навыка соблюдать личную гигиену: и какие, собственно, сложности переплетения каких мировых линий может учесть эта простодушная и только что не сельская практика? Нормальные истории и сами не знают, откуда берутся, просто происходят, никак не ориентируясь на антропологическое или нет устройство воспринимающего.

Поэтому теперь имелось удручающее банальное ощущение: будто вышел из длинного лабиринта — ну вот, что ли, и простор. Но только без антропоморфных сравнений типа «оказался в чистом поле без бутерброда и не понять, куда деваться». Тут пока непонятно, как тут именно и что вообще: дидактическим метафорам нет основы возникнуть. Разве что только про само состояние: что-то не доигралось, дверь открывается, еще не открылась, и ты еще по ту сторону. Чайник закипает, еще не закипел; стиральная машина отработала, но белье вынуть не дает. Что-то еще в меня догружается или уже загрузилось, а теперь устанавливается. Но вот вопрос: я ведь уже практически вписался в этот город, почему они тут не принимают меня за своего? Толкуются возле Würstelhütte, покупают вюрстели, сидят с вином вокруг столиков под солнцем наискосок от очередного оттовагнера (который весь в красных майоликовых цветочках), и все. Но, собственно, как же не принимают за своего, когда они ровно это и делают, не обращая на меня никакого внимания?

Stimmt, годится. Но тогда, если я тут на общих правах и моя чувственность пришла в соответствие с местной, разделяя ее интересы, есть вопрос о функциональности

моего нахождения тут. Раз уж я здесь, то должно же у меня сегодня быть тут какое-то дело? Не так чтобы непременно произвести то, что в Вене не делал никто, но просто отработать в качестве местного, пусть и временного жителя этот день, 28 марта 2009 года. Ну вот вчера меня интересовала недвижимость: что ли съездить в Зиммеринг, посмотреть предложения оттуда, и день не будет потрачен зря? Stimmt, но это я успею позже, а пока еще только два часа дня.

Но эта линейка — тоже дело: та, где слева тушка, а справа — существуешь как таковой, даже в своем отсутствии. Когда держишь ее за оба этих безусловных края, то у тебя появился вариант манекена. Как уж именно ее держать — как получается; раз уж такая идея возникла, то уже и держишь. Мне это удастся все утро после выхода из дома. Функционирую как манекен — чуть задумчивый и обидчивый, но все же: все транзакции воспринимаются как отчужденные, убегающие от меня волны субстанций; субстанций, довольно бессмысленно трущихся друг о друга, однако — норовящих схватиться фактически как бетон, замуравав меня своим окаменением. Так что субстанция — это не так cool, как могло показаться. Точнее, не она сама по себе, а механизм окисления, который действует на всё и заодно съедает и тебя. Как только ты вообразил/понял, что субстанция существует, так она уже и лично твоя, а окисление накидывается на нее, стараясь выжечь до дна. Тут ему, конечно, нужна дырочка, чтобы пролезть внутрь сквозь созданную им же раковину, но эту дырочку ты сам же ему и предоставил, приняв эту схему и удерживая ее в уме. Вопрос о том, как ему не даваться, надо обдумать позже.

Зато чем хорош манекен? В нем нет ничего лишнего. Хоть трись & стирайся обо все окрестности до дыма чресел, не обращая внимания на посторонние дела. Такая методика хороша, когда надо коммуницировать с людьми, чьи промежуточные параметры вовсе не должны прини-

маться во внимание. Но приятным такой процесс будет лишь тогда, когда и на другой стороне действует такой же манекен. Но это редко, а с остальными не очень-то охота входить в отношения вообще, пусть даже методика позволяет экономить чувства и иные ресурсы (ну мало ли какие).

Свободное от нормальных существ пространство можно оценивать по-разному, но логичнее считать его местом для развлечений: если, конечно, развлечением можно считать постоянную борьбу с наваливающимся тестом. Но и борьба, что поделаешь, может стать приятной — если у тебя есть преимущество, которое состоит в обладании верными методами. Поэтому линейку надо изучать дальше. Да, путеводитель: хороший кофе есть неподалеку от предыдущего места действия. Уже в продуктовой части Наш-маркта, по ту сторону узкого проезда, который отделяет продуктовую часть от Flohmarkt'a. Сразу слева (если лицом к Карсплац), в стороне (не в ряду начинающихся продуктовых лавок, еще до них, совсем сбоку, перед парковкой). Будка темно-зеленого цвета, первое, что там видно, — ящики с бутылками. Небольшая вывеска «COFEE TO GO», но Kleiner Brauner можно взять и в чашке и сидеть за столиком, глядя на людей и рынок.

Что там по линейке, если компактно? Там три куса и два разрыва. Слева направо: отрезок, зона, где только окислы. Разрыв. Отрезок, где еще жива субстанция, которую как-то можно понять, в основном — через личные шаблоны, которые превратят смутные ощущения в элементы частной жизни. Окисляя, то есть, себя вручную. Ну, можно же сделать какой-нибудь сон фактом своей биографии. Или фиксировать любое чувство через «как говорится». Или привычно юзать Freud'a. Разрыв. Правее область уже настолько смутных ощущений, что их не всегда даже опознаешь как свои ощущения. К ней примыкает территория, где нет уже и субстанции: это зона твоего отсутствия, которое одновременно и наличие именно тебя. Конечно, это самая крайняя, уже четвертая зона, так что

перед этой территорией есть еще и третий разрыв, но физлицо понять его не может. А представить, почему нет — вот он тут только что и представлен, пожалуйста. Kein Problem!

Но вот где тут развлекаться и, собственно, как? Ну, допустим, производя фигурки и схемы из недоокисленной субстанции. Еще можно веселиться, глядя на то, как выкручиваются остальные, не знающие о том, как все устроено. Но это, конечно, нелепое удовольствие, да и быстро наскучит.

Вообще, дурные художники работают не то что не с отсутствием, а даже всего-то со своим смутным личным: между первым и вторым разрывами. Перетаскивают себя из этого промежутка, переводя свою личность в общественное и материальное пространство. Они уже и начинают на границе окислов. Для публичного успеха креатива заимствуя из сопутствующей общественной жизни еще и какую-нибудь идеологию. Те же леваки, скажем. Художники тут только для наглядности, причем они хотя бы еще чуть-чуть до окислов, а остальные уже просто так и живут с левого края.

Теперь, как не дать себя замуровать? С первым разрывом поладить просто: там понятно, откуда что взялось. Сложнее со вторым, где граница между смутным, как-то сформулированным, и смутным, не формулируемым. Эта граница может сдвигаться (в зависимости от образованности общества) туда-сюда, но в каждый конкретный момент — это та точка, где справа еще исходный вариант чего-то, а слева он же уже окислился своим предъявлением. Да, схватившийся цемент, что еще. Ну алюминий. Нет, тот окисляется мгновенно, а здесь все же процесс.

Вот они, гады: отчужденные волны субстанции, субстанций, плотно трущихся друг о друга, желая включить тебя в себя. Как им не даваться, ведь они заберут тебя как свою часть — как если бы на свете существовал один тотальный спинной мозг, уверенный, что он один во всех

позвоночниках. Общее Окисление этого тотального позвоночника поймет тебя как кусок технологической массы, из которой немедленно произведет какой-нибудь предмет, тебя — ах, такого отдельного! — не учтя. Оно же знает только субстанцию, которую надо высушить. Да, оно хочет только ее, но что же, отказаться от собственной субстанции, и все обойдется? Но это означает вернуться к прискорбной жизни непросветленного существа! Как только ты понял устройство жизни, то выхода уже нет? Впрочем, в этот момент можно наблюдать вселенскую форму Кришны.

Есть вариант: считать себя коммуникатором. Ну, ты тут особо и не сам по себе, а промежуточное звено, которое почему-то (тем или иным способом) связывает элементы разных участков этой линии, различной природы. Для этого и нужна любая схема, сводящая такие элементы вместе. Да, ты сам создал себе этой схемой угрозу, но она же и позволяет отойти от нее в сторону. То есть специально-то коммуницировать совершенно неохота, но придется, чтобы не съели заодно с остальными. Ставя, то есть, себя в отдельную позицию. Да, это не безусловно морально, но кто же виноват, что мироздание устроено так бесчеловечно?

Тут могут помочь и любые предметы: вот об этом, оказывается, я и думал, когда размышлял о штуках, которые мог бы купить на барахолке. Конечно, правильный, правильно выбранный предмет в такой рамке изменит свое качество и станет излучать что-нибудь дезинфицирующее. Даже картина на голубом фоне, где темная собака сидит рядом с красным георгином. Так что не все так аморально. Но это общедоступный вариант.

Другой вариант, изнутри: коммуникатор производит вход в переживание, навязывая уже свои трактовки того, как именно надо окисляться. Это вариант посредника, как в этом тексте, — он же сам вытаскивает пункты, которые и ставит рядом. Но только лишь упомянуть их мало, надо

оформить легенду, предъявив ее изнутри. Как именно? Намеренным производством затруднений при чтении, возможно. Гладкие истории не годятся, они линейные и пишутся на фанере, а надо ввести свою меру и динамику в окружающую реальность. Небольшой участок, который сложнее остального и потому его собой определит. Так можно упорядочить любой хаос, не организовав его директивно и структурно в целом. Если тут что-то чуть-чуть опережать своим отсутствием, то окисление не съест.

Но у окисления тут свои коммуникаторы, чтобы поглотить всех, вот что. Они — фэйки, которые подменяют собой реальные отношения, упорядочивая тем самым массы. Такие небольшие машинки окисления, его агенты, затягивающие всех внутрь него. Можно назвать их кляйнкунстами. Маленькие искусства окисления для всякого на каждый день, Kleinkunst'ы, как Kabarett. Бывают короткие, средние и длинные. Даже вовсе мелкие, как полупрозрачные почтовые марки; проскальзывая, колыхаясь по воздуху, проходят сквозь голову, глаза или тело. Или вовсе мимо, чуть блеснув. Такие — совсем легкие; влияние оказывают мгновенное и недолгое, как-то себя быстро отпечатав, будто какой-то сваркой в мозг, — что-то к чему-то подошьют или же оставят в нем небольшое семечко. Это тоже важно, но их трудно систематизировать. Для наглядности возьму варианты более осязаемые; не так чтобы самые главные, зато распространенные.

Давлелка

Самая мелкая из тех машинок, которые уже не одноразовые. Она через «а», потому что не просто довлечет, но с двух сторон: изнутри довлечет и, одновременно, давит снаружи. В итоге она просто грузит. Обычно это мелочные дела, ерунда; но что-то сбилось, и они разрослись — толь-

ко потому, что с ними почему-то не получается разобраться. Давлелка, что ли, излучает стену невозможности добраться до дела. Да хотя бы счет за квартиру оплатить, и даже если через интернет-банк, то под рукой все время нет карточки с таблицей кодов. Или никак не можешь позвонить кому-то, хотя никаких проблем в отношениях с адресатом нет, просто заклинило.

Они, давлелки, функционируют постоянно, а понимаешь, что они существуют, в моменты таких торможений: вот так они себя и выказывают. Не сказать, что их обнаружение тут же избавляет от проблемы.

Иногда, впрочем, могут вывернуться, и получится наоборот, попадаешь в место, где такие мелочи работают добрым образом. Случайно зацепишься с утра за какую-то такую чешуйку, и день удался.

Например, даже насморк, если к нему правильно отнестись, выдаст сумму ощущений, которые иначе бы не ощутились. Это ничего, что это не лучшие ощущения, потому что невнятные. Зато они собираются в конкретную кучку.

Кнорики

Эти машинки будут определять типаж человека с возрастом: из бытовых они самые длинные. Они не навязывают свою волю, так как-то просто выходит, если человеку больше нечем заняться. То есть когда никакая целеустремленная деятельность кнорикам не мешает. Вот как пожилые люди начинают постепенно приобретать отчетливые признаки своих то ли нации, то ли рода. Латентная доминанта, оформляющая потенциально разнообразное существо в стандартно-шаблонное: в социально-фактурном смысле. Эти чисто французы, евреи, классические русские и проч., которые к последней фазе жизни делаются типичными представителями этноса. К национальности и возрасту, конечно, не сводится: может возникнуть и кон-

кретно Таксист. Это развившаяся и окрепшая типажность, начинающаяся с точки, в которой некто не знает, чем себя занять, кроме жизнеобеспечения. Хоть и с пятнадцати лет.

Сам термин «кнорик» взялся ниоткуда. Он из тех случаев, когда некоторые понятия невозможны, пока не появятся словосочетания, которые можно соотнести с понятием: оно оттуда задним ходом и выбирается. Кнорик, конечно, от бульонных кубиков «Кнорр». Вообще-то, сначала он оформился чисто по звуку, но и смысл недалеко, хотя и навыворот: кнорики по жизни не растворяются, напротив — конденсируются, будто через выпаривание и люди становятся присущими им кубиками своего кнорра, который был ранее как-то незаметно растворен в их существе. Их исходная субстанция, таким образом, окончательно высохла, и вот они — личная реализация и сухой остаток.

Представлять граждан в виде жидкости, рассредоточенных в растворе, — трудно, но и не обязательно. Главное, внутри них плавает кнорик, маленький и беззлобный с виду — как пиктограмма, типа одного из смайликов, которыми оснащают мессенджеры. Он себя не навязывает, его мало кто ощущает, но по ходу времени он начинает брать власть над организмом: тот ничего не делает, а в жизни должна быть движуха, и она возникает только за счет того, что весь раствор начинает стягиваться к кнорику. В итоге они преуспевают, отчего в государстве и происходит коллективный Gestalt, один на всех, в виде единства в многообразии стандартных типажей.

Армянин, грузин, простак, редактор литературного журнала, звезда театра и сериалов, бывшая звезда сериалов, хоккеист по жизни и т.п. Если посмотреть, что в этой ситуации добавит немецкий язык, то словарь даст тут Knooge, суф. f «фронтонное украшение в виде бутона». Это дополняет термин: вот именно, бутон разрастается, давливая собой и фронтон, и прочее строение. В некотором смысле кнорик — это почти то, что вылезает из киндер-

сюрприза. Это не внутренний оловянный солдатик, который уже есть, а небольшой, до 3 см, предмет из сухой пластмассы; сначала он собирается, а потом начинает функционировать. Тут единственность варианта сборки заложена по умолчанию, заранее-то не знаешь, что именно вылезет, но соберется — единственным образом.

В Вене примеры такого типа дают эти парни шестидесяти с лишним лет, у которых усы, подкрученные кверху. Годятся и люди возле Würstelhütte на Нашмаркте, и люди возле стеклянного кубика с вином и сосисками на Грабене. На Нашмаркте будут без усов, но с конкретными красно-рожими свойствами, а возле Грабена попадутся образцы образцового-без-свойств-венца, обладающие стерильной четкостью: 50—60-летние, без явных внешних примет, пьют красное вино у ларька на улице; очень хорошо: обшгородской узкосоциальный кнорик. Так что кнорик — это вовсе не обязательно ужасно, вовсе нет.

Разумеется, некоторые люди обходятся без них, то есть — не дают им разгуляться, даже не зная об их существовании. Но интересней вариант, когда человек примерно ощущает, что у него внутри что-то есть — не так чтобы чужеродное, а постороннее и дополнительное. Что-то у него плавает в лимфе и других секрциях, и он входит с этим в диалог: приблизительный, но с четким ощущением партнера внутри. Тогда кнорик расцветает и, на пару с человеком, производит что-то художественное и социально значимое, как Дэвид Боуи или Кайзер Франц.

Капча

Кляйнкунст среднего масштаба, но один из самых главных на свете, как это кажется мне сейчас. Да, важнейшие части жизни остаются незамеченными только потому, что им не нашлось термина. Или просто рассказанной истории, в которой бы они действовали. В данном случае

лучше капчи слова нет. Увы, этот термин уже используется в обратном варианте: для отшелушивания роботов, которые не смогут набрать предложенный в интернетовской капче набор смутно различимых цифр. Это не настоящая капча, он там даже не ловушка, всего лишь фильтр.

Настоящая капча времени или места, она — как расширяющийся в сословии газ, внутри которого все движется схожим образом; это замкнутое пространство, а она всасывает тебя в то окружение, которое уже там сложилось. В одноклассников, если кому-то любезны одноклассники, в газету, которую читаешь, в сайты, которые постоянно смотришь (штук 10), в любой круг, окрестности с локальными нравами и гравитацией. В Вене наглядная капча — переход под Карслплац, там странная тухлая тусовка. Иногда с ней начинает бороться полиция, разгоняя этих наркоманов, пьяниц и фриков, но куда их разгонишь, когда в переходе как раз офис, предоставляющий поденную работу для социально неблагополучных. Для меня венской капчей оказались районы между Рингом и Гюртелем. Да, это внутренняя склонность, поскольку в Риге это будут (вполне соответствующие венским) районы от бульваров до железной дороги на Петербург. Они бы даже домами меняться могли, никто бы не заметил.

Капчей, например, будет мечта о том, чтобы оказаться в маленькой подсобке, тихо жить там: наконец-то я дома и сам по себе. Метафизические идеи и опции тоже капча — как всю жизнь думать на тему того же просветления. Или, как я теперь, рассуждать об этой линейке. Важно даже не то, что это всасывающая ловушка, а вот это «пча-пча — чпя». Хлюпанье с резиновой оттяжкой. Чуть только соотнес с собой нечто, выходящее за пределы средних ежедневных ощущений, вот она и капча, предлагающая тебе захотеть скрепиться с соотнесенным. Она хочет, чтобы ты думал только о ней и определял себя через нее.

Но их можно просто перебирать, входя в соотнесение с таким их количеством, что ни у одной не будет шанса на

контрольный пакет тебя. Но тогда, безусловно, все время будешь находиться в одной из них. Также можно выбрать заведомо сомнительное соотношение: декларируемая мною связь с неродной Веной здесь ничуть не хуже насильственного сопротивления любой капче. Но и такой вариант не решает проблему, потому что привязывание к этому городу абсолютизирует такую связь: ее ведь не пересмотришь, когда захочешь, — на трамвае не доехать. Значит, надо сделать из себя такую точку, которая может соваться куда угодно, но такую маленькую, что к ней сложно чему-либо прилипнуть. Вот такая штука и есть шанс не влипнуть ни во что.

Только лишь опциональные способности здесь не помогут, наоборот — они лишь усугубят влипание. Чем быстрее соображаешь, тем большая по охвату капча выстраивается: уже и не увидеть ее границ, так что будто ее и нет вовсе. Даже превращение себя в посредника здесь не поможет, потому что возникнет посредничество с фэйком. А выстраиваемые сценарии про то, как избежать капч, производят новую, повышенной мощности.

Другое дело, что жизнь в этой моей ловушке была приятной. Вернулся по той же Новой Карандашной в пансион, умылся, выпил очередной кофе. Насморк с простудой приутихли, и даже жаль, потому что простудная слабость приятно совпадала с тем, каким беззащитным себя ощущаешь, думая обо всех этих, давящих со всех сторон, обстоятельствах и правилах. Это же приятно — бормотать на любую тему, потому что как только подумал об этой несвободе, то она сразу же исключит все внешние разметки в пользу полной неопределенности, и ты снова совершенно свободен. Хотя, казалось бы, такая капча — главный агент окисления, который множеством давлелок приводит свободную личность к победе в нем его кнорика.

Не Новокарандашная, да

Что делать, пока пьешь кофе? На крышу Фолкстеатра смотреть уже скучно, в сторону Музейного квартала — неудобно, надо выходить на балкон, да и это скучно. Но можно выяснить, как, например, все-таки называется Нойштифтгассе, поскольку вряд ли она все-таки Новая Карандашная.

Искать, конечно, следовало по оригиналу и не по NeuStift, а Stift. А таких историй в Вене оказалось много. Например, в XVII веке возникли Stiftskaserne — Штифтказармы. Вообще теперь пойдет много немецкого текста без перевода. Во-первых, потому, что из него нужны только какие-то детали, а переводить все подряд лень; во-вторых — в Вене же все-таки, поэтому в тексте просто обязан быть немецкий кусок. А то выйдет не Wien, а уже сразу Вена, а это как-то вовсе некорректно. Итак, «Die Stiftskaserne geht auf eine Stiftung des vermögenden Hofkammerrats Johann Konrad Richthausen Freiherr von Chaos zugunsten von Waisenkindern zurück. In der Vorstadt Laimgrube wurde auf einem Acker ein Haus errichtet, welches als Sommerheim für die Kinder verwendet wurde».

Иными словами, сначала на месте будущих Штифтказарм была выкуплена некоторая площадка (в 1 акр) для домика, в котором в летнее время жили бы какие-то дети. Ну, в XVII веке это сельская местность. Штифт возникает отсюда — Stiftung, учреждение, фонд. Некто на свои деньги устроил благотворительность. Точнее, Johann Konrad Richthausen Freiherr von Chaos. Ничего себе, этого человека звали фон Хаос.

Собственно, уже понятно, что имеется в виду под «штифтом», но пока нельзя утверждать, что это же значение работает и в случае Neustiftgasse. Дальше: «1732 wurde der so genannte Mosertrakt aufgestockt (1875 wurde dieser Trakt nach Plänen von Eugen Schweigel umgestaltet.) Am 4. Februar

1735 übergab der Hofbuchhaltereibeamte Georg Franz von Griener der Hofkammer 20.000 Gulden mit der Bestimmung, junge Männer davon in den Kriegs- und Ingenieurwissenschaften auszubilden. Aus dieser Stiftung entwickelte sich 1736 in Zusammenarbeit mit der Chaos'schen Stiftung eine Ingenieurschule, aus der sich eine Ingenieurakademie entwickelte. Ihr wurde ein Teil des Stiftungsgebäudes überlassen. 1739 wurde der Grundstein für die Stiftskirche gelegt. 1746 wurde von der Herzogin Maria Theresia von Savoyen-Carignan die Savoyische Adelige Akademie gestiftet. Zu diesem Zweck wurde von der Chaos'schen Stiftung ein Grundstücksstreifen hinter der Kirche erworben und der sogenannte "Akademietrakt" erbaut — entlang der heutigen Stiftgasse. Gleichzeitig wurde auch im Bereich Stiftgasse / Siebensterngasse eine Reitschule errichtet. Diese Akademie wurde 1749 eröffnet, 1756 Maria Theresia unterstellt und 1776 mit der Theresianischen Akademie vereint.

Die von Georg Franz von Griener gestiftete Ingenieurakademie kehrte nach mehrmaligen Übersiedelungen wieder in das Chaos'sche Waisenhaus zurück, wo sie ihren Ausgang genommen hatte».

Да, это правильное решение — не переводить. Полтора абзаца, и в тексте стало явно больше Wien. Что до их содержания, то суть в том, что по ходу жизни вместо детей в их доме на этом месте возникла Инженерная академия, именовавшаяся по месту нахождения как Stiftskaserne. Между тем теперь со Штифтказармами связана небольшая топографическая тайна: если посмотреть на них со спутника — через Гугл, например, то середину этих казарм — да каких казарм, роскошного каре зданий теоретико-военного назначения — занимал громадный серый круг непонятого происхождения, да и назначение его тоже непонятно. Будто аккуратная круглая площадка в самой середине двора.

А это оказалась очередная, чуть ли не базовая башня венской ПВО Второй мировой — Gefechtsturm. Пояснение

от англоязычных: «Flak towers (German: Flaktürme) were large anti-aircraft gun blockhouses used by the Luftwaffe to prevent overflights of key areas in certain cities in World War II». Согласно описанию, «G-Tower (именно башня этого, G, типа стояла тут) were 43 × 43 × 54 m, usually armed with eight (four twin) 128 mm guns and thirty-two (eight quad) 20 mm guns».

Одна из них, та, что в сквере возле Мариахильф и похожа на удвоенного Микки-Мауса с какой стороны ни посмотри, уже упоминалась. Этак с восьмизэтажный дом, чисто из бетона, а по углам как бы уши — площадки для зениток. Таких Flaktürm'ов по городу разбросано шесть, разных модификаций. Их ставят парами — типа одна стреляет, а соседняя наводит или освещает. Таких пар, значит, три, и они более-менее захватывают в треугольник весь Первый округ с его Хофбургом, Штефаном и др. древностями. Не так, впрочем, чтобы обеспечить над Innenstadt'ом пирамидку безопасного воздуха, скорее — прикрывая северо-восточное направление. Одновременно башни служили и бомбоубежищами. Они, конечно, сохранились: разобрать и взорвать их невозможно — заодно весь центр разлетится. А если, скажем, резать их по чуть-чуть болгаркой, то Вена на годы погрузится в ежедневный визг. Наверное, если попробовать взорвать эту пару возле Мариахильф, то исчезли бы оба, 6-й и 7-й бецирки, а башни — остались бы, и это вряд ли преувеличение. Сложно думать на столь длинную перспективу, но масса и прочность этих штук явно не уступит египетским пирамидам. Так что срок их жизни выглядит соответственным. Разве что когда-нибудь придумают хозяйственную жидкость, которая растворяет бетон, но к тому времени они станут уже такими достопримечательностями, что мысль об их растворении и не возникнет.

Ну а раз уж их нельзя снести, то надо приспособить к делу. В той, что на Мариахильф, сделали аквариум. Как ис-

пользуют эту, в военном ведомстве, — непонятно, наверное напичкали какой-нибудь аппаратурой, она все же высокая. Две другие пары стоят в Arenberg Park и в Augarten'е. С одной из башен в Аугартене, она того же типа, что на Штифтгассе, как пишут, дело обстоит так: «G-Tower remains empty. The entire north-east and half of the east 20 mm gun platforms have been removed during 2007 including the connecting walkways due to deterioration. The tower itself has been reinforced with steel cables encircling the entire structure, 12 cables are located above the gun nests, 6 just below, and an additional 4 midway up the tower. The tower is home to thousands of pigeons which nest on every platform and opening. The west side of the structure is also used as a cellular communications tower». В общем, голуби все загадили, а как могло быть иначе.

Ну а эту башню тоже, наверное, откуда-нибудь можно увидеть. Но скорее только с какой-нибудь соседней крыши, очень уж она плотно застроена со всех сторон, а внутрь ведомства не войти, пусть и известно точное расположение («Generation 3 G-Tower is located within a military base of the Austrian Army. 48.201734°N 16.355853°E»).

К тому же военному комплексу относится церковь на углу Мариахильфштрассе, утром я уже проходил мимо нее. Ее вроде называют Шипцы, из-за формы шпиля. «Die Stiftskirche “Zum heiligen Kreuz” befindet sich in der Mariahilfer Straße 24 im 7. Wiener Gemeindebezirk Neubau, ist Bestandteil der Stiftskaserne und seit 1921 die römisch-katholische Garnisonkirche von Wien».

Тут я, почти случайно, решил выяснить, как, собственно, называется сама улица, на которой стоят все эти штифты. М-да, она называлась Stiftgasse. Мало того, с утра, выбирая маршрут, я это название уже учитывал, но ни с чем не соотнес. Разумеется, она была названа не в честь казарм и церкви, все восходило к исходному фонду фон Хаоса: «wurde 1862 nach dem Stiftungshaus des Hofkammerrates Johann Konrad Richthausen Freiherr von Chaos (1604—1663)

benannt. In seinem “Haus zur Erziehung armer Knaben” wurden meist Waisen aufgenommen. Später Rekonvalenszentenheim, dann Adeligenakademie, die sich zu der bedeutendsten Ingenieurakademie der Monarchie entwickelte. Heute steht an dieser Stelle die Stiftskaserne».

Вот, казалось бы, и ответ: если тут есть Штифтгассе, то вполне логично, что неподалеку может быть и Новая Штифтгассе. Однако между ними не было никакой связи: «Neustiftgasse, 1862 nach dem ehemaligen Vorort Neustift benannt, ursprünglich hieß der untere Teil Am Platzel, Herren-gasse, später auch Kapuzinergasse, der obere Teil hieß Auf dem Acker oder Auf dem Garten und Stadelgasse, dann bis 1862 Strohplatzl, Am Platzl und Stadlgasse. Die Neustiftgasse ist Namensgeberin des gleichnamigen, aus acht Zählsprengeln bestehenden Zählbezirks der amtlichen Statistik».

То есть Нойштифтгассе просто вела в Neustift am Walde. Хотя она и появилась в том же 1682 году, что и Штифтгассе, но ее штафт — на других основаниях. «Neustift am Walde war bis 1892 eine eigenständige Gemeinde und ist heute ein Stadtteil Wiens im 19. Wiener Gemeindebezirk Döbling sowie eine der 89 Wiener Katastralgemeinden». Мало того, «Der Name Neustift wurde bereits 1330 erstmals urkundlich erwähnt und stammt vermutlich — по всей вероятности — daher, dass nach dem Untergang des Ortes Chlainzings westlich davon eine neue Stiftung am Walde entstand».

Вот так все, стало быть, безо всякой лирики: одна рутинная необходимость, никаких карандашей, новых и старых неподалеку друг от друга. Вообще, так ведь всегда: лирические предположения замещают реальность. Наверное, с антропологической точки зрения это говорит о чем-то хорошем. Однако реальность сейчас уже так легко восстановима, что куда же теперь всякие милые домыслы? И какие еще нужны фикшны, когда все, действительно существовавшее, совершенно доступно, упаковано во всех своих ходах, последовательность которых живет любых сочиненных конструкций? Даже на этом неболь-

шом участке возле Neustiftgasse все так плотно, что любые домыслы в сравнении со вполне обычными отношениями, висящими над этим небольшим районом, были какой-то демоверсией, притом — непонятно чего именно. Незачем додумывать, раз уж что-то пришло в голову, то детали не-подалеку. И вот странно, что при первом взгляде на название Нойштифтгассе себя не выказал вполне знакомый Фонд Людвига, который тут за углом и который, разумеется, Stiftung Ludwig.

Да, а оттовагнер в 7-м округе тоже был, и чуть ли не самая главная из его бытовых построек, на Нойштифтгассе, 40. Его последний жилой дом, определяемый как венец его эволюции — от времен Ринга к Сецессии и далее. В данном случае имелось в виду, что тут он уже полностью снял фасадные противоречия между различными уровнями здания; они же — уровни жизни, различные для богатых офисов и бедных квартир. Дом я пока так и не видел, больше сказать нечего, но пишут, что в этом доме у него самого тоже была квартира. Собственно, у него было такое обыкновение: он всегда или часто покупал себе в очередном выстроенном им доме квартиру, переезжая в нее по окончании строительства. Вообще, литераторы живут точно так же. Они всегда находятся в своем последнем законченном опусе, строят — выходя оттуда на работу — следующий, а предыдущие почти и не помнят. То есть помнят, что были, но как там все устроено — уже нет. Будто они с ними и не возились по году или больше. Ну не все, некоторые.

Так что этот текст также является постройкой, в которой — до следующего текста — будет (да и предпочтет, как иначе) жить и его автор. Тут никаких установок, так оно само собой выходит: на свете всего так много, что всегда живешь в последнем, что для себя сформулировал, тем более — если это еще и записал.

Учитывая же инструментальную составляющую данного сочинения (все эти линейка, разрывы, окисление нечет-

ких субстанций, четкое без свойств исходное Ich), можно сказать, что эта постройка (то есть пишущийся, а для читателя — уже происходящий текст) стоит ровно на границе окисления и даже является его агентом: абзац прочитан — он затвердел. А ведь он бы мог быть каким-то другим. Кроме того, еще это машинка для обеспечения «проницаемости границы между эго и внешним миром» — согласно описанию характера проблем столетней давности в изложении уже упоминавшегося К.Э. Шорске («Fin-de-siècle Vienna: politics and culture»). Одна сторона еще там, другая — уже окислившаяся. Что там внутри и как они взаимодействуют? О, внутри именно то, что здесь записывается, а как будет записано — так и будут взаимодействовать. И вряд ли наоборот.

Так что тут — по окончании текста — какое-то время я буду находиться внутри. Практически там жить. Поэтому есть бытовые вопросы заполнения этого строения разными полезными фичами. Тут надо устроить свое личное пространство, перевезти в него что-то, что имеется на сегодня, а еще и то, что жаль выкинуть из прошлого. Его, такого, раньше не было. Это хорошо, но его надо немного обустроить. Лучше, конечно, новыми штуками.

Зиммеринг

Что ж, есть еще полдня: Simmering так Simmering, точнее — Газометры. Газометры — это реальные сооружения для газа, что ли он там как-то уплотненно хранился. Потом их перестали использовать, не так давно, в шестидесятых. Стояли бесхозные, почти как башни ПВО, но с ними обойтись проще: ибо меньше раза в четыре-пять, чем ПВО-башни круглой модели, да еще из кирпича, а не из бетона. Собственно, их-то никто сносить не собирался, тем более что стоят на отшибе, никому не мешают. Находятся, разумеется, на станции метро «Газометр». Поче-

му они называются «газометрами»? По-русски это скорее газгольдер. Но здесь это станция «Gasometer» линии U3. Причем свежая — ее открыли только в 2000-м. Тут, понятно, решили наконец превратить Газометры в социальное пространство.

Местность вокруг станции такая, какая и положена, чтобы на ней находились хранилища газа. Или даже не хранилища, а фабрика по его производству из угля. То есть тут где-то делали из угля «городской газ» — в смысле не природный, и хранили его в этих емкостях. Теперь тут почти пусто — ну, не считая самих башен. Рядом только новая застройка торгового свойства и вот эти штуковины, они стоят колонной от метро в глубину дальнейшей территории. Их четыре, и они не совсем уж круглые. То есть круглые, но — то ли из художественных соображений, то ли для надежности — сделаны ребристыми. В плане сверху выглядели бы как шестеренки, хотя и ленивые — со слабо выраженными зубцами. Зубцов, ребер на здании много, штук 60 наверное, а тогда уж для красоты и 64, скорее всего.

Первый из газометров — совсем публичное место: внутри все изъято, вдоль стен выстроены ярусы, там кафе и торговые точки. Светлое помещение, крыша стеклянная, эскалаторы на верхние ярусы. Так много стекла и отражающих поверхностей, что все сияет, будто еще утро. К первому сбоку прислонен изломанный в поясище стеклянный дом. Сбоку от шеренги газометров — плоский и никакой, хотя и ярко раскрашенный «Центр развлечений», почему-то по-английски, «Entertainmentcenter». Стеклянным переходом с ним соединен третий газометр. Точнее, переход втыкается между третьим и четвертым. Возле второго — подземный гараж, перед которым для привлечения клиентов стоит угловатый бело-красный кадиллак примерно 1960-х годов, если бы я в этом разобрался.

Остальные газометры выглядят замкнуто, общественные функции если и выполняют, то не очень публично. Парков-

ки под каждым из них, да, явно есть. Одна из них — у третьего, кажется — принадлежит Банку Австрии. Надо полагать, банк там что-то себе арендует — кто бы из клиентов стал ездить в эту, еще не слишком цивилизованную, даль.

Но местность улучшается, в процессе. Еще остались старый деревянный сарай и деревянный же забор справа от газометров, но там же уже стоит линия невысоких кривых домов: ну, из «пляшущих». Эти — прямые, в смысле — не изломанные, зато — наклонены, отклонены градусов в 30 от вертикали. Сколько в них этажей — не сказать, окна там разного размера и разбросаны по стенам хаотично. Невысокие, этажей в 4—5. Серо-салатного цвета. Да, газометры, конечно, краснокирпичные.

Местность зачем-то спешно доделывается: даже в субботу люди ползали по свежепривезенной земле, прикрепляя только что воткнутые саженцы деревьев к крупным круглым деревянным брусьям. Ослепительно светит солнце, и вполне черная земля тоже блестит под этим светом. Холодный ветер, солнце, пустота.

Что ж, доеду и до самого Зиммеринга. Три станции, выходишь, а и там те же пустота, солнце, ветер, саженцы деревьев, только они уже не прикручены к чуть наклоненным брусьям, а каждое стоит в центре пирамидки из трех брусьев: что ли в Зиммеринге ветер сильнее? Кажется, да. Впрочем, и деревья тут чуть уже крупнее.

Трамвайная остановка, эстакада, где-то тут пересадка на S-Bahn, а эстакада — какое-то шоссе. Часы — боже ж ты мой, всего лишь половина четвертого — а ведь с утра были уже и длинные рассуждения в пансионе, и Нашмаркт, и возвращение в пансион, и поездка к газометрам. Как это все умялось? Иду дальше — улица, явно главная и единственная из продольных в этом районе. Невысокая, дома то старые, то новые. В пять этажей только новые. А старые в один-два, не выше трех. Лавки, ра-

зумеется. Обычный для таких мест набор, всякие «Handy center Simmering», «UHREN-Juwelen», «Frisör», «Gözde Textil Damen-Herren-Kinder», «Textil-Diskont», «DanKüchen Studio», «Fahrräder» разными самодельными шрифтами. Не пригород, нормальная окраина с одной главной улицей, по которой ходят трамваи. Видимо — в сторону Центрального кладбища, если едут из центра.

Если от нее вбок, там уже умиротворенные кварталы. Примерно модерн, нефанатичный конструктивизм — хорошие, они бы совершенно умиротворяли, если бы именно вдоль них не дул ветер. Да, зелени еще нет (трава — не в счет), отчего тут все немного обостренней, чем полагалось бы для тихого комфорта. Но, конечно, нега тут вполне возможна, она даже и не очень дешевая. Несколько даже странно, что район этих поперечных улиц выглядит дорого, но местный торговый центр, лавки, да хоть кебабная ниже этой планки. Народ тут непонятный, не совсем австрийский. Вот курды, что ли, эти закутанные? Их резко много. Кебабная та же, с китайцем, который и по-английски никак, да и по-немецки плохо.

В чем тут был у меня вопрос? Можно ли тут жить? Конечно, тут жить можно, вполне неплохо. Пусто, главное — свободен от всего: ничего тут не давит и не наваливается, потому что тут нет никакого анамнеза, за вычетом усилившегося насморка и этой бесконечной слизи, для которой уже не хватает салфеток, так что приходится украдкой сморкаться так. А на боковых улицах жить бы просто замечательно. И название приятное, Зиммеринг-Симмеринг. Но в целом как-то непонятно. Да и то, жить уже можно где угодно, кажется. А в своем тексте так и лучше: строишь его как хочешь, и живи. Белые стены, бордовое плюшевое кресло и kein Problem переделать, если наскучит. Все свое, ничего лишнего.

Словом, тут была не так что какая-то другая Вена, но непривычная пока. Возможно, я просто устал за день, да простуда снова принялась действовать, даже тело ломало.

Надо ехать обратно, полежать в пансионе, а вечером пойти пить Rotwein куда-нибудь в округе. Вот, в сторону Ратуши, на Josefstädter Straße, в локал Блауенштайнера, он еще называется «Zur Stadt Paris». Там шумно, местные ходят туда курить, пить вино и играть в карты. Дымно, шумно — ну да, там у них курят сразу как войдешь, где стойка. Дальше, да, есть перегородка, за которой еще одно помещение. Там, наверное, где-нибудь возле фикуса прибита табличка с перечеркнутой сигаретой. Смысла, по правде, мало, потому что двери во второе помещение все время распахиваются, а уж возле стойки накурено так, что ой. Не может не просочиться. Отчужденные кельнер и официантка, строгие и без излишеств, но не аскетично-роковые, поскольку вокруг привычные дела. Держат дружелюбный нейтралитет. Это хорошая вечерняя перспектива.

Капча: Нойбау

Надо было возвращаться, чтобы немного полежать, а потом отправиться за едой. Впрочем, ее можно купить по дороге, в «Villa». Так что я возвращался несколько криво, выйдя из метро не на «Volkstheater'е», а проехав еще одну остановку до «Neubaugasse». Если идти домой оттуда, то там по дороге «Villa» есть. Купил всякую мелкую ерунду, повернул на Бурггассе, потом свернул в переулок, который должен был вывести на Нойштифтгассе, ровно к Августину. Можно было бы просто пройти по Бурггассе до Музеумштрассе, налево — и пансион, но захотелось рассмотреть Ульрихплац — с улиц ее не видно, она чуть в глубине квартала, будто в ямке. По пути выяснилось, что на Нойштифтгассе для этого выходить и не надо, имелся еще один, совсем короткий переулок, тут же выведший к церкви и площади.

Там все по-прежнему, лавки, как и год назад, не работают, обнаружилось граффити — из тех, которые по шабло-

ну: черный контурный чел кидает в мусорник крест — ну, как раз возле церкви. Рядом собака в окне, сеттер, черно-белый. Лавочные этажи по всему периметру отделаны коричневым деревом — крашенные; лавки не работают, да. Лестница к церкви перегорожена цепочкой с надписью, что ее переступить запрещается, надпись красивая: обычный венский шрифт черным по белому с тонкой красной рамочкой, но не по самому краю, а чуть отступив. Не красный, что ли алый — в общем, государственного цвета. На половине лестницы, ближе к церковным дверям, сидит какой-то дурацкий голубь, будто он там работает. Ну вот, осмотрел, пошел дальше.

На Нойштифтгассе, почти уже возле поворота к пансиону попала парадная: полутемная, но приоткрытая. Обычно она закрыта, как же было не зайти. И не зря: там сразу слева дверь квартиры, возле нее половик, а на нем лежит букет лилово-фиолетовых тюльпанов. Будто как к памятнику принесли или на могилу. Половичок серый, но тоже с цветочком. Красно-желтый цветок вроде астры и еще птичка сбоку. Птичка типа канарейки, но почему-то желто-красно-черная — решительно официально-германская, бывают ли такие на свете?

Но дело не в этом. Интересно же, кому на пол перед его квартирой возлагают цветы. Смотрю на табличку, она латунная, прямоугольная, на ней черными буквами: MUSIL. Прописными. Выше еще одна табличка — та просто запрещает расклеивать рекламу. Направо от квартиры выход в небольшой двор: садик — цветочные клумбы, садовый стол, пластиковые стулья. Цветы уже распустились. Стекло в парадном с травленным рисунком: полупрозрачный кавалер кое-что делает с чуть менее внятной дамой; ничего особо предосудительного для общественного места: полубнимает.

И вот что тут может быть за Музиль, которому на пол приносят цветы? Тот Музиль — судя по справочникам — в этом районе никогда не жил. Он жил примерно там же, где дом Витгентшейна, это, если от Бельведера, в сторону

канала: Rasumofskygasse, Ungargasse. Что же тогда за табличка и букет тюльпанов на полу? Случайно, почему нет? Узнать, конечно, не удастся, но в субботу, 28 марта 2009 года тюльпаны там лежали. Лиловые или фиолетовые, в полумраке разницы нет.

Что же, раз Музиль, то с этим фактом — коль скоро он возник по дороге — надо что-то сделать. Вообще, это его ощущение распада, с ним надо считаться, память следует поддерживать насильно. Потому что он, похоже, чувствовал, что с памятью не все в порядке, что-то ее совсем перестало поддерживать. Ничего, то есть, не поддерживает, она так и хочет раствориться. А тогда это уже отдельная культура, надо все записывать и постоянно перечитывать, инвентаризуя эту память в оформленном виде и закрывая обнаруженные прорехи. Примерно таким был его — и прочих венцев начала того века — икспириенс, в рамках которого он утверждал, что Вена — «кипящее сферическое тело, покоящееся в некоем сосуде», — неустойчивость конструкции очевидна. Здесь тоже не обошлось без отто-вагнера, фраза с очевидностью отсылает к зданию Сецессиона, белому массивному кубу, на голове которого — витая полусфера, в прошлом называемая горожанами золотой капустой. Вообще, золотых шаров у них полно: хоть на Сецессионе, хоть гладкий шар, вмурованный в стену Kunstforum'a, хоть на частной станции метро, построенной тем же Вагнером в Хитциге для императора (ближе к станции «Шёнбрунн») — вроде он даже ее использовал пару раз.

Словом, MUSIL получался как бы отдельным веществом, которое может быть где угодно. Где табличка, там и он. А после их страданий столетней давности случилась музеефикация, тренды не стали развиваться, зато красиво оформились и репродуцируются для масс, пусть и представляя место оригиналам. Но их, оригиналов, так много, что устанешь содержать имеющиеся, куда уж там лезть

дальше. А это угнетает, отчего здешние акционисты и захотели разрушить музейный код, но добились лишь его осуждения. Предъявив факт разрушения кода, они, в свою очередь, тоже музеефицировались и находятся теперь, как в саркофаге, где-то в подвалах музея Людвига, то есть просто в МУМОК'е, куда надо бы дойти, хотя бы завтра.

Если уж здешняя цивилизация вошла в музеефицирование, то тут уж ничего не поделать. Но тогда легко мог удвоиться и сам Музиль: вот, значит, и на Нойштифтгассе он тоже был. Почему, собственно, нет? Но чтобы до сих пор табличка с именем и цветы на полу? Вообще, уже много чего нельзя вспомнить, но вот этот тяжелый гул — узнаваемый по его определенной не так чтобы тяжести, но массивности, — именно он сопровождает все эти чувства. Не шум в ушах, тот, другой. А тут, что ли, в самом деле гул, гудение какого-то отсутствия, притом — раз уж гудит, как машина — отсутствия, происходящего постоянно. Почему, собственно, постоянно присутствующее отсутствие не должно себя воспроизводить?

Потом, ведь все, что помнишь, — оно именно что сопровождается этим гулом. Не так чтобы слышимым, но ощущаемым. И не так, что одно производит другое, шум — память или наоборот, просто все запоминается именно тогда, когда еще и ощущаешь этот гул. Ну а распад, это даже конструктивно: чуть больно отваливаются лишние чешуйки, а звук становится только четче, капча рассыхается по частям.

Но тогда эта музеефикация: капчу фиксируют, и она все определяет; как ежемесячный репертуар Венской оперы: раз в месяц непременно «Любовный напиток», «Парсифаль» и «Богема» — несколько раз, а еще обязательно «Риголетто» и Рихард Штраус. Моцарт, преимущественно в виде «Die Zauberflöte». Что в таких обстоятельствах помешает жить вечно? Но всегда прёт что-то, что заставляет обстоятельства ветшать. Какая-то масса, возможно — возрастное выбывание людей, которые в силу

схожего образования и просто возраста были подвержены именно этой капче, как стилю, наконец, и они поддерживали ее собой. И вот они выбывают, она начинает трескаться так, что и починить ее в точности нельзя, никто не помнит исходной схемы. Ее возможно лишь включить в новый контекст, и это целая работа по устройству преемственности, что ли. Здесь могут быть употреблены даже обломки, что уж говорить о вполне целых газометрах. Новый вариант зацепится за старую схему, но ее уже переиначит. Зато будет вроде как даже не музейным.

А я тут — в удачном положении: в Вене я социально чужой, даже деньги в форме евро не родные, в Риге на них пока не перешли, так что я не мог попасть тут ни в какие капчи и не имел шанса — даже при желании — повестись ни на что. Не на название же города, и даже не на Нойбау, как место временного жительства. Нельзя же прилипнуть к содержимому множества музеев и галерей и к тому же «Любовному напитку» в опере.

Одновременно здешняя жизнь не так уж отличалась от привычной, чтобы примерять на нее свои обстоятельства, прикидывая — как бы, кем бы я был тут? Меня, конечно, тут как раз фактически нет, а есть лишь три дня в пансионе: никаких многолетних затрат вроде медитаций и строгой дисциплины какой-то духовной жизни. Хороший вариант, экономный.

Притом что я, конечно, ощущаю свое влипание — уже и потому, что я здесь, и через свои чувства ко всему этому. По факту данного текста и рассуждений на эту тему, наконец. Но мне заметно то, что незаметно, например — как именно тебя захватывает этот город своими бытовыми и временными для тебя физиологическими отношениями, спасибо простуде. Да, все поверхностно, вскользь, не углубляясь, но мозг уже приводит какие-то свои параметры в соответствие с их значениями здесь — так в память вставляется, заменив/вытеснив предыдущий, новый код подъезда после смены жилья. На второй день я еще мог

глядеть на это со стороны: на то, как именно меня захватывает и уточняет до своей версии город; тратя время именно на наблюдение за этим процессом. Когда и где это еще возможно?

Я еще тут не укоренен, и к этому временному здешнему мне от какого-то неизвестного, но реального меня-as-is, как такового тянется прозрачная субстанция, тонкая, как растянутая жевательная резинка. Тянется и тянется откуда-то, как прозрачный человек бесформенного вида; по необходимости тянется к телу, все соединяя: это медиа и есть message, откуда-то выталкивающийся тебе в рот или пальцы. Неважно, как это на самом деле, но я вообразу себя так и смогу смотреть на все непредвзято. Потому что их городское вещество я с детства не ел, а за два дня оно хоть и накопилось, но в количестве, пригодном лишь для стороннего сочувствия и неполного понимания.

В Вене же — с ее стороны — какое-то такое вещество, которое физиологически модифицирует новоприбывших; в том случае, конечно, когда они согласны на этот акт (ну, не зажимаются) и если более-менее годятся ей по свойствам. Вещество это — не запах; газ не газ, влага не влага, не воздух даже, что-то отчужденно колющее. Не так что колющее, а как-то мелко покалывающее, и не так, как кактусы с мелким подшерстком, который своим колхозом и впивается. Нет, уколов много, но они отчетливо различимы и отдельные; каждый из них есть острое проникновение, боль проходит в момент укола — жало доставать не надо, и она, Вена, его тоже не вынимает. Как если бы ледяные иголки: укололи и тут же растаяли. Нет, все же присутствует и запах: слабый горький, не дыма, может быть, миндаля — едва выраженного, только его оттенок. Запах сопровождал не иголки, не укол, он возникает по факту переживания ощущения, и не после, а еще за секунду до него. В остальном же Вена для меня так и не пахла, она

была разве что немного злая: как я в моих личных обстоятельствах (ценностный вакуум), так и она в своих общественно-социальных. Будто у нас тут сейчас относительно схожий возраст.

Ее вещество было белесо-прозрачным, минимально липким. Вот, рассказывают, у катаров было такое свое — оставшееся неизвестным, конечно, — вещество, присутствие которого в их телах давало им возможность менять физиологию, обходиться без символики тайн и легко переносить сжигание на кострах. Не говоря уже о вегетарианстве и неверии в особый смысл семейной жизни, равно как и прочего здешнего ада. Вряд ли бы эта особенность освобождала их от переживаний на тему ценностного вакуума, но коль скоро такого вещества в организме уже много, то они могли воспринимать ситуацию как нормальную дисгармонию местного ада. Конечно, раз уж я с этим корреспондировал, то и сопрягал все подряд с самим собой. Собственно, с кем еще.

Но Вена, да, не пахла и не собиралась начинать: ни в каком из вариантов не пахла. Да, были пятна отдельных запахов в апреле, когда цветет всякое разное, но тоже — едва-едва. Именно пятнами, по локальной необходимости, но это не запах города в целом. Чуть-чуть запах побелки в метро на линиях 4 и 6, где эти бело-зеленые-золото-черные павильоны. Даже если там и не побелка, а краска — стены не особо пачкались, но они все равно выглядели как побеленные, откуда и призрак ее запаха. Иногда свежей сыростью пах дождь, но только пока еще падал вниз, а в виде луж уже не имел запаха. Ну да, может быть, мой запах совпадал с венским, но что именно совпадало? Запахи субстанций, или же субстанция вообще пахнет всюду одинаково, а именно в Вене у меня есть в нее дырка, вход?

Возможно, в этом и состояла моя тяга к этому странному месту — а как не странному, когда поведение города всегда было нелепо, и вообще, крах городского проекта: раз уж, опять же, их тут сейчас живет меньше, чем в начале XX века.

Но и обреченности длительного увядания тоже не было, несмотря на громадное количество заброшенных лавок. Вообще, если тут музеефикация и крах, а я ощущаю с этим городом сходство, то что же, мои дела обстоят так же? Тогда надо их улучшать, именно за его счет. Ему-то уж тогда все равно.

Но если подумать, то никакой Вены и не было, это такие просто всюду кольца, ребристые, полужидкие, сквозь которые проходит лента, шелковая, с резкими краями. И это кольцо — Вена, и следующее, а ты сквозь них проскальзываешь своей субстанцией, что — от легкого трения — дает чувство нематериального вожделения — то ли к городу, что абсурдно, то ли невесть к чему. Никакой такой особенной Вены не было, она была почти депрессивным местом с большим прошлым, которое как-то присутствовало, но она все равно оставалась вполне скучной и почти злой, не было тут ничего недосказанного.

Оно разве что подразумевалось и додумывалось; точнее — не имея оснований для додумывания, возвращалось к последней оформленной теме попадания чего-то в свою дырку, как если колеса шестеренок совпали и фактически слиплись; их зубцы неощутимы более, и теряешь свои внешние формы, а как не потерять, когда они уже влипли в окружение, странным образом при этом открыв щель в дальнейшую — не сказать, что непременно осмысленную, но иную деятельность: как проход между домами или дверь в стене — а там, за ней, тихо, пропали постоянные щелканье и повизгивание, внутри там спокойно и без зацеплений с чем бы то ни было; а потом уже знаешь, что эта тишина сделана почти неслышимым гулом, который и глушит в себе прочие звуки.

Тут как-то ранее медленно текшее время дернулось, и был уже некий литой тяжелый плотный вечерний ночной шар, который катался от темечка через рот в гортань и обратно: каменный, но не очень твердый. Похоже на катание на бывшем биме номер 1 кругами по Рингу по ча-

совой стрелке (я так никогда и не проехал на биме номер 2 по кругу против часовой — а теперь уже и не проеду, ведь их же отменили), или, наоборот, езда по Рингу похожа на катание этого шара, а тогда, если есть шар, при чем тут вообще трамвай? А, да, дождь, но можно выйти на «Шоттенторе» и пойти на U2, там под навесом в переходе много разных развлечений, даже книжная лавка, не говоря уже о кофейне, где на стене еще цены в шиллингах, видимо — протестуя против глобализации и хода времени, но сегодня не было никакого дождя, значит — шуршат машины под окном.

Дождь, Музейный квартал

Нет, вчера к ночи дождь действительно начинался. С утра он уже лил и, судя по лужам, делал это уже давно. У меня это был предпоследний, даже последний день в городе, в понедельник с утра надо ехать в аэропорт. Я не совсем верно разметил поездку, ее надо было сдвинуть на день раньше, все равно понедельник как рабочий день пропадет. В воскресенье потому что пусто всюду, даже не поесть без некоторых поисков работающей харчевни. Впрочем, я ничего и не рассчитывал, но тут еще и дождь. Конечно, музеи работали, полдня можно провести в Музейном квартале.

Музейный квартал — он и в самом деле квартал. Внешнее, старое здание, которое выходит на *Zweierlinie*, глядит в створ между историческим и художественным музеями. Раньше оно то ли было конюшнями, то ли на этом месте собирались строить торжественные конюшни, в порядке завершения тотального замысла архитектора Земпера под названием «Кайзерфорум»: музей слева, музей справа, вдали — Хофбург, к которому через Ринг перекидываются две арки — по одной от каждого музея. Не очень большие арки, ниже музеев. Но их так и не сделали. А с конюшня-

ми не знаю, то ли это уже они и есть, то ли их тоже не построили, а это было здание другого назначения. Ну, они любили лошадей и выездку, ощущая это имперским делом. Мне все равно заходить не с их стороны, а сбоку, через подворотню со стороны пансиона, всего-то перейти Бургассе и за угол.

Первый двор небольшой, как прихожая, а во втором обнаружилась экспозиция в виде трех дальнобойных грузовиков, с длинными прямоугольными корпусами. Двери этих контейнеров были распахнуты, а внутри они выкрашены в желтый, синий и красный цвета. Каждый из них был изнутри покрашен в свой цвет. Это было хорошо, потому что внутри них, во-первых, сухо, а дождь все льет. Вдобавок они ярко-цветные, а весь день серый, да еще и сам Музейный квартал серого и бежевого цветов.

Простуда все еще крутила голову, выпил кофе в кantine. Расписание выставок я заранее не смотрел, гляжу на плакаты. На том здании, которое конюшни, а теперь — Электрическая галерея, висит растяжка с надписью типа «Да здравствует город!». В самой Электрогалерее сложены всякие видео- и компьютерные арты. Все примерно одинаковые, но веселые.

Дворов в Квартале три, главный — средний. Там слева направо — Леопольд, Кунстхалле, Людвиг. В Леопольд, в общем, ходят один раз — там у них местные ценности, много Шиле. Наверху приятное кафе — приятное по посетителям и общей обстановке. В Людвиге, судя по плакату, пусто: анонсируется выставка «Bad Painting — good art», откроется только в начале июня. Впрочем, еще Джун Пайк. Еще у них там магазин ломографии со всякими дополнительными пустяками-штучками. Ломография — это история на тему случайного увлечения советскими фотоаппаратами ЛОМО, ленинградского оптико-механического. Сначала каким-то образом в Европу попали запасы не распроданных еще в СССР, а теперь, кажется, их копируют китайцы, и уже не дешево. Пойнт в том, что фотоап-

парат нельзя прогнозировать, не угадать, какой выйдет картинка, ну а это интересно. В лавке полно еще разной всячины, тут же в квартале есть и книжный. Не забыть про калейдоскопы, вот это о чем.

В Кунстхалле две выставки, «The Porn Identity» и «Fahrstuhl zum Schafott». Вторая — что ли про какие-то социально осознаваемые ужасы. В Кунстхалле я раньше не заходил, в мае 2008-го там было что-то про панков, не захотелось. А сейчас пошел.

Они в Кунстхалле какие-то неприветливые, каталог вообще чуть ли не прикручен цепочкой к вахте, где проверяют билеты. Хотя он не полиграфический, а просто несколько листов распечатки. «Лифт на эшафот», это несколько американцев, в той или иной мере, весьма условно ужасных. Одна американка приятная: в центре темного-темного помещения выставлены музыкальные инструменты для, примерно, джазового квартета, и эти инструменты фактически горят. Уже только обгорелые остовы и искусственные огоньки. Вообще, интрига тут простая (это уже не про американку, а про первое лицо данного текста, то есть — про меня самого в данный момент), она в превращении. Здесь он, я, — не более чем неопределенный комок слизи, смутно опознающий собственные интересы и пристрастия, резонирующий на все подряд случайным и сырым образом, но он должен превратиться по ходу дела во что-то внятное. Учитывая, что Вена — это место, где часто возникают разные монстры, есть основания рассчитывать на то, что удастся стать одним из таких венских, произведенных здесь монстров — раз уж есть внутренняя склонность к этому. Чему также благоприятствует место города в европейской культуре, прежде всего — его способность по сей день что-то такое излучать на тему кодов собственной культуры, меняющихся по ходу времени. Нервные такие коды.

Дальше несколько залов «The Porn Identity». Там много видео и всяких объектов — не то чтобы двусмысленных,

но предъявляющих некие сложные взаимоотношения, скорее — сконструированные, нежели логичные. В сумме, учитывая количество вполне теоретических смыслов, нагруженных в заглавную тематику, а также общую — весьма академическую — атмосферу, физиологические желания имели бы здесь детский характер, на уровне желания леденца: настолько все, связанное с порно, ушло за пределы собственно процесса, предлагая совершенно вроде бы отчужденные от него смыслы. Тело и его пути к судорогам были не то что совсем уж условными, но — не более чем компромиссом для предъявления задействуемых тут отношений, совершенно не относящихся к прямой физиологии.

Само желание было вне смыслов, оно выглядело избыточно антропоморфным: не более чем накопление либидо, требующего для своей разрядки определенных социально-материальных обстоятельств. Примерно по той же схеме, как после еды в организме накапливаются отходы. Словом, возникновение и наличие вождений — ладно, не как отходов, а как сил после еды — было интересно с точки зрения не то что не порнографических, но и вообще не телесно-чувственных отношений. Людей в залах было много, и, хотя видеоряд во всех многочисленных телевизорах был вполне конкретным, не возникало никакого ощущения присутствия на чем-то хотя бы отдаленно интимном. Все было решительно бесчеловечным. Странно, при таком количестве телевизоров, предъявляющих физическую конкретность в небольшом разнообразии вариантов процесса. Локальная бесчеловечность совершенно отвечала тут реальности, и даже непонятно, как может быть иначе. Народ отчетливо соотносился с возможностью отделить свои тушки от себя и, ergo, восходил к отношениям, позволяющим манипулировать собственной тушкой в зависимости от того, на что хочешь ее употребить сегодня. Конечно, так и достигалась цель проекта: соответствующая идентификация.

О чем думал я, глядя на бесхитростные объекты выставки и на экраны телевизоров, где, напротив, происходили простые движения, пусть и вводившие в дополнительный контекст? О том, что куда ни помотришь — повсюду ассоциативные связи и богатейшая Культурная память. Причем явно же все обнулилось, обнулялось и обнуляется. Как так возможно? Что же тогда обнулилось и продолжает обнуляться? Да, никакие артефакты прошлого уже не то что не будоражат, а просто не нужны ни для чего, хотя и приятно, что есть на свете. То есть они сейчас не нужны конкретно, а в сумме своего прошедшего времени совершенно, конечно, обязательны. Но только уже не будоражат, как не будоражит по прямому назначению многообразное порно. Впрочем, с артефактами прошлого проще, они слишком привычны и обычно не вкручиваются во что-нибудь еще. То есть можно к ним так относиться, но это уже не их история. А почему не будоражило это порно — то, во-первых, сами эти мысли. Во-вторых, простуда. Ну и в-третьих, тема вождления переключилась на другие объекты и связи. Чересчур социальными эти связи выстраивались потому что. Даже преувеличенно социальными.

Вот та же Вена, как уррег-средний европейский город со своим бытовым слоем — в той или иной мере доступным, со своими улицами, кафе, магазинами. До появления ощущения, что ты ею обладаешь, еще присутствует определенное желание, в какой-то мере дорисовывающее ее возможности и проявляющее себя в некотором возбуждении, которое сказывается в чуть более торопливом, чем надо, перемещении по ее территории. К тому же по местам, которые совершенно необязательны для человека, там живущего. В любом случае сумма этих маршрутов для него давно невозможна, он избирательнее. А потом каким-то образом обладание произошло, и она, Вена, стала не так чтобы бессмысленной и ненужной, но уже не вызывает вождления. Оно пройдет, видна будет всякая дрянь по

углам, хмурые прохожие и нелепые персонажи. Конечно, там появится что-то еще, что обеспечит следующее вождение, но уже не к телу города как таковому; к чему-то, что там еще есть. Оно появится, но уже как вождение лица, для которого исходное обладание состоялось. Он в ней уже какой-то свой. *Eigentlich*, собственно, похоже, что со мной это уже произошло. Вот, может, только что, между переходом через Бурггассе и до того, как вошел в подворотню MQ.

Конечно, моменты острых воспоминаний связаны с ощущением все той же субстанции — в обстоятельствах, которые сами по себе не важны, они лишь точка привязки. Как в случае с порновыставкой и, похоже, с ощущениями ее посетителей. Они здесь к чему-то привязывались, но тушка тут вообще ни при чем, человек вспоминает обстоятельства своего тела, только выйдя за его пределы. В идеале должен получиться этакий прозрачный человек, условная и несуществующая позиция — очень конструктивная: предполагающая присутствие у себя под боком глупой сырой тушки, да еще и социализированной. Ну и себя самого, зачем-то оказавшегося тут. Чисто прозрачная субстанция в моменте косвенного — возникшего не по своей воле — контакта точки с тушкой.

Так что извлеченные из быта секс и вождение регулируются уже не личной физиологией, а чуть ли не субстанционально, личные истории тут провисают. Получается даже какая-то отрывная абонементная штука — отдельные куски, отрываемые от чего-то в себе и отправляемые в качестве оплаты за пребывание тут, и все хорошо: мы в расчете. Это как расплачиваться деньгами, которые сам же и рисуешь в блокноте: но что делать тем, у кого нет блокнота, кто не знает, что так можно расплачиваться? А тот, кто знает, он так и поступает, используя эту возобновляемую штуку на то, чтобы оплачивать отрываемыми записочками очередные вождения. Не для того даже, чтобы опять чем-то обладать; не затем, чтобы рассчитывать на

транзакцию с новым предметом вожделения, а чтобы — еще недоделанный — контакт как-то прошил позвоночник и тело вместе с головой встали ровно. Так что это правильная выставка, хотя, выйдя на двор, уже не вспомнить ни одной работы.

Далее Людвиг, в котором теперь было полупусто, только Нам Джун Пайк, который всегда приятен, особенно тем, что он никогда не заморачивался перекидывать в сохранности собственное наличие через всякие тут агрессивные-банальные среды. Что более-менее предполагает понимание процесса. Его, кажется, вовсе не волновала лично его точка в мире, а он сразу предъявлял очередные порции своего небытия, то есть — личного отсутствия в любой форме конкретного предъявления Нам Джун Пайка. Ну, все эти покорябанные и разнообразно украшенные пианино, листки из блокнота — целый зал только с листками из блокнота, на которых что-то — совершенно неважно, что именно. В сравнении с порноидентичностью тут полное легкомыслие и готовность на связь с чем угодно, заранее ошущая удовольствие от любой такой связи.

И это все, что было в Людвиге. В 2008-м — не так, внизу был этаж Fluxus'a, флюксуса, из которого — с некоторыми добавлениями по конкретному поводу — и сделали теперь Пайка, а еще ниже, в самом низу, венские акционисты. Надо полагать, и те и другие сейчас тоже тут, это же MUMOKовские активы, так что они где-то в еще более глубоком подземелье, как до сих пор опасное подсолзание города. В зафиксированном, репортажно-документированном варианте. Не так чтобы совсем уж живые, но все равно как вирус.

К флюксусу же у меня отношение почти родное. То ли через польские журналы 1980-х, то ли еще почему-то, но я его знаю давно. Его люди мне симпатичнее акционистов, потому что флюксус выдумывал все время что-то сбоку, легкомысленно, вот как Пайк, не обращая внимания на

промежуточные среды между собой и своими опусами, а также — между опусами и социумом. А акционисты, наоборот, очень основательные или почему-то ощутившие себя настолько материальными, что им бы лишь все вокруг себя — и себя тоже — резать и деструктурировать.

Флюксус считает, что мы вот тут каждый — примерно маленькая бесплотная птичка, которая летает сбоку и сверху от всего этого безобразия; да и неважно, что это, наверное, безобразие. Мы его и дополним по уму, летая тут сверху и сбоку. Такая бесплотная птичка, что уже никакая даже не птичка, потому что и на головы не гадит. Акционисты, те наоборот, им надо выбраться из-под тела, вылезти из него, они по-другому не могут: истязают себя и царапают, бьются головой и конкретно гадят. Ходят на четвереньках по всяким животным кишкам — лишь бы все это попать и избавиться от всей этой материи, плоти, ее желаний и выросших схем. Говорят, они даже когда-то подрались — флюксус с акционистами. Это было бы правильно, потому что тут же богословский спор: «ты — вот это, типа птичка» у флюксуса и «ты — не это, не это и еще вот не это, вот-вот не это конкретно» — у акционистов, чья апофатика в данном случае выглядит избыточно трудоемкой и экстатической. Казалось бы, что проще, чем от чего-то отказаться? Нет, им сложно и требует физических затрат. А флюксус — раздолбай, у них все просто. Это тут не художественная критика, такими они являются для меня сейчас и в тексте; *in diesem Ort*.

Вообще этот нижний, акционистский этаж 2008 года следовало бы тогда же залить бетоном, как саркофаг, — они бы там все равно были, и ничего: ну что там, слайдшоу с акций, что ли, разглядывать? Сами акции на видео, может, и крутят, но я в тот раз не приглядывался, они у меня и так есть. А остальное — документация. «VALIE EXPORT» — лохматая еще и молодая в разрезанных в паху джинсах на голое тело. Человек весь в белом, разре-

занный — как бы и сшитый затем черным, идущий через улицу. Всякое такое.

Может, их всех и душило — в отличие от флюкса — именно Веной. В каком-то из отделений что-то накапливалось: набирая количество, которое по достижении определенной плотности должно будет реализовать себя, найдя для этого некоторое желание. То ли повернув калейдоскоп, чтобы обстоятельства изменили свое взаиморасположение, — тогда бы даже и не надо наружу, но оно фактически душило, и его постоянно приходилось резать и отрезать.

Или это здесь все те же ценностная деградация, вакуум и т.п. Обнуление ситуации в этом городе происходит постоянно, что в начале того века, что в шестидесятых, — только в другом варианте; что Вена за город в шестидесятые? Фактически дохлый, едва после частичной оккупации и уж точно без былого влияния, музеефицирующийся, а что еще делать? Вот они и ходили по кишкам, испражнялись, били друг друга до крови, резались как флагелланты. Что-то на тему Леды и лебедя, где лебедь кого-то насильно трахает внутрь женщины. Или нет, сначала она его просто тискает, а потом ему отрывают голову в основании шеи и уже отдельно вставляют ее ей внутрь. То, что шею отрубают, это точно. Кишки, жидкая грязь, прочие выделения. Паршиков тут сильнее. Он, когда умирал, писал так: «Ис-тошной чистоты диагностические агрегаты расставлены, и неведение измеримо. Плиточник-рак, идущий неровным ромбом и загребая раствор, облицовывает проплывающих мимо». Ну, был бы в этом шанс, может, и он стал бы себя резать. Впрочем, не знаю, помогла эта процедура венцам или нет. Вроде да.

Понять можно: как им было не завидовать ценностному вакууму и множественности распада начала того века? Потом-то все сделалось замкнутым и локальным, национальным, а не глобальным, упаковалось и продолжало упаковываться — рак, по сути. Странно, когда был ценно-

стный вакуум, то город был общемировым, а когда вакуум куда-то делся и началась музеефикация, тут же сделался провинциальным. Хотя бы тот же ни в чем не повинный Августин в виде прагматического фонтана для воды из горных источников, доставленных в город бургомистром Луэгером, данный монумент и открывшим. Крестьянский вид явно был сделан на тему народности как вечной ценности, когда эту народность решили сделать таковой — на предмет укрепления связи Народа и Императора в обход космополитов с их вакуумом. Бетонный Августин не имел отношения к автору песенки, но песенка оказалась еще более дальновидной: чума — даже зафиксированная в бетоне — какие-то свои качества сохраняет. Может, она и сделалась раком, который шел и музеефицировал город со всей его памятью. Так что если все равно скоро придется окончательно умирать, почему бы не попробовать разрезать себя и вытащить оттуда себя другого? Наивные времена, но что делать, если их так приперло? Но и я здесь поступаю, как они, а что поделаешь.

С ними обошлось, не помирать же им было на своих акциях. Впрочем, как понять: обошлось или нет? Скажем, нашлась заметка: «Am 24. Mai 2007 wird im neuen Museumszentrum Mistelbach (MZM) in Niederösterreich das Hermann-Nitsch-Museum, das flächenmäßig größte monografische Museum in Österreich, eröffnet». Копоче, у Нитша, одного из акционистов, уже и свой музей, вот адрес: Waldstraße 44-46, Mistelbach, Niederösterreich; Tel. 0043-(0)2572-20719. Небольшой североавстрийский город, там у них музейный центр и — вот с 2007-го — отдельное место для Нитша. Как расценить музеефицирование демузеефикаторов? Почему нет, но мне как-то Нитш не нравится, я и злословлю. А почему не нравится — и не знаю. Очень уж он расплылся, что ли. Нашел в YouTube, как 21.07.2008 он появился на телешоу ORF «Hermann Nitsch bei Wir sind Kaiser» — квадратный, седой, усы и раскидистая борода седые. Хриплый низкий голос, а то и утробно

бормочет. В общем, Саваоф, хотя для акциониста это, пожалуй, неплохое завершение карьеры. А что до шоу, так это пара кабаретистов изобрела сериал, точнее — придумала формат. По легенде, они отыскиали в захолустной пивной очень пьяного парня, в котором — одновременно и по вдохновению — опознали тайного императора Австрии. В общем, убедили его в этом и теперь делают ток-шоу на ORF, где император по-всякому задирается с приглашенными гостями. Это весело, легко найти по «Wir sind Kaiser».

Им вот что надо было сделать: вернуть себе ощущение венского ценностного вакуума. Потому что, впад в государственное ничтожество после двух мировых, они как-то слишком заросли мясом. Надо было обнулить пространство. Пустота — и вот он снова, ценностный вакуум: будто оказался ночью в каком-нибудь незнакомом районе неизвестного города. Но это теперь с обнулением хорошо, а 1960-е, они же такие романтичные, и еще живы почти все ценности и люди, которые помнят эти ценности и даже продолжают их ощущать как ценности. А ну как обойдется, все вылечится и станет как прежде?

Так что в городе были две тенденции: памятники и их отсутствие в виде то ли чумы, то ли рака. Музейные кварталы и пустые кварталы. Все обнуляется, и это неплохо. Цитаты обнуляются, и это хорошо, вечное их повторение, это как все новые слои масляной краски, которой покрашено уже и не разобрать что именно. А так — хоть и пусто, зато какой-то воздух, и можно соотноситься с самим собой заново на новой — любой пустой земле. Вообще, лучше бы «Спейс инвэйдерс» Зиммеринг пометили, чем Нойбау, в самом-то деле. Надо же вовлекать в процесс места отдаленные и безвидные, которым не угрожает музейность.

А вот Паршиков добрался даже до такого: «...Вошли в резонанс с пустыней акупунктурные точки, с ними вошли

в резонанс черви, личинки, жуки, одержимые скалы, издёрганные комочки, зубчатый профиль буквы, написанной от руки. Тела их теряли фрагменты, и разбрелись потери тихо по атласу мира, что случайно раскрыт на климатических зонах, где разобщенные звери высятся на рельефах — живущий и вымерший вид. Так на дороге у камня раскинулись как попало: полулежа и навзничь, и упавшие ниц. Дерево, ткани и кожи, керамика и металлы в ожидании склеивающих, собирательных линз».

Предлагая восстановить из разрозненных окислов никак не меньше, чем весь Нашмаркт с прилегающими районами и рекой Вена. Это бы был вывернутый город Вена — который бы противоречил махистам и Гофмансталю с его «я», рассыпавшимся на крошки.

Альтернативные относительно вечных ценностей варианты не то что уже собирались вместе, но предполагали такую возможность — пусть даже она и не будет реализована. Это как все то же кресло в пустой белой комнате кватриры, которую бы неплохо купить, да не получится, — сидеть бы в нем, как вися в личном и тихом дирижабле, вполне миролюбиво от нечего делать собирая свою жизнь с некоторой высоты. Или, что ли, имея на уме окружить воспоминаниями свою неповторимую субстанциональную слизь, подсушивая ее известными — потому и известными, что их вспомнил, сидя в малиновом кресле, — крошками собственной жизни.

Когда спешить некуда, то приятно думать о том, как все собрать обратно, и в какой точке, и где она должна располагаться. То есть она, разумеется, тут, в малиновом кресле среди белых стен, но где же стоит это кресло: до линии окисления, на ней или уже дальше, или же такое занятие станет отодвигать стену окисления все дальше, пока наконец она не доберется до тебя самого, здесь отсутствующего, и тогда что-то произойдет уже окончательно. Неужели и сама эта точка, собиравшая все вокруг себя, влипнет в него же: неокислившийся «ты» собирает из собственных окислов себя же: то ли для удобства жизни здесь,

то ли сдуру — потому что сам стогрит или зацементируется в собранном.

Ну чисто тот же Арчимбольдо. Похоже, единственный вариант сводился к методу Пайка или «Спейс инвэйдеров» — метить значками себя как невидимую суть в произвольных местах. Узнает кто, не узнает — неважно. Вот только зря они кафельными плитками.

Да, инвэйдеры в Музейном квартале были, внутри Электрической галереи, под сводами — красно-белый инвэйдер с голубыми квадратными глазами и черными зрачками. И вот только выйдя из Квартала, я вспомнил, что так и не поискал калейдоскоп — не зайдя ни в ломографию, ни в книжный. Теперь уже до следующего раза.

Мокрый день

День был мокрый, совершенно мокрый. Я вышел из MQ, а дождь даже усилился. Что было делать? Какой-то план накануне я все же составил, он состоял в том, что надо бы сходить в район, который за церковью на площади Фрейда. Не слева, где вполне знакомая Alser Straße с университетскими дворами, а справа — по Währinger. Там, пишут, есть какая-то чудесная «штрудель-лестница»; имелось в виду, что она не прямая, а закручивает пешехода градусов на 360. Там же, но левее есть медицинский объект, башня лунатиков или дураков, то есть просто душевнобольных. Проще всего было пойти по прямой мимо пансиона, мимо ратуши, к университету, свернуть там именно что на Альзерштрассе, чуть пройти, перейти на другую сторону и через дворы Campus'a (он так и назывался на плане, на доске объявлений, где вход во двор) выйти к Narrengrub'у, к Башне дураков.

Дождь тут слегка уменьшился, сквозь него даже почти просвечивало солнце, а Башня дураков оказалась почти газометром — и круглая в плане, и той же примерно вы-

соты, ну две трети от них. Только не ребристая, а гладкая. Чуть дальше была какая-то уже клиника, но снова полил дождь, кругом было совершенно пусто и чисто. Но объект, да, был осмотрен. Внутри, а там музей патологоанатомии, было неохота, хотя он вроде и открыт.

Чтобы вести себя и дальше добросовестным туристом и идти осматривать лестницу, можно было не возвращаться, а спуститься в сторону Sensengasse, пройти метров двести до Вэрингер, перейти ее и свернуть налево. Совершенно пустая Währinger Straße, почти никаких автомобилей — ну да, воскресенье. Редкие трамваи. По дороге возле одного из подъездов выставлена кучка старья — если вдруг кому понадобится: настольная лампа с абажуром из белой с бежевой каймой ткани в сборку и три картины. Первая изображала улицу небольшого города или венской окраины, на второй из-за рамы первой тянул голову белый гусак, а третья была совсем сзади и высывалась из-за гусака лишь часть серого паспарту. Дальше следовало повернуть еще раз, направо. Тут приятный район, а вот лестница оказалась как лестница, к тому же ремонтировалась и по этому поводу была частично вымощена фанерой. Зато там было куда больше 360 градусов поворота туда-сюда в сумме, развернуться пришлось раза четыре, всякий раз меняя направление спуска: налево-направо-налево-направо. Кажется, это дает уже 720°. Прямо под лестницей был виден дворец Лихтенштайна, туда не хотелось.

Но сбоку там тоже ходили трамваи, удачно подошел какой-то, все равно — забрался в него, просто немного обсохнуть, но практически сразу за окном возник вокзал Франца-Йозефа, и тут нельзя было не выйти. Дело в том, что я мимо него проезжал два раза, когда год назад от нечего делать ездил вечером смотреть, что такое Нюсдорф. Нюсдорф-то как Нюсдорф, а вот этот вокзал в темноте показался большим строением, вокруг которого существует интенсивная местная жизнь. Нет, местной жизни тут не было никакой, а все та же дождливая пустота воскресенья,

но и сам вокзал оказался минимальным — из двух платформ. Куда уж они оттуда ездили, и не знаю. Потом, конечно, я выясню: «Seitdem Schnellzüge nicht mehr vom Franz-Josefs-Bahnhof aus geführt werden, ist der Bahnhof nur noch von regionaler Bedeutung. Von diesem Bahnhof aus fahren nahezu ausschließlich Regionalzüge in die Regionen nordwestlich von Wien und ins Waldviertel. Er ist der Endpunkt der S-Bahnlinie S40 nach Tulln, Krems und St. Pölten. Durch die Errichtung des S- und U-Bahnknotens Spittelau nur etwa 600 Meter weiter nördlich im Jahr 1996, wurde der Bahnhof als Pendler- und Regionalbahnhof weiter abgewertet».

В общем, сначала с него убрали скоростные поезда, он стал региональным, а потом еще и часть региональных маршрутов перевели в Spittelau, неподалеку, и вокзал уже вовсе сходил на нет. Здание кое-как использовалось, очень маленький вокзал, в его прихожей была забегаловка, но, похоже, по случаю воскресенья горячего там не было, а выяснять лень, потому что буфетчица сама пила пиво с каким-то завсегдаем — не отвлекать же. Тем более что и пара других посетителей тоже не ела, а занималась пивом.

Примерно сориентировался и пошел в сторону ближайшей станции метро. Она оказалась неподалеку от вокзала и называлась «Friedensbrücke», о ней я раньше не имел никакого представления. То ли мост умиротворения, то ли мост мира. Традиционная, бело-зеленая. Только она была прекрасной: там все время пусто — нету никого. Ну то есть я постоял под навесом у входа, выкурил сигарету: никого. Никто в нее не зашел, никто не вышел. В Вене вообще не предусмотрены ни билетные кассы, ни смотрительницы на турникетах — турникетов там нет. Там есть лавки «Tabak» на входе или внутри, билеты они тоже продают, но здесь в воскресенье не работала, и станция действовала в полной пустоте. Горит белый круглый шар над темно-зелеными входными дверями, в стекле дверей шар отражается уже желтым. Внутри черно-белая плитка на полу: шашечками и полосами. Зеленые двери в боковых стенах, пара окон в

стене. Рельефные чугунные колонны. Не толстые, покрашены еще более темным зеленым цветом. Под потолком еще два светящихся бело-желтых шара. Гнутые турникеты — то есть не турникеты, а гнутые трубы, между которыми и проходят. Лестница и — слева у стены — один эскалатор на подъем. Возле него красный стоп-кран — единственная тут штука, которая не зеленая, не черная и не белая. А нет, еще компостеры билетов темно-синие — те коробки, в которые суют билеты, чтобы проштамповать время. Плюс они светятся точечными зелеными огоньками, по два на каждый. Дальше уже лестница, ведущая вниз, на платформу. Помещение станции в сумраке, лестница уже сияет белым, потому что там окна и светло. Лучшего перехода на тот свет не придумать. И да, совершенно, пусто. Потому что эта проходная туда не так чтобы лично для тебя, но для семи-восьми человек в сутки, чтобы все было логично, учитывая, какой процент людей интересуется тобой и наоборот. Должны же нам обустроить хотя бы такую отдельную опцию?

Сбоку течет канал, его видно сквозь окна лестницы. Какой-то очень бурный, оживился весной, потому что снег в горах тает, что ли. Словом, у меня тут почти встреча своего отсутствия в Вене с появлением в ней. Как-то это в пустоте «Friedensbrücke» фиксировалось, догружая мозг еще каким-то горбом. Ну, или позвоночник утолщали здешние виды. Что-то добавилось, несомненно. Граммов на сто, сто двадцать.

Но теперь воскресенье, проблема с едой — по дороге было закрыто совершенно все. Впрочем, на соседней, кажется, станции было довольно оживленно, там какой-то пересадочный узел. Значит, еда там должна быть. Доехал и — да, она там есть. Пиццерия хоть и закрывалась, но мне достался последний кусок пиццы и чай. Вот же погода: мало того, что эта станция выходит на какую-то заводскую трубу, разукрашенную а-ля Хундертвассер, так рядом с пиццерией еще и двери на улицу в сторону трубы, а ветер уже

повалил все стулья на террасе и гнал теперь воду через дверь внутрь помещения. Люди изредка выходили через эту дверь и обреченно шли в сторону трубы — похоже, где-то там пересадка на S-бан, станция и была тем самым Spittelau, которое отобрало маршруты и пассажиров у Franz-Josefs-Bahnhof'a. Им там метров сто идти, не меньше.

Между тем надо заканчивать эту mission: с утра в аэропорт, а сегодня идти больше некуда, разве что в кино — но уж лучше вернуться к университету, доехав до Шоттентора, вдруг там будет работать какая-нибудь кофейня. Потом еще на Вестбанхоф в мини-маркет за едой, но это уже только бытовая необходимость.

Schottentor

Почему-то выход на Schottentor для меня всегда оказывается зоной какого-то личного, совершенно необъяснимого счастья, почти счастья. Это пересадка с U2 на трамваи. От трамвайной остановки чуть поодаль виден собор в парке Фрейда — тот, что с прозрачными двумя башнями, малоиспользуемый. В переходе много всяких лавок — кофейни, какая-то японская еда, булочная, цветочные. Есть даже магазин «Kuppitsch», в котором продают ценные книги издательства «Suhrkamp», серийные, карманные и шуплые — явно для студентов университета, он же рядом. Беньямина, например, за 3.90 евро против исходных 7.80; на обресе вручную штампом оттиснуто «Mängelexemplar», как и на всех прочих продающихся там цуркамповских. Ну, с дефектом. А в кофейне, которая показывает еще и декоративные цены в шиллингах, можно курить. Да, в Вене надо заказывать не эспрессо, а браунер. Kleiner Brauner. Но теперь, в воскресенье, это кафе не работало, тут вообще ничего сейчас не работало. Только одна, совсем уж будто уличная стойка с жидким кофе и чаем из пакетиков с лежалой сдобой.

Сквознячное место, а почему-то легкое, будто оно заставляет шевелиться неведомые шерстинки, находящиеся в неизвестной части организма. От этого делается приятно, но они же не будут шевелиться вечно, даже тут, в этом месте, где они шевелятся пока по неизвестной причине. Должна быть основательность: раз уж я в этом городе, то в нем должна быть своя коробка бирюлек, которые по своему копошатся внутри меня, заставляя своим шевелением ощущать разные желания — в той или иной степени реализуемые здесь. Или не реализуемые, хватит только ощутить их наличие. Иначе-то как в городе жить, именно в этом? Иначе получится, что все равно где, а это глупо. Но тут — пусто. Рассчитывал на что-то, а все закрыто, потому что выходной. И нет никакого частного, личного резерва для того, чтобы прожить это воскресенье. Тут сегодня пусто и неуютно. И никакой радости.

Но если здесь уже скучный город, то, значит, вписался и началась уже личная жизнь, а она хочет и требует привязок — потому что нельзя же постоянно быть сырой субстанцией, равно ощущающей себя повсюду. Надо как-то согласовывать и всю свою остальную длину. Понятно, со своими неповторимым существованием и субстанцией не пропадешь нигде, но надо же дать в себе место и чужому — которое тоже окажется тобой. Ну да, любые персональные изменения могут быть как очень маленькими, так и очень большими, но все равно получаются маленькими. В энтузиазме-трансе-эйфории можно сделать много чего, а потом все равно окажешься в своей пустой комнате, и что ты будешь там делать? Не ежедневный же Нам Джун Пайк или те же «Спейс инвэйдерсы», стен комнаты не хватит на ежедневные пиктограммы.

Как понять: это ты просветлил чувства настолько, что отсутствуешь уже почти всегда, или так обнулились — в сравнении с разнообразием личных ресурсов — окрестности, что и присутствовать-то уже негде и незачем? Зато отсутствие не мешает возникнуть другому отсутствию, и они

непрерывно свяжут себя с чем-нибудь — хоть со своим звуком; любое из них может быть выбрано за основу жизни. Ну вот да, зайчики, уточки, лягушки — желтые, зеленые, лиловые; пластмассовые.

Но как тогда их удержать в одной системе, какой для этого нужен еще волшебный элемент, как настроить такой механизм? За счет чего такая система всякий раз ненадолго возникала в Вене, всякий раз — при очевидном участии города? Все было бы решено, если постоянно удерживать границу своего окаменения. Но как это возможно, когда все, что находилось до границы, окисляется при ее переходе и сгорает, превращаясь — например, как здесь — в последовательность слов из черных букв?

Даже не так, удерживать эту границу означает все время быть настороже: то ли в сумерках, то ли между сном и явью. Хватило бы и возможности ощущать скольжение возле той точки, у которой нет свойств — их нет возле нее: свойства возникнут там, где приходится быть проще. Возле этой точки обязано быть трение — от всей этой нарастающей массы — вокруг нее как шарнира; ergo — оно должно чем-то сниматься. То есть если ощутил сырую неопределенность, то уже почти по ту сторону.

А вот же в чем тайна Шоттентора: вроде бы обычный переход, как в метро или под площадью. Ходят туда, сюда. Ларьки, кафе, лавки, магазины, булочные, еще какая-то ерунда, все обычное. Одна дырка к Вэрингерштрассе, и заодно там вход в U2, вторая — на внутреннюю сторону Ринга, где Биржа и т.п., третья дырка — на его внешнюю сторону, к университету. Еще тут пересадочная точка, трамваи постоянно подъезжают к остановке, отправляясь далее в сторону Вэрингер. Но если посмотреть в сторону трамвайной остановки, когда она пуста, то все это оказывается, оказалось не подземельем: за остановкой у перехода нет крыши, там — открытое пространство.

Там трава на площадке внутри поворотного трамвайного круга, а дальше торчат сдвоенные шпили Votivkirche.

Видны не целиком, только их основания, а остальное срезается потолком перехода. Наверху слева университет, к Гюртелю уходит Альзерштрассе. К тому же Гюртелю, но справа, ведет Вэрингер, по обеим недавно ходил. Они тут ни при чем, просто — вот эта открывшаяся, открытая граница, где виден воздух. Это воскресенье, конечно: обычно этого пространства и не увидишь — трамваи подходят один за другим, люди идут толпой, а круглая дыра в потолке не видна. Ну как не видна, видишь ее, проходя мимо, но в таком варианте она заметна лишь формально, сбоку.

Вот теперь в самом деле ровно на границе окисла — в потолке, в стене дырка. Но стоишь тут, и что? Всё про всё сразу не поймешь, а что поймешь — между собой не свяжешь. Потому что тут, когда пусто, — тихо, и снова этот беззвучный гул отсутствия, ощущаемый не по его тяжести, но по массивности. Но, значит, он главнее даже дыры; отсутствие уже всюду, где его слышишь: тогда это он тут всюду граница. Допустим, граница, но я же остаюсь по эту сторону. Как бы все же переместить себя на ту сторону; жить, отсутствуя постоянно? Нет, уже не в этот раз. Хорошо, приеду через год.

Апрель, 2010

В этот раз в пансионе меня поселили не на первом — местном первом, а физически на третьем этаже, где у них Reception и завтраки с кофе. Теперь на условном третьем, то есть — пятом, комната оказалась намного меньше, едва развернуться. В прошлый раз, похоже, я был вселен в ту залу по какой-то случайности. Из этой комнаты вида на MQ и Народный театр не было, окна выходили во двор, с утра в них светило солнце (как уж попадало?), а все стены двора оплетены таким же сухим плющом, что и в начале этой истории во дворе дома на Augustinplatz. Апрель был солнечный и теплый, но плющ еще и не начи-

нал просыпаться — хотя деревья в городе уже частично покрылись листвой; не столько листвой, сколько цветами. Плющ пока оставался плоской, не работающей иллюминацией.

Повторим условия задачи в самом простом виде. Есть некоторая точка, которая является тобой в чистом, что ли, виде. Она настолько отдельная, что про нее мало что можно понять; она постижима только ощущением ее наличия. Здесь (вообще «здесь») ее нет, но это отсутствие — если постоянно учитывать существование и такого себя — оказывается весьма конкретным наличием. Эту точку и твое нахождение тут (как чисто физическое без всяких мыслей тело) связывает линия, на которой — у кого к какому краю ближе — есть граница: то, что от нее в сторону исходного тебя — смутное и влияющее на поведение, но не материализованное, что ли. То, что по другую сторону от границы, — материализованное, затвердевшее, окислившееся. Сам ты, будучи вменяемое, чем твоя тушка, а с другой стороны — тупее себя как такового, можешь в реальности находиться сколь угодно близко к этой границе, но — по эту сторону. Имеется в виду именно та версия тебя, которая держит контроль и фильтрует местный базар. Это условия задачи.

Понятно: чем ты ближе к границе, тем больше видишь то, что за ней; не материализованное, то есть, уже вполне присутствует в жизни, но оно — по ту сторону от тебя. Достаточно иметь в уме упомянутые элементы, и эта схема будет работать, например — даст возможность устанавливать неочевидные связи между явлениями разного рода. Схема вполне инструментальна: находясь в ней, легко понять, в какой части своей линейки находится осознание любого человека, что облегчает коммуникации с ним. Тем не менее это еще не позволяет переместить себя, как вменяемое физлицо, по ту сторону границы; туда, где еще ничего не окаменело. Что и есть задача. Возможно, что такое действие повлечет за собой необратимые послед-

ствия, или невозможно в принципе, но почему бы не попытаться попасть туда?

Год назад история закончилась темой гула, который возникает на границе, где-то в ее окрестностях. Желаемое уже рядом, хотя и не вполне понятно, в какой именно форме переход может состояться. Что должно измениться; как именно управление перескочит туда и что, собственно, оно будет контролировать? И уж вовсе непонятно, что будет с оставленной без внимания тушкой. Собственно, в этой фазе переживаний Вена вроде бы уже не нужна, город свое сделал, доведя до этой границы, что же от него хотеть еще? В этой усилившейся абстрактности он даже лишний. Но, во-первых, в апреле в Вене хорошо, так как же не поехать. Да, в самом деле, тут тепло и хорошо, солнце и — никакой намечающейся простуды. Во-вторых, возникли проблемы именно с этим гулом, отчего за год, прошедший между приездами в Вену, никуда продвинуться не удалось. Но сама тема не ушла, значит — был шанс вернуться к исходной точке и что-либо уточнить. А раз схема была нарисована в Вене, то уточнить ее можно только тут, потому что на нее влияли какие-то местные штуки, которые могли быть учтены некорректно. Это противоречит общей абстрактности, но дело-то происходит еще по эту сторону.

Проблема же вот в чем. За гул зацепиться удалось: его нельзя вспомнить, но всегда можно переместить себя в точку, где он слышен. В общем, как-то это делается и все происходит. Сам он не тяжелый, но массивный, бытовых аналогов нет, отличается от прочих звуков, так что подмены быть не может, и себя не обманешь. Гул появился, тут же приходит отсутствующая часть тебя — куда более стабильная, чем ты в иных обиходных состояниях. То есть вроде бы Вена и в самом деле уже не нужна.

Но вот какая засада. Все хорошо: гул, отсутствующий ты — уже тут, но к этому отсутствию тут же начинают прилепляться все твои предыдущие отсутствия. Это как если

бы к лысой точке одуванчика вдруг слетались бы обратно все его парашютики. Похоже, запоминается именно то, в чем ты присутствовал не полностью, или эта невидимая часть тебя там тоже участвовала. Иначе, наверное, ничего и не помнишь. Это логично — если уж полностью укладывался в обстоятельства, то становился их частью. Ну а каждый отдельный вменяемый момент связан еще и с обстоятельствами, которые теперь захотели вернуться в оперативную память.

Сначала это кажется удобным: настроился на гул и можешь вытаскивать из своей дальней памяти что угодно. А потом оказалось, что не так все удачно: куда там вытаскивать, оно само начинало оттуда переть, не остановить — надо это, не надо, чаще совершенно неуместно. Отсутствие реально делалось доминирующим, однако ж оно совершенно не хотело перекинуть тебя по ту сторону границы, к себе; наоборот — заваливало тебя всевозможными эпизодами, расположенными тут. Любое касание этой бесформенной плотности вызвало выброс чуть ли не каталога случаев, связанных с чем угодно, обычно — с тем местом, в котором ты оказался сейчас. И через небольшое время отсутствие заполнялось обстоятельствами всех предыдущих мало-мальских отсутствий, бывших в этой точке, просто задавливая его плотью. Ты уже получался чуть ли не консервной банкой, плотно набитой маслянистыми кусками тресковой печени или какими-то молоками; где уж тут простор и пересечение границы.

Окажешься в Москве на Кривоколенном — тут же и вся история твоих отношений с Кривоколенным, включая даже то, как случайно проходил там однажды зимой в начале 1970-х, а уж как туда попал и зачем? Случайно зацепишься за детство, даже просто за время, когда оно происходило, и тут же вывалится гора ерунды, пусть даже и не той, которую привык считать картинкой своего детства, а утончающей твои представления о нем. Через этот гул не было бы проблем восстановить всю историю начиная с

1960-х. Карибский кризис, о котором говорило радио в «Последних новостях» в 22.00, когда уже свет в комнате был выключен; радио бубнило из соседней комнаты, а ты, еще даже не первоклассник, осведомлялся у кого-то, может — у няни Эммы, будет ли война. Или новость об убийстве Патриса Лумумбы (радио на табуретке возле двери в комнату, ламповое, с этим его зеленым глазом), а также городская специфика вроде находки во дворе монеты, на которой страна, в которой жил, называлась Ostland.

Все это, конечно, составляло в сумме определенный смысл, добавляя по ходу дела и другие детали, о которых и упоминать-то незачем: не рассуждать же о том, как именно выглядело (или как называлось) молочное кафе — просто, в общем, сосисочная в квартале напротив памятника Пушкина в шестидесятые или какими были жетоны на метро, которые использовались еще до пятаков (в Москве и то и другое). Или как выглядела Рига в шестидесятые, когда собор Петра за забором, без шпиль. Маршруты троллейбусов, которые ходили вовсе не так и не там, как и где сейчас, и даже цветные стеклышки, которые подкрепляли отдельным цветом номер трамвайного маршрута. Эта история принялась рассматривать черт знает какие углы моей памяти — из чего, видимо, следует, что если я теперь не найду выхода из ситуации, то полностью упакуюсь в это занятие. И смогу наконец-то отправиться работать водителем трамвая в Риге или кебабщиком в Вене, если тут, конечно, этим не заправляет турецкая Gemeinde, то есть — община.

В общем, все это и выползло на границе, ее плотно занавешивая: куда ж через все это продерешься? Опять же и зачем, когда по эту сторону можно еще многое вспомнить: как было в Риге в тридцатых годах, в какой церкви конфирмовали бабушку, где были ее дом и школа — да, приклеиваться начинали и дела, которые сам не мог ощущать физически. А они все равно появлялись, цепляясь,

что ли, за какие-то пункты, знакомые лично тебе. Будто в прошлом была линия меток, каждая из которых разворачивала свой смысл — вполне реальный — при зацеплении ее в таком состоянии. Это, да, сильный результат, с такой фицей можно забираться куда угодно, но предполагалось-то совсем другое. Предполагалось, что эта штука дает свободу, а вышло наоборот — пока она только добавочно пришивала к бывшей материальной и чувственной реальности.

Радости от всего от этого никакой, пусть даже субстанция и отсутствие постоянно предъявляли факт своего реального, а не теоретического существования. Но в самом деле выходило, что субстанция, которая была связана со звуком, действительно похожа на тресковую печенку или костный мозг. А уж чего-чего, но костей всюду полно, так что этот мозг мог залезть в любую, ее воскресив: надо, не надо. В общем, этот мозг непременно хотел влезть во все, в чем принимал участие хотя бы косвенно. Отсутствие вело себя так нервно, будто его пугало одиночество.

Как бы там ни было, имелась субстанция, которая — участвуя во множестве разных историй — сообщала, что она есть часть какого-то большого мозга, причем — его важная часть, и, наверное, мозга лично твоего. Но она уже заполняла почти все время, этот большой мозг просто замучивая, отъедая бóльшую часть его ресурсов. Мало того, в нем уже можно было утонуть — не найдя способа соотноситься с ним в Present Continuous.

Единственный плюс здесь был связан вот с этим текстом: только в таких обстоятельствах и было возможно изложить все то, что сообщено в предыдущей части. Иначе бы это восстановить не удалось.

Что же, суммирую: предполагалось, что этот шум, эта субстанция, это отсутствие (в сумме — одна штука) не оказались ключом или точкой доступа, то есть — дырой на ту сторону. Мир окисляется, каменеет, как трава растет, изпод него не уползти, не перевалиться туда, где он еще не

жесткий, а непонятно какой, но недозапечатленный. Такой была ситуация к апрелю 2010 года. Ресурс, возникший год назад, произвел множество полезного, но совсем не то, чего от него ждал, а вот желаемое сделал еще более недостижимым. Но ведь в месте, где возникла эта схема, отсутствию придется репродуцировать самое себя — как уже возникшую часть памяти. Ну, это «клин клином вышибают». Там, на самом-то деле, есть продолжение: «а дырочка остается». Дырочка, собственно, и нужна.

7 апреля 2010 года, тот же пансион

История не так что повторяется с прежнего места, но — с него возобновляется. Венский календарный год закрылся, начался новый, в тех же обстоятельствах. Впрочем, обстоятельства были уже другими, поскольку окрестные места стали привычными. То ли я о них долго думал, то ли в прошлый раз к ним привык. Да, тогдашняя простуда — наверное, в самом деле, если заболеть и выздороветь в чужом месте, то оно перестает быть чужим. Какой-то материальный вирус пришьет к городу. И дистанции сейчас не было никакой, и немецко-австрийский языковой роумниг включился (язык улучшается, когда попадаешь в место, где он в ходу), да уже и не так важно, говоришь ли более-менее правильно, и вообще, какая разница — на каком языке, английский тут понимают.

Теперь так: если в прошлый раз все закончилось этим самым гулом, а потом дела пошли криво, то надо вернуться к точке его возникновения и пройти этот уровень заново. Вернуться надо в конкретном месте, то есть там, где он возник, откуда начинались куски истории, которые к нему привели: сбой мог возникнуть в любом из них. Таких точек три: Аугустинплац, Шоттентор и лужайка возле оперы. Ну, Аугустинплац рядом.

Там все было так же, как год назад. Разве что теперь было солнечно и уже цвело розовым дерево, видимо — сакура. Почему-то казалось, что именно сакура, а не какая-то просто вишня. Однако же тут и утрата. Пропало граффити на углу, там, где лица, вписанные друг в друга, и сердечки, добавленные к ним в 2009-м. Стену побелили, точнее — еще только заканчивали белить; внутри устраивали какое-то кафе, перед входом уже стояла в кадке небольшая пальма, вроде даже настоящая. «Space invaders» сохранились, столь же нетронутой осталась и проштробленная стена дома.

Так что у меня в Вене появилась первая личная утрата — граффити, и это было прекрасно: личная утрата уже и здесь. Другое дело, что прошлый год с его тематикой возникать не собирался. Какой уж тут гул, когда чирикают птички, плюс пятнадцать, солнце, благоухает сакура и еще кусты с желтыми цветами чуть поодаль. К тому же в этот раз я летел не из Риги, а из Москвы — в таком варианте имеется сильный стилистический перепад, так что сразу после приезда как-то не до проблем, потому что тут просто хорошо. Да и то, я же не рассчитывал, что все разрешится одним фактом появления здесь. Ну вот, в самом деле, на лавке под цветущей сакурой сидит мусульманского вида бородатый дядька в феске и читает книгу. Коран, надо полагать, никуда тоже не спешит. Итак, Augustinplatz к точке возникновения проблемы не возвращала. То есть сбой произошел не тут.

Зацепка с прошлым, по крайней мере — с прошлым годом, все-таки возникла, но, что ли, корректирующая. Тут, да, все оставалось на своих местах, вот только несколько не так, как это представлялось. Мелочи различались. Скажем, африканский магазин с масками и другими поделками, оказался не у начала Нойштифтгассе, а почти возле Аугустинплац. Офис, где в 2008-м на дверях висели плакаты с девицей, звездой и кухней, социалистически-феминистский, вовсе не пропал, просто он был не

на самой площади, но перед ней. Впрочем, раньше он мог быть и на площади, очень уж он там в первый раз запомнился, а потом и переехал. Так или иначе, он существовал, пусть и без этих плакатов (Sozialistische Jugend Neubau, вот что это такое). Хотя дверь-то была той же: круглая плоская черная ручка и гофрированные края. Дверь бы уж точно не перевозили.

Кафе «Кандинский» работало, вот только вход в него был в проходном дворе не — как теперь думал — между Нойштифтгассе и Бурггассе, а между Нойштифтгассе и Лерхендфельдштрассе. Да и вообще, эта удивившая меня когда-то — хоть она и была сделана явно типографским способом — табличка «Bitte Pssst!» во дворе кафе не была их локальным изыском, таких в городе полно. Все места не так чтобы очищались, но уточнялись — почему-то именно через год отсутствия стало понятно, что то, что казалось единственным, — относилось к распространенной стилистике. С магазином «Altes und Neues» ничего не произошло, он был по-прежнему закрыт, но оказался вообще очень узкой лавкой, едва вмещавшей на своей ширине эти буквы. Зато Музиль в том подъезде не привиделся, теперь вход был заперт, но на плашке с кнопками в квартиры жильцов была строчка: Musil, квартира 1. Вообще, от Музейной улицы до Аугустинплац дорога куда короче, чем ощущалось в самом начале этой истории.

Все это совершенно не угнетало и не хотело дополнительных мыслей. Может, в самом деле что-то решилось уже просто по факту нынешнего появления на Аугустинплац? Вообще, второй раз — самый главный в любом деле. Просто понятно, что самый важный, и все, — то есть максимально отвечающий сути дела. То есть он, конечно, третий: в первый раз еще ничего не происходит — нет контакта. Ты только понял, что он тут — в этом поле на эту тему — мог бы быть. На второй раз он происходит, ты производишь эту локальную жизнь в первый раз. Но первый

раз мало что значит — мало запомнишь, только свои чувства. А вот в третий раз надо, чтобы чувства и сам ты уже отвечали сути данной истории. Ну, или нет. Четвертых разов, кажется, не бывает никогда: либо их просто не будет, либо ты уже там, внутри, и все это уже не отдельные случаи, а твоя жизнь. Чего, собственно, и хотелось достичь в прошлый раз, в конце предыдущей части на Шоттенторе. Но там был, пожалуй, первый раз. Или уже второй, но не более. Значит, отправиться следует именно туда.

Но только это уже фактически вызов, то есть — работа, а какое-то время хотелось еще просто тут побыть. Да, обнаружилась еще одна потеря: локал, где столовались местные, с обедом-меню за 4.90, на углу — теперь уже можно назвать: Нойбаугассе и Бурггассе — не существовал более. Теперь там как раз заносили мебель в открывающуюся сетевую кофейню «MoKador». Жаль, там были громадные венские шницели с картофельным салатом — именно, во множественном числе. На одну порцию их приходилось две штуки, и обе только что не свешивались с краев тарелки. Однако ж по совершенно случайному стечению обстоятельств тут все наладилось: чуть раньше я проходил по Зибенштернгассе (улица, параллельная Бург-и Нойштифтгассе, ближе к Мариахильф) и видел там знаковый синий щит с надписью «Меню 4.90», причем такой же, что и был когда-то на этом углу. Написано было тем же, довольно специальным, остреньким и широким одновременно, шрифтом — мысль о том, что они могли переехать, возникла уже тогда, но я ей не поверил. Теперь пошел обратно, и в самом деле, при других официантах был все тот же шницель, в кафе на очень узкой улице под названием Штукгассе. Не совсем то же, на углу-то я привык, но все-таки. Конечно, это могли быть типичные шницели и стандартная цена для района, однако ж реклама, ее картинка была в точности прежней. Ну, возможно, что таким шрифтом от руки они тут все пишут совершенно

машинально. Неважно, зато поел привычным образом. Что было полезно, это постепенно возвращало к проблеме. Не сразу, но готовя почву к возвращению.

К проблемам я не спешил, а ходил там, где раньше не бывал: эти места возле пансиона, а я обычно отъезжал дальше. Тут был Шпиттельберг, он какой-то совсем старый и невысокий, явно льстился к туристам. На его краю в сторону Мариахильф обнаружилась и Штифтгассе с военным кварталом, чрезвычайно величественным среди невысокого окружения. Отсюда можно было даже увидеть эту громадную Flakturm, упакованную внутри военного комплекса. С никакой другой точки ее видно не было, закрывали военные фасады, а вот сбоку обнаружилась прорезь в невысоких кварталах Шпиттельберга, так что с Gutenberggasse (между Бурггассе и Зибенштернгассе — чтобы уж и путеводитель составлялся) виден кусок этой и в самом деле громадной башни. Встать надо примерно на середине Гутенберг. Башня, понятно, бетонная, серая. На ней эти уши-площадки для прожекторов или зениток ниже, чем на других: не вверху, а изрядно отступив вниз, чуть ли не на треть. Никаких дыр в башне возле этих площадок не видно, так что непонятно, что и как туда водружали. Ну, может, дырок не видно с этого ракурса. Вот чем еще Spittelberg отличался: там на улицах нет тротуаров. То есть проезжая часть не отделена. Да они и узкие, улицы. Дома, брусчатка впритык, ну и все.

По Зибенштернгассе я прошел в сторону Музейного квартала, там-то и обнаружили еще одни официальные «Спейс инвэйдерсы», отработавшие приглашение в MQ. Здесь они целиком украсили своим кафелем мостик, по которому с Брайтегассе можно перебраться к музеям (со стороны Людвига; потом надо спуститься вниз по лестнице, пройдя сначала между крыш каких-то и в самом деле мощных конюшен — там лошадиные барельефы на стенах). Здесь «Инвэйдерсы» были унылы: ну мост, отделан-

ный плоским орнаментом из черных, голубых и пары белых (глаза очередного инвэйдера из игры) кафельных плиток. Заказ и спокойная обстановка для работы, что поделаешь. Другое дело, что у них тогда точно остались плитки этих цветов, ими-то они и выложили рисунок на Аугустинплац — что и объяснило определенную незаконченность тамошней работы: уж на что кафеля хватило.

Словом, нынешняя история явно становилась сиквелом, что хорошо, а еще лучше, что этот пресловутый гул перешел в последовательность пятен света — тут их было много непривычных. Ничего принципиально нового они не представляли, но были четкими и почему-то все больше острыми — ну, это потому, что еще не лето и свет острее, а четкие потому, что ближе к югу, вот свет и плотнее. Самые простые пятна: угол, подворотня, другие тени, и наоборот — клинья света между затемненными местами.

Так что можно было идти и наблюдать лишь за этими пятнами, которые постепенно заполняли весь мозг, а тяжесть тела куда-то ушла, на что-то переместилась, а на что именно — выяснять не хотелось, а то ведь они начнут облицовывать все вокруг кафельными плитками впритык друг к другу. Не шумом, так этими пятнами, которые закрывают все вокруг.

В Музейном дворе теперь лежали громадные пластмассовые органы, человеческие, выставка ван Лисхаута. Внутри органов (желудок и т.п.) имелись всякие заведения вроде кафе, кассы и что-то еще. Народ вокруг полуголый, сидят/лежат на солнце в затрапезе, раскинулись.

В Ломографии под MUMOKом зачем-то продавались желтые пластмассовые утята. Или они работали интерьером — штук 10 в кружок, для создания атмосферы. Вообще, никогда не понимал, зачем в таком веселом магазине валяются альбомы про женщин с большими сиськами: вроде и не нужны тут никому, а как лежали, так и лежат. Да, транспарант над входом MQ со стороны двора, «Es lebe die Stadt!», «Да здравствует город», — он был вовсе не крас-

ным по белому или наоборот (как запомнилось, потому что государственные цвета), а светло-серым по сизо-серому. Так что шум тут возникал уже и от некоторого несовмещения памяти с реальностью, начиная размывать и сам — вывезенный отсюда — шум другими здешними делами. Пора в Шоттентор, а то все предыдущие Вены как раз и накроют меня своим уточненным содержимым, и тема замылится.

Schottentor

Шоттентор тоже предъявил утрату, еще какую: закрылось то самое кафе, где внутри можно было курить, а на стене висело меню с ценами еще в AS, то есть в шиллингах. Его остатки — какие-то полки — оставались, но внутри было уже пусто, пятна на полу от бывшего стола с кофейной машиной, всякое такое. Недавно выехали, еще и переделывать не начали, а на витринном стекле оставалась надпись «Cafe H.WANCURA» и — фломастером — добавлено сообщение о том, что, мол, в связи с закрытием у нас тут объявлен блошинный рынок и — демпинговые цены на остатки напитков.

Кофе, конечно, был и рядом, там было даже приятнее, черно-бело-стальное и тоже можно курить, а кофе хороший. Но тем не менее утрата. Не так чтобы место для меня опустело, но что-то ведь нарушилось в той его версии, которая меня интересовала сейчас: вдруг тот код, который я неверно считал в прошлый раз, в этот раз считать уже не получится? Если он был как-то связан с этой локальной древностью?

Впрочем, дырка-то в потолке оставалась, ей-то деться некуда: пьешь кофе на табурете в ряду вдоль окна и смотришь сквозь стекло на этот просвет пустого пространства. Зеленая лужайка и свежее небо. Или именно это в прошлый раз все же было главным — а не гул, который мог возникнуть сам по себе, с помощью болезни и усталости?

Да, подземный переход, люминесцентный свет, люди торопятся туда-сюда, пятна яркого света — от всяких цветочных лавок и булочных «Anker», «DerMann» и др., а вот — обрыв и пустота сверху.

Вообще это же красивая задача — перепрыгнуть границу, и окисление не будет переть на тебя стеной, а ты, его опередив, сможешь глядеть, как оно происходит у тебя за спиной. Как по льду: идешь, а он под тобой проваливается, — только ровно наоборот. Вот идешь, совершенно свободный в неустоявшихся обстоятельствах, а они за тобой захлопываются и каменеют. Можно разглядывать этот процесс с той стороны, пока не наскучит оглядываться, а потом уж непременно там начнутся другие дела. Хорошая задача. Но почему она связалась с гулом? Ну да, он есть, но почему и зачем я повелся именно на него? По сути, потерял год.

Неважно, *eigentlich*. Главное, был этот просвет, который отчего-то сопровождался гулом, неважно. Привязаться к гулу было возможно, просто эта фича была употреблена не совсем корректно. Был упущен сам просвет, вот фича и работала криво, выталкивая прошлое. Бывает, заклинило. А что тогда следует сделать, чтобы попытаться напрямую перейти не к своим осознаниям, а к самому себе, то есть — выясняя далее не свою отчужденность и ее меру в разных обстоятельствах, а сами обстоятельства? Потому что вот тогда сам ты уже чисто отдельно, почти точь-в-точь свой исходный экземпляр и, несомненно, уже по ту сторону.

Видимо, удерживая одновременно все нажитое: точку, линейку, субстанцию, схему, просвет и даже гул, — надо попасть туда, где тебя еще не было. Тогда этой машинке будет нечего делать — с отсутствующей там — памятью. И машинка, выказывающая себя гулом (довольно мягким, к слову, и ненавязчивым — здесь, где он возник), примется делать что-то другое. Поэтому теперь надо сделать что? Отправиться туда, где не был никогда. Не

уезжать, конечно же, — в Вене таких мест хватало. Например, конечные станции метро.

Сколько тут линий и сколько конечных станций? Линии пронумерованы от U1 до U6, так что их пять, потому что U5 не существует, ее уже лет пятьдесят планируют и никак не начнут строить. В Зиммеринге я был в прошлый раз, но без специальных мыслей, и, значит, израсходовал его попусту. Во Флорисдорфе тоже был, в 2008-м. У линии U2 одна конечная, «Стадион», а с другой стороны у нее просто вход на платформу из подземного перехода к опере, на Карлсплац. Там, конечно, опера, но без очередных прожекторов с видом на отель «Бристоль» следует, пожалуй, обойтись: разобраться бы с предыдущими. Итак, пять линий = 10 конечных — 3 конечных = 7. Столько у меня теперь было шансов оказаться в новой схеме жизни. Все четко, моя субстанция не будет знать, как ей относиться к каждой из этих точек, она будет проявлять себя свободным образом, и я все пойму. И, конечно, никаких записей *post factum*, все надо фиксировать тут же, в реальном времени.

Первым был выбран «Heiligenstadt», это конечная зеленой U4, вверх по карте. Одна остановка от «Schottentor'a» до «Schottenring'a» на U2, а там переход на зеленую.

Heiligenstadt

Хайлигенштадт оказался еще и пересадочной станцией. Логично: если метро закончилось, то дальше должны ходить электрички. Так что тут был небольшой вокзал, вмещавший в себе и U, и S; выходы на перроны в одном туннеле. Туннель имел два конца, куда же повернуть?

Налево. Там оказался вполне город, по крайней мере — отдельный район, застроенный городскими домами, разве что не вполне типичными для Вены. То есть этот дом стоял сразу перед выходом, за небольшой площадью: красно-

бежевый (то есть кирпично-красный и бежевый), этажей в семь, но очень высокий. И очень длинный, не видно, где он начинался и заканчивался. Эта стена была прорезана арками, громадными и красивой формы — вытянутые по горизонтали, а не в высоту. Идешь в арку, а за ней — большой двор, сквозь арку косо падает свет, света тут много. Во дворе происходило благоустройство, на другом его конце видна еще одна линия домов, поменьше, но тоже городских. Возле арок на красно-бежевой стене прикреплены скульптуры приятных дев. По всему — керамические, потому что глянцевые.

Ничего такого внутри меня не произошло — ну да, действительно видишь то, что никогда не видел, и что? Видишь же, не сказать, что это сон приснился, — хоть ущипни себя или посмотри в зеркало или витрину. Чистота эксперимента полная. Солнце, большой дом, не понять даже, когда именно построен — с виду совсем свежий, но, наверное, в 1930-х, — какой-то у них в Вене в период *Rotes Wien* был приятный стилистический аскетизм, невзирая даже на статуи дам (одна вообще была со стопкой книг). А дом явно относился к временам Красной Вены.

Между домом и станцией площадь, собственно — сквер на выходе и улица, по которой ходят автобусы. Небольшая площадка со всеми их пиццами-кебабами, доннерами-кебабами, «Анкером» и биргартеном. На площадке перед станцией росли невразумительные — за отсутствием еще листвы — деревья и понятная пара сосен. Народ сидит-болтается — как этнически-австрийский, так и не совсем австрийский с виду. Все, понятно, местные. Теперь надо пройти еще раз сквозь вокзал по туннелю, осмотреть и то, что находится на другом выходе из метро. Тут бытовой факт: туалет в Хайлигенштадте жлобский — надо кидать 50 центов, мало того — он пятаками и десятицентовыми не берет (а они скопились в большом количестве), только 50. Странное поведение для окраины. В городе туалеты по большей части бесплатны, тем более в метро, в край-

нем случае — 20 евроцентов. И еще, первый раз такое видел в Вене: турникет — две створки из оргстекла. Ну, кидашь — раскрываются, как в новом варианте турникетов московского метро. В Вене ведь их нет в принципе, в метро просто проходишь. Видимо, у турникетов тут туалетная роль, вот здесь да еще в туристическом полуаттракционе под названием «Оперный туалет» в переходе на Карлсплац к опере, вечно озвучиваемый чем-то там из Моцарта.

Да, с Моцартом у них не все очевидно: конфет «Моцарт» полно, майки с ним, всякое такое. Но вот на Hoher Markt — там рядом еще некие Римские древности — есть часы типа пражских на ратуше: художественные, с фигурками. Построены, правда, уже при модерне, 1912—1914, получился этакий сецессионно-барочный гибрид, стили вполне уместно смешиваются. Там каждый час тоже отмечен своим персонажем, существенным для Вены. Первым идет — должен идти, если часы по этой части не сломались, в чем уверенности нет, — сгинувший в Вене Марк Аврелий. В полночь список замыкает Meister Joseph Haydn. Имеются Эжен Савойский, Карл Великий, Вальтер фон Фогельвейде, император Максимилиан I. Причем значимость была установлена, когда часы строили, то есть в начале XX века. Ну а Моцарта в списке нет, он присутствует лишь в виде менуэта, сопровождающего появление Марии-Терезии. Похоже, они относят его примерно к Штраусу, Йоганну. У них три городские поп-иконки: Моцарт, этот Штраус и императрица Сиси (про нее уж в «Википедию», а я не буду).

Словом, поскольку это был первый опыт из семи, то я не слишком-то понимал, на что именно мне следует обращать внимание. Конечно, никакое прошлое меня тут не накрыло, реакции были сиюминутными и нейтральными. Да, все это для меня в новинку, но ничего специального не отозвалось. Если какое-то не так что недоумение, но настоятельность и возникла, то была связана только с самим этим фактом, то есть была произведена внутри понятной

части организма. Что касается мыслей, то они как раз закручивались на саму Вену.

По другую сторону туннеля было почти пусто. Низкий выход, дорожка между двумя травяными откосами. Среди травы имелись одуванчики и еще какие-то мелкие цветы, вроде хризантем, тоже желтые. Дальше выросло большое кубическое здание синего цвета. Ну и все. Дальше идти не хотелось. Впрочем, трава и цветы приятно пахли и еще теплый, уже совсем теплеющий ветер. Итак, я тут никогда не был, но принципиальных изменений во мне не произошло, при всей ответственности к самому факту появления там, где никогда не был. Никакая часть моей сущности не всплыла глубоководным левиафаном. Впрочем, это все же была Вена в ее протяженности, так что какой-то чистой новизны добиться не удавалось: какая-то инерция протяженности существовала. Но возможна ли вообще ситуация, где не было бы никакой связи со всеми предыдущими? Даже если в космос полетишь, так ведь и там инерцию обеспечит какой-нибудь запах обшивки, высаживайся хоть на Марсе.

Другое дело, что память тут не вмешивалась. Можно было бы составить длинный список того, чего тут уже нет и что держалось только по инерции, истаявая в памяти: пока еще помнишь, какие слова и имена существуют, а если удастся дописать до конца, если станешь дописывать, то они станут постепенно уменьшаться, печатаясь все более слепым, обесцвечивающимся шрифтом.

Но я-то все равно оставался тут протяженным — в какой-то иной форме, без принципиальной новизны. Надо полагать, моя связность теперь была обусловлена уже самой Веной, по крайней мере — ее метрополитеном. Ну, куда ни доедешь, там сначала будет U-станция, а они похожи, так что прежняя жизнь доставлена и сюда, метро сделало тебе непрерывность.

Но тогда связность можно понимать и так, что вообще-то ты не более чем призрак, бесплотная тварь и фантом.

Пустая газообразная субстанция — если ничто ее ни к чему не привязывает. А иначе — оформляется чуть ли в виде метрополитена, города; даже непонятно, кем бы ты без них вообще был, хотя ведь все-таки как-то был бы. Не всюду же есть метрополитены, собственно. Но вот субстанция почему-то не рвалась установить свое доминирование в природе. Я же ей, по факту, предложил это сделать, а она почему-то не хочет. В результате это мне приходится вписывать себя в новое место, а его — в себя.

Конечно, из памяти уходили, предполагали уйти вовсе не все штуки и люди, некоторых людей это не касалось, ну так они для меня находились по другую сторону любых обстоятельств. Вообще, в этих людях ничего бы не изменилось, если бы они вдруг сделались венцами. Да, по дороге обратно, точнее — к следующей конечной, я вспомнил, что в прошлый раз как-то особенно запомнилась станция «Friedensbrücke»: пустая, совершенно пустая станция, через которую только и следует переходить на тот свет. Будто она нигде, хотя возле канала и неподалеку от центра. Так вот, выяснилось — ради этого на ней и вышел из метро по дороге — да, в прошлый раз просто было воскресенье. Причем сумеречное, дождливое. Это хорошо, что я ее тогда увидел такой, потому что она оживленная, забитая снующим туда-сюда — то есть в обоих направлениях — народом. Потому что теперь среда и светит солнце.

Hütteldorf

Хюттельдорф — на другом конце той же зеленой ветки — тоже оказался пересадкой на электрички. Впрочем, я поехал туда не по прямой, потому, что прямой она как раз не была, а сильно заворачивала в центр. Я срезал эту петлю, выйдя на «Spittelau» — следующей от Heiligenstadt'a станции, и перейдя на U6. Доехал до «Längenfeldgasse», решил снова на U4, а там уже и рядом. Заодно удостове-

рился, что U6 действительно работает без контактного провода, токосъемники у поездов сверху, как у трамвая. Забыл только выяснить, пачкаются ли беленые стены станций этой линии. И на U4 это тоже не выяснил, там станции выглядят похоже, все тот же оттовагнер. Но и там об этом снова забыл. Потому что задумался: если эта U6 такая трамвайная, так, что ли, трамваи по ней и ходят? То есть цепочка вагонов длиннее, но это обычные трамвайные вагоны, красной модели?

Но вот и Hütteldorf, причем он даже Hütteldorf-Hacking. Здесь все было не похоже на Хайлиген, тут вокруг уже была прекрасная природа. Внизу была долина реки Вена — ничего, что сама она небольшая. Тут она уже не задавлена набережной, а среди природы. Слева горы, справа горы, воздух прозрачен, все цветет легким весенним цветом — желтеньким, розовым, белым, фиолетовым. Солнечно. Горы — чуть поодаль, по обе стороны реки. Коттеджи по одну сторону, да и по другую вроде тоже. Но вокруг станции были еще какие-то служебные здания, поэтому туда идти было лень, а на другую сторону Вены перекинут мост, в прозрачных стеклах, на которые прилеплены черные европтицы, примерно как на паспортах, — чтобы было понятно, что тут стекло. Река в этот раз была более-менее заполнена водой, которая вполне энергично бежала, создавая даже буруны под мостом. Солнце светит, станция белая — ну, они тут все белые, но эта как-то еще и сияла под безоблачным небом.

На том берегу под мостом обнаружилась автобусная остановка и, возле нее, непонятная круглая будка. Ротонда, огороженная забором, тоже круглым. Это, как выяснилось, глядя сверху, был просто писсуар. А вот если дойти до конца моста и обернуться, то последовательно видны мост, здание вокзала, различные малоинтересные постройки, гора, и — на самой горе — церковь с золотым куполом. Несомненно, это и был Штайнхоф (я видел его на картинке, но не соотносил с конкретной местностью), то

есть это снова был оттовагнер, причем — из самых главных. Медь и каррарский мрамор. Медь позолочена, мрамор — чисто рафинад.

Но туда я не пошел. Это далеко, еще и в гору, которая тоже не маленькая. Да и день был отведен на другие дела. Кроме того, к горе явно можно добраться — если возникнет желание — как-то иначе, например на трамвае. Он там должен проходить гораздо ближе к горе, чем метро. 49-й, что ли, номер — вроде так, у него есть остановка у Фолкс-театра, возле пансиона, и я запомнил Hütteldorf как его конечную. А вот оттовагнеры меня тут просто точечно приклеивали к городу или, уж и не знаю, склеивали мои отдельные венские части. Где ни окажешься — там непременно оттовагнер.

Steinhof по проекту — образцовая психиатрическая клиника, устроенная для всех жителей Вены, чтобы они там излечивались или просто здоровели. Там, по описаниям, много корпусов — какие-то собственно психиатрические, а какие-то для релаксации, вроде санатория. Понятно, излагается состояние дел на момент постройки. Часть корпусов были общегородскими; как положено в таких лечебницах, больные находились в палатах, за них платила венская община, а вот другие жили уже разве что не в коттеджах — да, собственно, именно в них, и свое лечение оплачивали сами. Имелись в виду не обязательно психи, а лица, издерганные собственной нервностью, равно как и общей неустойчивостью фан-де-сьёкля, тем более — в венском изводе.

К ним ко всем там относились хорошо, устраивали им трудотерапию — всем по-разному. Бюджетные-социальные, надо полагать, обустроивали местность, что шло на пользу и им, и местности. Привилегированные занимались искусствами: рисовали. Как раз сейчас по городу висели плакаты, сообщающие, что в городском музее проходит выставка «Madness & Modernity» — в частности, их работ. Судя по картинкам в анонсах, там была просто классика

концепта: вот картинка, а вот — аккуратно прописанные авторские пояснения к ней, прямо на картинке.

А церковь Отто Вагнер планировал так тщательно, что даже требовал или же просто предусмотрел, чтобы ее стены изнутри периодически опрыскивали Weihwasser'ом, то есть святой водой. Ну, он рассматривал это как чисто гигиеническое действие. Да, уж раз про психов и здания: Башня Дураков на Sensengasse (я выяснил между приездами в Вену), в которой держали психических и лунатиков до конца XIX века, была не глухим круглым строением, не куличом, а высоким бубликом: внутри был двор, в него тоже выходили окна. Примерно так, что палаты располагались по внешнему периметру, а вдоль внутреннего был коридор. Также имелся соединительный корпус по диаметру, шириной в коридор.

Но хоть там О. Вагнер был ни при чем, а то он уже исподволь начинал действовать на нервы: куда я, там и он. Будто мне назначено осуществлять мою, с трудом могущую быть названной рациональной, деятельность под его присмотром. В Вене оттовагнеров так много, что эти строения и приходится писать в одно слово и с маленькой буквы. Вообще, учитывая то, что именно я искал, — местность, свободную от произошедшего в ней моего окаменения, то он выступал главным противником этой затеи: где он — уж точно восстанавливаются все возможные связи с реальностью данного города и никакого продвижения к свободе. Он всякий раз связывал меня, не давая шанса выйти в неотформатированную семантическую действительность. Будто в самом деле действовал со смыслом, что могло бы подтолкнуть к примитивному решению темы в варианте бытовой мистики. Я не поведусь, конечно, но вот же: Steinhof, каменный двор.

Вот что странно, если о бытовых обстоятельствах. Еще накануне вылета в Вену я был перегружен собственным анамнезом и сопутствующими ему личными исторически-

ми обстоятельствами, а лишь переместился сюда — и все тут же прошло: я в Вене всего-то часов шесть, а попытаться вспомнить вчерашний день — будто он полгода назад был. Да, тут уже тоже имелся некоторый массив ощущений, мыслей и чувств, но места-то были новыми, и они во мне еще только устанавливались. Я внятно ощутил, как все эти виды на реку Вена без парапета и привычной возле ее русла линии метро — а еще и церковь на горе — вдеваются, вживляются, вживаются в мозг: этот бетон еще сырой, но ощущаешь, как он схватывается, спазмами. Границу ты не перепрыгнул, но явно ведь ходишь вдоль нее, приближаясь. Да, тут же вопрос: станет ли работать такая машинка в других городах? — но, право же, это слишком. Пусть она наглядно работает хотя бы тут, а в остальных местностях можно остаться нормативным человеком. Это уже терпимо, когда знаешь, что есть такое место на свете, где уже как бы и не совсем человек, причем — оно стабильно.

В самом деле, налицо определенные успехи: вчера в Москве спать лег поздно, спал часа четыре, проснулся рано, добирался в аэропорт — рейс в 10 утра. Прилетел, сразу пошел ходить, теперь начиналась вторая половина дня, а я совершенно бодр. Что ли я за год сильно усилился, того не заметив? Или так: весь год я был по факту там, но в фоновом режиме продолжал оставаться тут, где и развивался каким-то неизвестным способом. А теперь регламентный режим можно было отключить, отчего сразу легче, а все, что шуршало в фоне, стало проявляться свободно. Это, конечно, добавляло надежд на успех эксперимента, пусть из семи вариантов уже оставались только пять. Ну ведь не сама новизна должна сработать, но какой-то объект, который окажется — должен оказаться — в одном из пяти оставшихся мест. Что-то он должен замкнуть, создать новую связь, что-то такое: никакой мистики, но уж оттовагнер на горе такой штукой быть не может. Или роль такого объекта сыграет стечение обстоятельств — мо-

жет, что-то во мне переменялось уже в Хайлигенштадте? Вроде нет. Но у меня в Вене сейчас пять дней, и незачем ставить все на первый. На сегодня хватит. Но Отто Вагнер, да. Все-таки его слишком много. Впрочем, тот громадный плоский краснокирпично-бежевый дом в Хайлигенштадте построил точно не он.

На сегодня исследования закончены, теперь просто история, в которой без оттовагнера не обойдется. Четвертой, что ли, остановкой от «Хюттельдорфа» был «Хитциг». Место не так чтобы простое: там чуть дальше шёнбруннский дворец, имеющий прямое отношение к данной истории. Ну, парк. Дворец, какой-то старейший в Европе зверинец (никогда его не видел). Главное, что дворец как место расположения императора, а это сейчас главное.

Вообще к дворцу проще дойти от станции «Шёнбрунн», следующей к городу за «Хитцигом», но дело в том, что в 2007-м я жил как раз в Хитциге, там проходила конференция, в том же отеле и жили. С краю парка, в пятидесяти метрах от станции метро. Так вот, станция «Хитциг», она более-менее новая. То есть внизу, к рельсам, она старая, а сверху новая, павильон был перестроен, чтобы вписать его в поворотный трамвайный круг. Номеров трамваев не помню, вдоль всего кольца устроен навес. Он ровно над рекой Вена, на мосту Кеннеди, где бронзовые позеленевшие орлы с лопатой и киркой в когтях. Вся линия U4 идет вдоль реки, в том же бетонном желобе, только отделена от реки еще одной бетонной стенкой. Ну, в Хюттельдорфе уходит чуть вбок, а река дальше идет одна. Точнее, наоборот: до Хюттельдорфа она шла одна — впадает-то в городской канал, так что течет в сторону города. Так вот, чуть дальше «Хитцига» в сторону «Шёнбрунна» виден какой-то павильон — точно над линией метро. Как уж водится, белый с зеленым, с похожим на корону куполом и еще некоторыми зелеными выпуклостями и позолоченными (ну, условно) деталями. Оттовагнер, нет сомнений. Но с 2007-го я так и не нашел

времени, чтобы осмотреть его поближе, а надо бы — странное строение. А теперь я и рядом, и время есть.

Собственно, это в самом деле частная станция метро, выстроенная Вагнером для кайзера, это я уже выяснил. Другой вопрос, самый дурацкий: где она находится? Павильон дальше «Хитцига» и явно до «Шёнбрунна». Но когда едешь от «Хитцига» к «Шёнбрунну», то там по пути никакого перрона нет — чтобы уж отдельного, императорского. Словом, теперь я вышел на «Хитциге» и пошел к этому строению поверху.

В общем, у меня в прошлом что-то было не так с оценкой пропорций, оптическим эффектом и перспективой: павильон был всего-то метрах в пятидесяти от самого «Хитцига» и, соответственно, выводил — должен был выводить — на этот же хитциговский перрон, но с другой, непубличной стороны. Вот там-то император на него и спускался (вроде в самом деле пару раз это делал — на специальном поезде катался в центр). То есть метро как такового тогда не было, но как-то они ездили по городу на каких-то паровозиках по этим рельсам.

Что до строения, то по мере приближения на крыше над входом уже видны и небольшая позолоченная императорская корона, и золотой же герб, и вензель, а также неизбежные на любой оттовагнеровской станции метро белые матовые шары освещения. Возле входа табличка, что это венский музей «Дворцовый (от Hof — не дворцовый же?) павильон Отто Вагнера». Ну да, раз уж это не чисто кайзеровский вокзальчик, то, надо думать, кто-то еще ездил. Но не обслуга, потому что павильон явно держали для специальных рейсов. Музей, разумеется, не работает, там надпись, что об экскурсиях надо договариваться специально. Вот по этому номеру: + 43-1-505 87 47-85173. Размеры павильона вполне заданы — ему надо накрыть собой два пути; он чрезвычайно лаконичен и весьма изящен. Сквозь стекла видно, что внутри там — зала, в ней расставлены стулья — будто там бывают концерты. Например,

String trio Op.45 Шёнберга было бы уместно. Сквозь стекла и пыль видишь, что залу окружает коридор, ведущий к спускам на платформы: белый, тоже пыльный — солнце как раз било сбоку. Выходило, что император мог ездить не только в центр к Хофбургу (интересно, как проблема разрешалась там? Возле Хофбурга станций нет, U4 уж точно), но и в Хюттельдорф, а зачем? Впрочем, вот же глупость: вернуться-то ему тоже надо было.

Потом я ходил еще где-то, что не имеет отношения к данной истории, а день закончился ночью, под красивые попискивания и шорохи в программе «Zeit-Ton Zeit-Ton Magazin». Rückblick, Vorschau und aktuelle CDs. Gestaltung: Andreas Felber 23:03. Это по «Ö1.ORF.at», которую я иногда слушал и в Москве. Не так даже чтобы вслушиваясь, а чтобы сохранять небольшой бытовой контакт с Веной. Так что почему бы не включить эту же станцию в месте ее излучения? Ничего ужасного, все склеилось, а дырка не возникла, то есть Москва сюда со своими делами не хлынула. Было бы, конечно, странно, если бы через венскую радиостанцию в Вену же пролезли иногородние шумы. Нет, эта точка не оказалась дыркой. Ну, оттуда — сюда. Может, будет в обратную. Ведь то, что «Ö1», ранее бормотавшее мне в Москве, не вызвало умственного переноса туда, означало, что перемены происходят.

8 апреля

Вот этот электрический плющ без лампочек, если он ползет по всем стенам, то почему же он не залезает в окна? Ему же все равно, где распространяться? Он же тянется не только по тем стенам, которые я вижу, но и по той, на которую выходит мое окно, а его в комнате нет? Да, это спросонья — его же окна не пускают. А когда они открыты, он не успевает, что ли, даже летом, когда они все время открыты? Нет, не так: ветки по ходу дела просто сдавлива-

лись и отрубались, когда окно закрывали, — если плющ и преуспел в этом деле, вот что. Возле рамы снаружи были видны сухие сплюснутые, отсеченные края плюща, сучившего когда-то немного проникнуть внутрь. Еще теперь во дворе появились большие черные птицы с оранжевыми клювами. Не очень, впрочем, большие. Поменьше ворон. Чуть-чуть меньше.

Вообще, будто из-за этой, не очень видимой, связности всего вокруг во мне словно бы установилась некая операционная система. Что там было с прежней, которая у меня тоже, наверное, какая-то была, — не знаю, теперь работала новая. Тут, да, сложно с объектом и субъектом: где она находится и кто в ней я. Она, что ли, наделась на меня, хоть и не понять, она внешняя — как вот эта сетка плюща поверх мозга — и во мне установилась? Или, наоборот, внутренняя, которая сложилась во мне здешними обстоятельствами. Скорее, первый вариант, но ее ядро было вполне понятно, она была открытой, поскольку я в ней функционировал, создавая собственную оболочку. Собственно, тогда уже неважно, откуда она взялась: если ощущаешь ее существование снаружи, значит, она уже установлена внутри. Иначе бы никак.

Она, к слову, вполне может оказаться механизмом окаменения, причем таким, который утаптывает не только рутину, но и неформатные сигналы. Вполне логично. Но если OS обеспечивает этот механизм, то, значит, в ней должны быть опции, позволяющие выйти из оболочки и работать как через Terminal в Mac OS'е? Но нет ли в таком подходе склонности к общим, а не индивидуальным решениям? Это не было бы хорошо, потому что это упрощение, перенос ответственности и отказ от возможности личного ужаса.

Ottakring

Следующим пунктом я выбрал Оттакринг. Это просто, от «Фолкстеатра» по прямой, U3. Линия идет в сторону

Мариахильф, дальше — строго под ней и далее примерно на запад (на другом конце U3 — «Simmering»). Ехать, хоть это и конечная, не очень долго, остановок семь-восемь, достаточно коротких. По дороге можно было заниматься очередным самопознанием. Лицо у меня, например, подтянулось — ну похудеть я бы не успел за день, но стала ощущаться кожа на костях, особенно на лицевых. Не так что у меня появилась конкретная цель и лицо напряглось в желании достичь чего-то там; нет, без всякой целеустремленности. Даже губы подобрались и стали ощущать одна другую. Не то что обычно хожу с полуоткрытым ртом, но несколько иначе стали ощущать себя: с некоторым нажимом со стороны каждой, легким; чуть напрягались, что ли, и слегка расходились к углам. Глаза немного прищурились, будто подсохли веки, но это от света — сильный он тут.

Между тем ситуация под контролем не находилась. По сути, не стало одной из базовых точек — Шоттентора. То есть он остался, но в этой истории он, пожалуй, не даст уже никакой опоры. Вообще базовых точек для моего самоопределения в городе не стало. Не Музейный же квартал, его двор — это не личная, а общегородская точка. Там ты не определяешься, а идентифицируешься нарядом с остальными, валяющимися под солнцем. Без точек привязки стало тревожно. Аугустинплац тоже незаметно перестала быть ею — вот же, о ней даже и не вспоминал почти. А ведь там-то практически ничего не изменилось.

Теперь, значит, у меня фаза человека без социальных свойств. Желаний такого рода тоже, соответственно, не было. Будто я повис в социальном воздухе, уравновесив его гравитацию: никаких позывов к чему-либо, что предполагало бы соответствующую активность, во мне не было. Но при этом имелась некая тревожность. Так что один из оставшихся пяти шансов должен быть использован, а иначе будет грустно, причем так, что сейчас и предположить такой вариант очень неприятно.

Да, вот что выяснилось вчера во второй половине дня: в Вене другие русалки, не российские: у них тут по два хвоста, которые начинались от таза, но бедра были еще без чешуи, кожа переходила в чешую только к коленям. Так это, во всяком случае, было у трех русалок фонтана в пассаже возле Ам Хофа. Все это излагается потому, что U3 скучна — от «Фолкстеатра» так и идет под землей («Neubaugasse — Zieglergasse — Westbahnhof — Schweglerstrasse...»), ничего не увидишь. Только перед «Оттакрингом» вылезает в щель на улице. «Оттакринг» — это уже возле гор. Да тут все конечные, наверное, возле гор.

Снова, конечно, пересадка на S-Bahn. Каменный виадук, по нему дальше едут электрички. В виадуке сбоку от проезда мастерская с вывеской «Grabsteine», что дословно будет надгробные камни. Напротив нее, на углу дома, закругленном, и по этому закругленному углу — Vuchdruckerei. Район не новый, явно еще позапрошлого века. Дома тут или белые, или светлые, а если темнее, то розовые — как вот эта типография.

Район выстроен вдоль Талиаштрассе, идущей куда-то к горам. Она оснащена всем, что положено главной улице отдельного района. Табак-Трафик, аптека, парикмахерская, товары для животных, предвыборные плакаты, в той или иной мере искаженные циническими дописками и конкурирующими наклейками поверх (тут сейчас городские выборы). Белая церковь с оранжевыми крышей и башней, на ее стене вдоль тротуара приделан лозунг-плакат, растяжка с надписью черным по желтому «GOTT BEGLEITET DICH», то есть — сопровождает тебя. Временный плакат, что ли к Остерну вывесили, не сняли — Пасха тут уже 4 апреля была. Сквер со спортплощадкой и множеством свежежелтых кустов. «Putzerei», то есть чистка. Евангелическая церковь и ее община в обычном жилом доме. По Талиаштрассе ходит трамвай, несколько маршрутов. На первом же перекрестке, с Маролингер-

штрассе, они расходятся налево-направо, один идет дальше прямо, но и там рельсы вскоре уходят направо — это уже поворотный круг «двойки».

С левой стороны большое белое здание с газоном перед ним и табличкой «Haus Liebhartstal». Судя по объявлениям на застекленном стенде сбоку, это что-то вроде резиденции для престарелых или неизлечимо больных. Они тут были, да: не очень-то дряхлая старушка находилась в добром расположении духа и, стоя на дорожке, ведущей в сторону входа в Haus, оживленно и даже весело разговаривала с каким-то полным человеком. А потом не спеша пошла на своих костылях к дому.

На следующем строении имелась пара мемориальных табличек — одна в честь некоего деятеля социалистической партии Оттакринга Киселы — дом назван в его честь, о чем сообщалось на брандмауэре на уровне второго этажа: Karl Kysel — Hof. Другая табличка уточняла, что дом построен для венской общины в 1967—1969 годах бургомистром Бруно Марекком. На первом этаже дома с той стороны, что ближе к Haus Liebhartstal, магазин похоронных принадлежностей и прочей атрибутики. Все это выставлено в больших витринах. Недешевые, в общем: фонарики или прозрачные футляры для свечей на могилу — под 500 евро, бронзовый ангелочек примерно в ту же цену. Еще есть сложенные в мольбе или молитве руки: одна пара как бы бронзовая, другая — серебристая. Видимо, алюминий. Стоят 95 евро. Ну, в профиль, что ли, плоские такие ладони. Хозяин лавки Jozef Schulter сейчас не работает, потому что он в отпуске с 29 марта по 11 апреля, а сегодня 8-е. Рядом, столь же логично, магазин, где продают венки, которые лежат на тротуаре, точнее — в проходе вдоль дома.

Чуть поодаль, на другой стороне — особняк поменьше, с такой же вывеской, но с указанием, что это второй корпус Haus Liebhartstal. Дальше в сторону гор дома становятся ниже, и это уже и не дома, а особняки, между которы-

ми торчит некоторое количество серийных построек начала 1960-х, с виду приличных. И вот может ли в таких обстоятельствах возникнуть новое место привязки? Или его и не надо? Или в самом деле купить тут квартиру? Нет, в Оттакринге хорошо, но квартиру здесь не хотелось. Вовсе не из-за пенсионерских дел, они-то как раз умиротворяли. Мне, наверное, лучше, когда природы не слишком много, а тут она надвигалась в виде этих гор и какого-то районного простора.

Я пишу эти слова — вот конкретно эти — в сквере, сбоку от Талиаштрассе, метрах в двухстах от метро. Сквер большой, это будто даже площадь со сквером. Еще здесь спортплощадка, деревья, детский угол с присущим ему инвентарем. В другом углу полукругом вкопаны пять скамеек, а перед одной из них — чрезвычайно удобный по высоте и отдалению от средней лавочки — стол. Лавочки полукругом — то есть никаких шахмат, домино или иных друг напротив друга у них тут не предполагается. Фактически письменный стол, разве что со щелями между досок. Гладкий, отлакированный, с разными надписями, сделанными фломастером. Судьба моя в данный момент отчетливо зависла в воздухе — не частная, конечно, что с ней сделается в моем возрасте. А вот, что ли креативная. Должно все-таки найтись место, которое прекратило бы мое зависание относительно желаний — не социального характера, конечно, а тоже креативных. Впрочем, и социальных тоже. Что-то ведь должно произойти, не может же так быть, чтобы я в этом состоянии завис навсегда? Собственно, как раз очень даже может, но в отсутствие соответствующего навыка или привычки теперь неуютно.

Да, это уже путаница: исходная тема была другой. Означает ли это социальное зависание, что граница окаменения уже пройдена и это социальная бесчувственность — первое, что встречает тебя по ту сторону? Не стратегическое, а немедленное бытовое последствие? Было бы логич-

но, но этого как-то мало. Предполагалось, что перемена вызвала бы более экзистенциальные последствия. Хотя кто же знает. Но все равно ощущалось, что из того, что предполагалось, не произошло ничего. Хотя это могло быть и началом процесса — типа предыдущие драйверы сейчас удаляются, потом залиют новые, OS установится и — упс! & вау! — начнется новое небо со всем прочим новеньким.

Птички тут поют. А местные люди называют район так: О.Т.К. — они пишут это на всех поверхностях. При чем им гордятся, потому что к «О.Т.К.» дописывают «ist the best of world» — уж как умеют.

Siebenhirten

Потом я где-то поел, ненадолго заехал полежать в пансион и отправился в Зибенхиртен, «семь пастухов», что ли? Для разнообразия пошел пешком по Нойштифтгассе до «Талиаштрассе» — здесь это не улица, а станция метро на Гюртеле, от которого Талиаштрассе, уже как улица, начинается и уходит в Оттакринг. Также цель пешей ходьбы состояла в том, чтобы увидеть местного и последнего (ну, последнее, что он построил) оттовагнера по Нойштифтгассе, 40. А это оказалось совсем рядом — дом замыкал тот квартал, который начинался за спиной Августина и к которому относился дом со «Спейс инвэйдерсами» и кожником Бадлом. Этот оттовагнер оказался лаконичным и аскетичным. Шесть этажей, он светлый — примерно бежевый. Фасад по Нойштифтгассе и чуть за угол немного украшен по первым двум этажам: черные вытянутые прямоугольники между окнами второго этажа и сплошные черные плитки по первому. Что ли какие-то пластины, каждая из которых наглядно прибита четырьмя светлыми декоративными гвоздями с выпуклыми шляпками. А что до его, оттовагнера, квартиры, то не уверен — устроил ли

он ее себе и тут: очень все же улица жесткая. Узкая. Шестиэтажные дома. Ни деревца, пыльная — и вот, устроиться тут? Впрочем, одна квартира там выделялась, так что вполне могла быть авторской: на боковой стене с краю, с третьего по шестой этаж имелось единственное окно на третьем, и вся эта часть дома заключена в аккуратную рамочку. Сверху под рамкой, то есть под самой крышей, выложены мощные угловатые черные буквы, вот так:

NEUSTIFT
GASSE 40

Возле станции метро ко мне радостно кинулась большая и умытая черная собака — она была при хозяйке, в наморднике. Чрезвычайно дружелюбная. С кем-то, что ли, перепутала, то есть не просто уж такая дружелюбная, а явно ошиблась — вот, кто-то тут в Вене есть такой, с кем меня можно спутать. Как минимум он пахнет, как я, — то есть запах в этом городе все-таки присутствовал. Не может же собака так, чтобы вокруг ничего не пахло?

Да, пачкаются ли белые стены на перронах станций U6? Выяснил: не пачкаются, они из какого-то непонятного материала, из известняковых плит, что ли. Не пачкаются, впрочем, потому, что уже протерты до своего основания, которое только что не типа слоновой кости. Ответ на другой вопрос: то, что U6 работает по трамвайному принципу, без токосъемников, а с проводами поверх, не означало, что по ней ездят трамвайные вагоны. Эти, хоть они с виду и как красные трамваи, на одно сиденье шире. В них два ряда по два сиденья, а не два плюс одно, как в штрассенбане.

«Зибенхиртен» оказался совсем уже тупиковой станцией, тут даже электричек дальше не было. Поля и горы. Если кому-то дальше — по одну сторону насыпи имелась автобусная остановка. Даже небольшая автостанция. Автобусы стоят, ждут. Это конечная, которой заканчивается идущая по Гюртелю линия U6. На другом-то конце у нее

хотя бы Флорисдорф, вполне гордый город, а тут просто схождение города на нет в форме домиков. Даже не особняков, практически сельских.

Сбоку был «Spar», в Вене «Шпары» не из высокого сегмента, там даже товар не всегда выкладывают, его надо тащить из упаковок. Здешний был именно такой. Купил минералку, причем полулитровый негазированный «Vöslauer» был только в бутылке с пупочкой, которую надо отодвигать, когда пьешь, — и вот она оказалась неисправной, отчего вода вскоре залила мне половину рюкзака. Хотя я и приспособил бутылку в его боковой карман снаружи.

Правда, на балконах тут выращивали деревья. На самой границе города стоит крупное строение (будто своими размерами конкретно устанавливает границу — в окрестностях не видно ничего соразмерного), какого-то недоделанного белого цвета — словно просто бетон в опалубку залили, и все. И вот там, на самом верху, на балконе — дерево. Вполне развесистое. Есть еще пара балконов с кустами — такими же желтыми, как и повсюду.

Под насыпью метро есть туннель на другую сторону путей, а там уже просто промзона. Сначала идет улица из небольших домов, а по ней вперед и направо — повсюду громадные параллелепипеды складского типа. Белые, конечно же. Надписи на них, разумеется, красные. В принципе красиво — светленькое с красным, прямоугольное. А также небольшие дома, красиво украшенные красивыми деревьями с разбухшими почками, из которых уже на треть вылезли листья.

Какой-то, словом, Зибенхиртен вообще никакой. Впрочем, может, так: могут же на свете быть неизвестные органы. Красивые, факультативные — не у всех есть, неизвестные основной массе патологоанатомов, потому что они не у всех и в общем курсе не рассматриваются. В момент смерти более-менее быстро исчезающие. Или же их просто начали недавно тайком внедрять, отчего патологоана-

томы еще не спохватились, или же все они в заговоре. Вот такие органы можно было бы тут и делать или же хранить в этих ангарах — сразу на все заинтересованное население, по крайней мере — Европы. Откуда взялась эта мысль — неведомо, ну так пришла же она именно здесь. Потому что для нее это место очень подходило, а никакого зловещего оттенка в этой идее нет. В таких органах — которые могли бы изготавливаться, покупаться и исчезать так, чтобы никакой медик их не увидел, — нет ничего злого. А терапевт их тоже не обнаружит, потому что он-то щупает в известных местах. Ну, если нащупают что-то постороннее, то могут принять за рак. Но органы могут быть совсем небольшими. Вырабатывают они какие-нибудь дополнительные вещества, сильно меняющие организм. Например, ему на радость.

Вена для такой промышленности подходит. У них в том же городском музее есть история про страшное с виду животное: чучело выглядит как гибрид червя и крокодила. Его когда-то находили в Вене, после чего долгие годы существовала распивочная «Zum schmeckenden Wurm», «Под вкусным червяком», которая находилась в Durchgang'e, в проходе сквозь дом по Wollzeille, № 5, выходящем на Lugeck, тоже через дом № 5. Но теперь ее, увы, уже нет. «Gybrid of the lindworm and crocodile» — так описывалось это создание в справочниках. Так что делать новые органы — вполне логичное занятие для Вены. А еще в городском музее есть Kassenschrank 1778 — сейф, то есть — города Вены. Причем он голубой, в розовых цветочках. Ну, это уже по инерции, а еще потому, что обивка сидений в некоторых вагонах метро тут немного похожа: синяя с какими-то тоже розовыми пятнышками.

Что до деревьев на балконах, то по дороге в Зибенхиртен возникла история под названием «Alterlaa» (иногда и «Alt Erlaa»). Это в трех станциях от конечной. Там по одну сторону линии метро громадная стена домов. Это похоже на собранные вместе локаторы дальнего обнаружения:

гигантский прямоугольник, если смотреть на дом прямо, и трапеция, расширяющаяся книзу, — если в профиль. Тут — то же самое. Понятно, на фасадах были вовсе не антенны, а балконы. Домов таких штук пять, не меньше. И вот все они были белыми и сияли под голубым небом, а все их балконы — заполнены зеленью и цветами кустарников. Нельзя было на обратном пути не выйти посмотреть на них вблизи.

Оказалось, что дома расширились книзу с обеих сторон: то есть скат был в обе стороны, что ли раструбом вниз. Их было не пять-шесть, а скорее восемь—десять: они стояли в две линии, загораживая друг друга, точно и не считаешь. Каждая линия была метров триста, из четырех или пяти домов. Высотой дома были этажей в двадцать, громадные. Балконы были не всюду, а только в нижней половине, в нижних двенадцати этажах. В той части строений, которая расширялась книзу террасами. И вот все эти балконы были полностью забиты растительностью.

Со стороны — то есть из проезжающего мимо вагона — все это выглядело шикарнее, чем вблизи. Оттуда было видно полное совершенство и невозможная роскошь, а вблизи обнаруживаешь, что стерильности особенной нет, все это уже кое-где слегка осыпается, то да се. Но это и лучше. В остальном тоже как обычно: магазин «Billa», еще там что-то в том же помещении, продавщицы вышли на улицу, курят. Голубой по белому плакат на входе: «Schön, dass Sie zu uns kommen», такой плакат над каждой из двух створок входных дверей, но один ровно такой, а на симметричном еще и желто-голубой логотип «KA», Kaufpark Alterlaa.

Чуть поодаль — здание почты. Зашел, я ни разу в Вене на почте не был, посмотреть, как это у них устроено. В общем, как в Риге, ничем не отличается. Та же черно-желтая вывеска, то же и внутри. Разве что у них там еще какой-то почтовый банк — или просто ассоциированный с почтой, PSK. Кабинки для клиентов тут же, в зале. Еще в

зале стеллажи со всякими почтовыми и канцелярскими мелочами — взял, пошел к окошку, оплатил.

Leopoldau

Леопольдау, можно считать, не было вообще. Там даже стола не нашлось, чтобы зафиксировать этот факт, который и запоминать не хотелось. Это северо-восточный конец города, линия U1. Ехать надо через все эти четыре — считая и канал — Дуная, через Пратер, мимо центра ООН на Kaisermühlen, а потом еще семь остановок. Причем уже на следующей после «ООН» ясно, что ничего там дальше не будет — пригороды, сельские дома, поля. Ну и сам Леопольдау в таких же окрестностях, выделяясь совсем уж ослепительно-белой и новенькой станцией среди сельского пейзажа. Тут даже гор не было. Станция совершенно новая, сияет — стоит стеной по одну сторону улицы, а по другой — частные дома. Все они, разумеется, в цвету. Автобусная остановка. По другую сторону ровно то же самое. Домики, автобусная остановка. Разве что тут есть небольшой пятачок на выходе из метро, мощный булыжником (он тут как-то волшебным образом оказывается светлым), в нем круг, в котором растет дерево, поодаль — пустые стойла для велосипедов. Полоса земли возле стены станции, среди травы много одуванчиков. Светит солнце, уж непременно. В эти дни оно тут всюду светит. Подошел автобус, в него залезли те два человека, которые стояли на остановке, и стало совсем пусто. А станция такая новая и малоиспользуемая, что на ней минимум цивилизации; никакого кофе, например. Вообще ничего, кроме автоматов по продаже билетов. Пустота, стеклянный, блистающий никелем лифт. Судя по пиктограмме, здесь есть пересадка на S, но какая-то незаметная. Тут бы в туристических целях разместить какой-нибудь музей скелетов детских игрушек, и все бы наладилось — если бы им это было надо.

В чем, *eigentlich*, состоял смысл этого самоисследования, то есть самоидентификации через метро? Чтобы а) выскочить за пределы шума, б) оказаться по ту сторону границы окаменения, постоянно происходящего на данном свете, и таким образом перейти к своей не окислившейся сущности, которая — совершенно очевидно — существовала даже в Leopoldau. Шум ушел в первый день вместе с мыслью об этих мелких поездках, а с остальным пока никаких принципиальных перемен. Все было ровно и тихо, ничего пока не екнуло, чтобы, что ли, начать видеть, как все это свертывается из чистой субстанции в материальные предметы. Новые материальные предметы повсюду, и *alles*. Зато скучной стала сама тема этого окисления, окаменения и вообще превращения тебя в пластмассу. Но только что из этого следует? Все-таки надо довести дело до конца. Впрочем, возникла усталость терминов: сколько ж можно про окисление/окаменение. Вот так всегда всё и увядает, да. Надо называть как-то иначе, тогда свежесть проблемы вернется, чувства будут рады. Но как именно иначе?

Однако ж организм уже как-то блокировал ситуации, которые тяготели окаменеть и вобрать тебя в себя туда. Эта блокировка не так чтобы стояла какой-то жесткой стеной, она была туда-сюда проницаемой, что ли отлавливая склонные окислить тебя вирусы. Так эта операционка работала. Но только зачем об этом рассуждать в Леопольдау? Можно найти место и получше, где есть хотя бы лавочка, никакой радости сидеть на бетонном парапете. И если тут ничего не произошло, то это хорошо. Представить только, что субстанция именно в этом месте выказала бы себя, войдя в полное управление мною, а я, наоборот, вмняемо соединился бы с ней именно тут (что, несомненно, и есть момент выхода за пределы окаменения). Вот что это, субстанция обнаружила себя в Леопольдау?

Ну, если вспомнить лавочку в Оттакринге и социальное зависание, то, может, и в самом деле по мере заливки в меня этой OS или уже овладения мной ею — включены

опции, позволяющие соотноситься с окружающим пространством и без прямых отношений с общественной средой? Но вот уж тут полно этой среды — что в Leopoldau, что в Siebenhirten'e.

Но странно, я не помню, как перебрался с U6 на U1. Была «АлтерЛаа», а потом сразу мост через Дунай, центр ООН, я даже Пратер не заметил. А по пути, вообще-то, были две пересадки. Что ли я уже так освоился в городе, что действовал машинально? Причем одна из пересадок вроде на Карлсплац, а там надо почти выйти в подземный переход, тот самый, к опере, эту пересадку трудно не заметить, она людная и шумная. Я, значит, куда-то выпал, а то, что установилось между мной и городом, само выполнило за мое тело работу? Но там по дороге довольно много локальных решений — куда свернуть, как перебраться. Да, в самом деле. Два перехода — с U6 на U4 на «Längenfeldgasse», с U4 на U1 на «Карлсплац». Ничего не помню.

Мало того, почему я вообще поехал в Леопольдау, это уже третья точка за день, такое вообще не предполагалось? Да, историю следовало продолжать, а ну как вдруг такая же ерунда что-то сдвинет и все получится. И уже снова любопытно: а как, eigentlich, будет выглядеть все это окаменение, как эта твердеющая масса жизни станет быть видна конкретно? По всей окружающей тебя жизни идет полоса постоянно надвигающихся сумерек? Ну, там у них должны тогда загораться огоньки; впрочем, что-то такое, собственно, в жизни и происходит.

А еще выражение лица, когда оно подсыхает и подтягиваются губы, которые начинают соприкасаться, это же венская штука. Они у всех тут именно такие. Это не так что они злые, просто так устроено. Своих это не пугает, наоборот — они видят друг друга и, не обращая внимания на такое устройство лица другого, осознают его как такого же, взаимодействуя с ним уже под крышей, созданной этим выражением.

9 апреля

В списке оставались всего две станции, увы. «Стадион» и «Ройманплац». Хотелось думать, что до «Стадиона» дело не дойдет. Он далеко, станция метро там построена недавно, а вот «Ройманплац» рядом — всего-то четвертая остановка от «Карлсплац». Там почему-то ощущался шанс, если уж не говорить о том, что он будет последним. Надо быть медленней и внимательней, что остается. Поэтому сейчас, конечно, «Ройманплац». Там еще в чем дело: он заканчивает собой линию метро, на которой находится Зюдбанхофф, Южный вокзал. А его сейчас ломали, поскольку начали реорганизацию всей кучи венских вокзалов. Поезда оттуда перевели вроде на Западный; было любопытно, что вообще осталось от Южного. «Reumannplatz» там чуть дальше, в тех самых Фаворитенах, мысль о переселении в которые возникала год назад при просмотре объявлений о недвижимости.

Но я вышел раньше, на следующей же после «Карлсплаца» станции. На «Taubstummengasse», это возле академии Терезии. Там есть выход и на Фаворитенштрассе, но я вышел через тот, который выводит в короткий и узкий переулок, Майерхоффгассе, что ли. В его створ точно попадает парадный вход Трезизианиума с громадным черным орлом: двуглавым, но при единственной золотой короне. Не разобрать мне все-таки с гассе и штрассе, не понимаю я, когда они ставят то или другое.

Почему-то в этом переулке все время сильный ветер. На Фаворитенштрассе и в ближайших окрестностях перемен не видно: Терезианиум на месте, а больше тут и нет ничего. Перемены начались чуть дальше, по дороге к Зюдбанхоффу. Там, по правой стороне Фаворитен, было такое странное заведение, «Компьютерная биржа». Собственно, ничего странного, у них это просто места, где продаются старые компьютеры целиком и по частям, а также разная замученная периферия. Но в этой точке работал какой-то

забавник, называвший себя Мерседесом. Он выставлял в витрину компьютеры и прочее, непременно приклеивая на них стикеры с какими-нибудь веселыми заявлениями. Ну, в его понимании веселыми. Он же заодно чем-то даже и кормил посетителей, если им приспичит. Чем именно — не помню, каким-то совсем уж фастфудом. Еще возле витрины стоял одноногий пластмассовый круглый стол синего цвета, на нем предлагался бесплатный вайфай. Стол-то еще стоял, но уже без приглашения к вайфаю, причем отъехал дальше, на границу с овощной лавкой, так что, кажется, сменил владельца и место службы. Из витрин исчезли стикеры с юмором, на подоконнике между пыльными дивайсами валялась лишь рукописная бумажка «bis 18.08.09 ab 14.00 pug», сообщавшая о временных (ударение на любом из «е») ограничениях функционирования. Срок ограничений давно вышел, теперь лавка не работала вообще. Но внутренность помещения оставалась примерно той же: все это пространство в три окна было заполнено компьютерной рухлядью. Так что он не разорился, а то ли умер, то ли временно сошел с ума.

Дальше по дороге появилась еще одна утрата, только не моя: я это место не помнил, а там вот что: какой-то магазин или бюро, прекратившее существование. Их офис выходил на угол дома, был на первом этаже. Точнее, на угол не дома, а подворотни. Витрины были большими, даже на той стене, которая выходила в подворотню, был хорошо виден старательный концептуальный беспорядок, созданный внутри. На стуле с надписью на спинке «Susy's chair» (не понять: так было раньше написано, фломастером, — или только теперь, на прощанье; вроде раньше, надпись пыльная) водружен основательный, вполне фаллический кактус. Явно художественно висел полуоторванный от стены кусок обоев, вдоль окон-витрин разложены какие-то журналы, к колонне — бетонной опоре в центре залы — прислонена картинка кота, на полу лапами кверху лежит основательного размера белый медведь, с розовыми из-

нанкой ушей и пятками. Еще там красная подушка с надписью «I love you», на которую поставили пыльную игрушечную крысу. Стол еще был, пластиковый — тоже красный. Ну, это не моя история, с ней не соотнестись, но в целом неплохо: кажется, это замерший конфликт не без сентиментальности. Правда, еще там были полусдувшийся футбольный мяч и небольшая подзорная труба, направленная в сторону Фаворитенштрассе. Это уже явно лишнее, хотя, конечно, участников истории могло быть несколько, с разными интересами, не составившими здесь гармонию.

А вот дальше и моя утрата: исчезла распивочная, в которой меня — см. самое начало — приняли, что ли, за немца из-за проблем с фиртелем-виртелем. Она была в ряду таких же заведений, прямо возле Южного вокзала, точно я не помнил, но прочие, которые тоже запомнились, были на месте. Там рядом еще магазин не самых дешевых, но почему-то дисконтных костюмов, еще пара распивочных, а вот этой не было. Примерно на ее месте теперь что-то еще неопределенное, хотя уже и отремонтированное.

Да, если вспомнить на тему схожих утрат: киоск с колбасами возле Грабена как стоял, так и стоит, так что вроде бы все в порядке. Но они изменили системе мер! Год назад в ценнике было «Rotwein 1/4, 1/8» (эти самые ф/виртель и ахтель) и цены, соответствующие ахтелю и фиртелю. Теперь, столь же лаконично и без указания марки Wein (и даже его цвета), уже так: «0.250, 0.125». На глазах фактически. Рассчитывают, что евроинтеграция сделает их снова глобальными? Или замучились пояснять туристам, что это значит, 1/4, 1/8? Ну, значит, тогда увеличился поток туристов.

А Зюйд-вокзала не было вовсе. Раньше это был параллелепипед вдоль тамошнего Гюртеля; справа там была реклама банка, которую, кажется, можно было прочитать и как «Нам бы ваши заботы» («Ihre Sorgen möchten wir haben»). А теперь там ровная пустота, но с чем-то еще во-

зятся бульдозеры. Вообще, я ошибся — начинать надо было с «Ройманплац», а уж потом выходить на «Зюдтироленплац» и идти по Фаворитен вниз: потому, что тогда бы я шел вниз, а так пришлось идти к вокзалу немного в гору. Очень невысокую, но все же. Другое дело, что еще раннее утро, а этот крюк и был запланирован затем, чтобы проснуться.

Reumannplatz

«Ройманплац», вопреки предыдущему опыту конечных остановок, оказалась не в деревне и не в окружении гор. Ну, в меру того, как здесь можно быть без вида на горы — они, конечно, видны здесь на любом перекрестке, была бы улица прямой.

Станция новая. Выходов два, я вышел, куда было ближе, и оказался в оживленном, хоть и небольшом торговом районе. Собственно, это снова была Favoritenstraße, но уже в другой инкарнации, пониже, окраиннее. Дома, в них лавки, чуть поодаль — Адлерплац и рынок на ней. Население разнообразное, их тут много, хотя, в общем, еще нет и 10 часов. Но они тут рано встают. Живой район, все тот же набор заведений, полагающихся району. Но, в отличие от Оттакринга, как-то все это столичнее. В другую сторону от рынка на Адлерплац столь же оживленный перекресток. Район совершенно не соответствовал тому, что бывает на конечных линии метро, из всех прочих конечных это было самое живое место, в смысле сутолоки. Да и какая уж тут окраина, когда всего четыре остановки от «Карлсплац».

Дальше начиналась уже другая история, но тоже не окраинная — сквер, даже очень большой. Там полно остановок трамваев и автобусов, какая-то еще накрытая стеклом штука — видимо, второй выход из метро. Все это в невысокой зелени, тут практически три сквера друг за другом.

В дальнем, где меньше остановок и больше деревьев, лавочки заняты местными обитателями, по виду которых можно сделать вывод, что они все еще радуются тому, что пережили зиму — зима, судя по их лицам, была непростой. Некоторые из них похмелялись, но индивидуально, не группируясь. Здесь, несомненно, можно жить, даже непонятно, почему в этом районе — вспоминая объявления — квартиры такие дешевые.

Сбоку возвышалось громадное здание, составленное из практически кубов, пирамидально громоздящихся вверх. На самом верху уже просто куб с часами, часы показывали 10 часов 5 минут. За парком возникла какая-то чуть ли не посольская — по типу строений и ухоженности — улица. Сразу стало тихо и пусто. В ее створе видна церковь, не кирха, то есть не со шпилем, а с куполом. К ней надо было немного пониматься, отчего она выглядела очень большой. Ну, она и оказалась большой, а совсем большой оказалась площадь, в центре которой она стояла.

Площадь была круглой. Деревья по периметру, а в середине трава и немного асфальта перед церковью. Вид тут оказался настолько сомнамбулическим, что захотелось посмотреть на руки, чтобы определиться в этом сне и удостовериться, что ты действительно здесь и себе на уме.

Все там как-то понаверчено, такой угол, сякой. Круглый купол, готические как бы башенки (церковь была старым новоделом) и еще два вполне высоких шпиля — их не видно, когда идешь по той улице, оттуда видна только часть с куполом, а храм широкий, башни разнесены по сторонам. Часы на башнях каждого шпиля синхронно показывают одно и то же, причем правильное, время. В центре фасада двойная арка, двойной портик или портик и балкон над ним, тоже громадный. Внизу — вход в храм, сверху — белая статуя какого-то по виду итальянца: балахон, тонзура, с младенцем на руках. Точнее — на левой руке. На ладони лежит сначала книга, а уж на ней сидит младенец. С рукой у падре что-то не в порядке, с ладонью — лечили ее, что ли,

отчего большой палец — та часть, где большой палец, — сильно отъехала в сторону, а возникшую щель заклепили цементом. Еще там в квадратах — мозаики или эмали — разнообразные шестикрылые серафимы. Ангел, лев, телец. Орел. Понятно, евангелистов перевели в серафимы, но вышло немного нескладно: у орла же и свои крылья есть, а тут от него только голова с клювом, а крыльев — переливающихся — тоже всего шесть, а не восемь.

Перед входом в церковь — полоса асфальта и лавочки. Пусто. Жарко, лишь очень легкий ветер, и казалось, что все листья тут сейчас распускаются в реальном времени. Так и есть, к третьему дню в городе листва становилась все плотнее, а тут она еще и сильно пахла. Совершенно пусто, только чуть погода некий дядька осведомился, проходя мимо: не мой ли это хунд вот тут, неподалеку? Чем-то этот песик (был там песик, гадил на газоне) вызвал его недовольство. То есть, понятно, — самостоятельно, без хозяина гадил. Маленький, сам по себе. Возможно, что это — вопрос прохожего — было выражением печали по гибели цивилизации. Песики теперь гадят где вздумается, не обращая внимания на таблички о том, что тут им это делать ферботтен, а хозяева не собираются за ними убирать, потому что их и в помине нет. Кажется, ощущение того, что все идет не так, было основным в чувствах проходившего господина. Да, нельзя не согласиться, в целом все идет как-то криво и негигиенично.

Конечно, тут не окраина, а просто район, небольшой, но вполне центральный. Площадь, диаметром метров в 150, и никого. То есть она не была такой уж точно круглой, но — такой большой, что казалась круглой. И еще этот круглый купол, конечно, ее организовывал. Получалось — вот есть пространство, которое предложено заполнить собой, и делать это приятно. Люди иногда проходят мимо, но они не мешают заполнять это пространство собой, своим шаром, соразмерным тут площади и зданию.

Это отчетливое ощущение: большой шар — конечно, конкретно я в шар не превратился, но понимал себя примерно так. А тело выходило каким-то, что ли, черенком сбоку. Или вот как пупочка на апельсине. Вряд ли, конечно, тебя в качестве созревшего шара кто-то съест, но тело действительно понималось небольшой козявкой, к шару если и не прилипшей, то остающейся при нем лишь на правах какой-то засохшей связи.

Червяк, засохшая козявка или дыра, сведенная в точку, как попка воздушного шарика, примерно такой пакет. Но все варианты были вполне дружелюбны и не вызвали никакой ажитации: да, вот так, ну и что? Да, лавочка исписана многочисленными словами и отдельными буквами. Например: *Yasemin, Yozgat66, Wer her sitzt ist ein H...* далее затерто, *Leo Wien 1100, Ficker* (кроме производного от «ебать/~ся», есть и значение «ублюдок»), а также *H+F*, причем буквы были полые, то есть — контурные, в *H* вписано «*andan*», а в *F* — «*irat*». Так что район был отчасти турецким, на краю площади еще и вывеска белым по красному «*ATATURK*», а уж для чего это заведение — я не выяснил.

Вообще, можно ли турок тут считать мигрантами? Не для того же они столько веков осаждали Вену, чтобы в ней не присутствовать? Наконец просто незаметно вошли. Влияние-то очевидно: и стены против них строили, определяя тем самым план города, и кофе они сюда и вообще в Европу завезли. По виду так вроде чужие, но город-то немного южный, а они отсюда неподалеку. Скорее, они тут дополнительное, но естественное население. Вот в метро, идут трое в темно-зеленых комбинезонах. Две тетki и мужик. Вполне не задумываясь о своем месте здесь, а также об этнической идентификации идут.

Schottentor

Осталась последняя станция, «*Stadion*». Сюда U2 довели к чемпионату Европы по футболу 2008 года. Можно

представить, что там за окрестности. С «Ройманплац» можно доехать до «Пратерштерна», там пересесть на лиловую; но на нее же можно попасть и через «Карлсплац», что я и выбрал. Потому что когда едешь со стороны «Карлсплац», то по пути логично выйти на «Schottentor'e» и выпить кофе, спешить некуда.

Сегодня все еще продолжалось 9 апреля, пятница. Улетать только в понедельник утром, так что у меня будут еще два дня спокойных — уже без всякой цели — хождений по городу. Завтра Нашмаркт работает, да еще с блошиным рынком. В любом варианте: получится сейчас что-нибудь, нет — два свободных дня в городе.

И что же, собственно, может произойти в этой, уже последней, точке? Откуда ж я знаю. Или даже другой вопрос, на который надо ответить раньше: а как понять, произошло ли что-либо, когда не имеешь представления, что именно может произойти? Или наоборот: может ли что-то произойти, когда не знаешь, что это именно? И следующий: а что будет, если ничего не произойдет? Пожалуй, я тогда растворюсь в нынешнем состоянии ожидания чего-то. Ну, не сказать, что результата не было, — был, даже приятный, хотя и не прагматичный: я стал быть аккуратно подвешенным в воздухе, выпав из общественных процессов, имея в виду производство социальных смыслов, за что мне и платят деньги. В общем, если я останусь в этом варианте, то это тоже результат, но кривой.

Значит, нужен еще и выход из сценария. Если не произойдет то, чего я желаю, то должно произойти что-то другое, что позволит мне соскочить с этой истории и вернуть себе социальный ум. Оставив себе точку, через которую позже — когда захочется — снова войти в эту историю и все там доделать. Но разве тут еще осталась возможность какой-то истории?

Из последствий в любом случае выбираться будет надо, но на это есть пара дней. Гулять по городу, возвращаться в общество. Но это завтра, а ну как возле «Стадиона» най-

дется решающий переключатель; где-нибудь возле станции метро. Несколько предметов, какая-то случайная лиловая тряпка, лежащая сбоку, вывеска. Звук проехавшего автомобиля, в котором играет то, что сейчас требуется. Нет, звук тут не сработает, здесь тихая история. Предполагать конкретный предмет бессмысленно, так не бывает, а что-то на мгновение должно присосаться, а потом отлипнуть. Прилипло, продержалось, сделало необратимое, отвалилось. Все произошло, история закрыта. История будет закрыта и без подобного акта, по завершении всей программы, как если закончил некие курсы. Но только должно же хоть что-нибудь щелкнуть, чтобы об этом сообщить?

Вообще, может, я уже там, куда хотел, — как бы я это понял, тем более что ни с кем тут не общался и не слишком понимаю свою нынешнюю версию. Может, все устроилось, я уже перескочил, куда хотел, мне только об этом не сообщили? Пустое, все это можно думать и после «Стадиона», а пока надо ехать туда. Странно только, что нет никаких чувств оттого, что история может закончиться ничем, а ведь она длинная, три года с апреля 2007-го, в нее пришло много времени и внимания. Кофе хватит еще на одну сигарету — хорошо, что здесь еще не запретили курить за столиком. Ну и в метро.

Schottentor

Да, можно сказать и так, что вот он и ушел в сторону U6. Шел вполне бодро, четыре-пять килограммов лишнего веса, но лет двадцать вменяемого функционирования у него еще есть. Если, конечно, будет делать зарядку и вообще следить за собой. Со спины он не отличался от остальных, идущих в том же направлении, шел в здешнем ритме — тут довольно быстро ходят, но без того, чтобы создавать толчею. И покачивался при ходьбе вполне по-

местному. Толпа теперь рассеялась — они все шли в метро с трамвая номер 38, подъехавшего к конечной и уже отправившегося в Grinzing. Теперь пусто, почти точно в дырку над трамвайным кольцом светит солнце, полдень. Стекла бывшего «Cafe H.WANCURA» уже заклеили рекламой: вполне соответствуя месту, она продвигает фильм «SCHOTTENTOR», der neue Film von Kaspar Pfaundler. На плакате — красно-белый трамвайный вагон, сквозь окно которого видна женщина, тянущая руку к стеклу и уже котормоснувшаяся к нему пальцами.

Но вот он ошибся, его заела догматика: ну и что, что составил план? Зачем было ехать на «Стадион», там глупое место. Да хоть бы по той же линии, но до «Таборштрассе», а там рядом Аугартен. Ну и что, что не конечная. Аугартен не потому, что там регулярный парк с громадными, видными отовсюду Флактурмами (слева — если от метро — круглая, справа — параллелепипед на торце). Собственно, и потому тоже: ландшафт бы усилил его ощущение червяка, прилипшего к воздушному шару: ощущение точки-дырки, возникшее утром возле St. Anton von Padua на Reumannplatz, пришло бы к нему навсегда. В Аугартене эта штука ощущается четче. Да, к слову, Антоний Падуанский однажды рыбам проповедовал.

Еще он мог бы еще раз сходить к опере, получил бы очередное просветление: оно состояло бы в том, что во всей истории с цепенеющей субстанцией главное слово — «мягко». Она мягко сюда поступает, схватывается и отвердевает тоже спокойно. Тут, конечно, у него снова бы возник вопрос о том, как уловить момент схватывания, а — просто. Все очень спокойно; если это сообразить, то станет видно: она же не приходит извне, не поступает изнутри, все будет хорошо. И это ничего, что она тут схватывается и застывает, как бы иначе кофе пить. Вообще, ему не повезло со временем: приехал бы позже, U2 заканчивалась бы уже не «Стадионом», а «Aspernstrasse», симпатичной. Возможно, вид недоделанных новостроек и двух кругов

светло- и темно-кирпичного цвета на выходе из станции сделал бы с ним именно то, что он хотел. Один круг — выпуклый, как холмик; другой, наоборот, впадина. Из какого-то спортивного материала, мягкие: детские площадки. А рядом — реклама еще даже не начатого дома под названием «Passivhaus». Кто знает, как бы все обернулось тогда.

Но, eigentlich, в апреле 2011-го рассуждать об этом не имеет смысла, потому что его, ушедшего, больше нет. И сигарету тут курит другой человек. Конечно, некоторые точки в самом деле бывают дырками куда-то.

А тот, который зашел в Уб, он теперь где-то внутри города: растворился не растворился, кто знает, в каком он там виде. Где-то там, сделался операционной системой Wien OS, based на этой его линейке: стал той штукой, которую придумал. Да и куда бы он делся из нее, за которую теперь и отвечает, ею являясь.

В Wien OS он занимается тем, что и положено делать тем, кто ушел за эту черту: окаменевающая своей машинкой всяческие нежные субстанции. Надо же с ними что-то делать, а иначе для чего они сюда поступают? И кто еще может это делать, кроме тех, кто изобрел себе машинку, чтобы выпрыгнуть из этой схемы. А так-то что: ну, Вена.

Содержание

Новая Карандашная	5
Augustinplatz	9
К чему это всё	19
Ринг и Портель	24
Недвижимость	29
Калейдоскопы	36
Просветления по-венски	38
Страсти и Захватчики пространства	45
Субстанция	51
«Спейс инвэйдерс»	57
Субстанция всерьез	60
Naschmarkt	66
Давлелка	79
Кнорики	80
Капча	82
Не Новокарандашная, да	85
Зиммеринг	91
Капча: Нойбау	95
Дождь, Музейный квартал	103
Мокрый день	115
Schottentor	119
Апрель, 2010	122
7 апреля 2010 года, тот же пансион	128
Schottentor	134
Heiligenstadt	136
Hütteldorf	140
8 апреля	147
Ottakring	148
Siebenhirten	153
Leopoldau	158
9 апреля	161
Reumannplatz	164
Schottentor	167
Schottentor	169

Андрей Левкин
Вена, операционная система

Дизайнер *Т. Ларина*
Редактор *Е. Мохова*
Корректор *М. Смирнова*
Верстка *Л. Ланцова*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО Редакция журнала
«Новое литературное обозрение»
Адрес редакции:
129626, Москва, а/я 55
Тел./факс: (495)229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 84×108¹/₃₂
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 5,5. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книги и журналы «Нового литературного обозрения»

можно приобрести в интернет-магазине издательства www.nlobooks.mags.ru
и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, (495) 924-46-80
- Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, (495) 959-20-94
- «Гараж» — ул. Образцова, 19-А (магазин в центре современной культуры «Гараж»), (495) 645-05-21
- Книготорговая компания «Берроунз» — (495) 971-47-92
- «Книги в Билингве» — Кривоколенный пер., 10, стр. 5, (495) 623-66-83
- «Культ-парк» — Крымский вал, 10 (магазин в ЦДХ)
- «Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, 28, (499) 238-50-01, (495) 780-33-70
- «Москва» — ул. Тверская, 8, (495) 629-64-83, (495) 797-87-17
- «Московский Дом Книги» — ул. Новый Арбат, 8, (495) 789-35-91
- «Мир Кино» — ул. Маросейка, 8, (495) 628-51-45
- «Новое Искусство» — Цветной бульвар, 3, (495) 625-44-85
- «Проект ОГИ» — Потаповский пер., 8/12, стр. 2, (495) 627-56-09
- «Старый свет» — Тверской бульвар, 25 (книжная лавка при Литинституте, вход с М. Бронной), (495) 202-86-08
- «У Кентавра» — ул. Чайнова, д.15 (магазин в РГГУ), (495) 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., 12/27, (495) 629-88-21
- «Фаланстер» (На Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), (495) 926-30-42
- «Циолковский» — Новая пл., 3/4, подъезд 7Д (в здании Политехнического Музея), (495) 628-64-42, 628-62-48
- «Dodo Magic Bookroom» — Рождественский бульвар, 10/7, (495) 628-67-38
- «Jabberwocky Magic Bookroom» — ул. Покровка, 47/24 (в здании Центрального дома предпринимателя), (495) 917-59-44
- Книжные лавки издательства «РОССПЭН»:
 - Киоск № 1 в здании Института истории РАН — ул. Дм. Ульянова, 19, (499) 126-94-18
 - «Книжная лавка историка» в РГАСПИ — Б. Дмитровка, 15, (495) 694-50-07
 - «Книжная лавка обществоведа» в ИНИОН РАН — Нахимовский пр., 51/21, (499) (495) 120-30-81
- Киоск в кафе «АртАкадемия» — Берсеневская набережная, 6, стр. 1
- Книжный магазин в кафе «МАРТ» — ул. Петровка, 25 (здание Московского музея современного искусства)

в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

- На складе нашего издательства — Лиговский пр., 27/7, (812) 275-05-21
- «Академическая литература» — Менделеевская линия, 5 (в здании Истфака СПбГУ), (812) 328-96-91
- «Академкнига» — Литейный пр., 57, (812) 230-13-28
- «Борхес» — Невский пр., 32-34 (дворик у Римско-католического собора Святой Екатерины), (921) 655-64-04
- «Буквально» — ул. Малая Садовая, 1, (812) 315-42-10
- Галерея «Новый музей современного искусства» — 6-я линия ВО, 29, (812) 323-50-90
- Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
- Киоск в Доме Кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)
- «Классное чтение» — 6-я линия ВО, 15, (812) 328-62-13
- «Книги и Кофе» — наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной литературы и искусства), (812) 328-67-08
- «Книги Подарки» — ул. Колокольная, 10, (812) 715-33-07
- «Книжная лавка» — в фойе Академии Художеств, Университетская наб., 17
- «Книжный Окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), (812) 323-85-84
- «Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), (812) 328-95-11
- Книжные салоны при Российской национальной библиотеке — Садовая ул., 20; Московский пр., 165, (812) 310-44-87
- Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13, (812) 232-33-07
- «Подписные издания» — Литейный пр., 57, (812) 273-50-53
- «Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (812) 310-50-36
- «Проектор» — Лиговский пр., 74 (Лофт-проект «Этажи», 4 этаж), (911) 935-27-31
- «Ретро» — Стенд № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской, пр. Обуховской обороны, 105
- «Санкт-Петербургский Дом Книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28, (812) 448-23-57
- «Университетская лавка» — 7 линия ВО, 38 (во дворе), (812) 325-15-43
- «Фонотека» — ул. Марата, 28, (812) 712-30-13
- Bookstore «Все свободны» — Волынский пер., 4 или наб. Мойки, 28 (второй двор, код 489), (911) 977-40-47

в ЕКАТЕРИНБУРГЕ:

- «Дом книги» — ул. Антона Валека, 12, (343) 253-50-10

в КРАСНОЯРСКЕ:

- «Русское слово» — ул. Ленина, 28, (3912) 27-13-60

в НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ:

- «Дирижабль» — ул. Б. Покровская, 46, (8312) 31-64-71

в НОВОСИБИРСКЕ:

- Литературный магазин «КапиталЪ» — ул. Горького, 78, (383) 223-69-73
- Магазин «ВООК-LOOK» — Красный пр., 29/1, 2 этаж, (383) 362-18-24;
— Ильича, 6 (у фонтана), (383) 217-44-30

в ПЕРМИ:

- «Пиотровский» — ул. Луначарского, 51а, (342) 243-03-51

в ЯРОСЛАВЛЕ:

- Книжная лавка гуманитарной литературы — ул.Свердлова, 9,
(4852) 72-57-96

в МИНСКЕ:

- ИП Людоговский Александр Сергеевич — ул. Козлова, 3
- ООО «МЕТ» — ул. Киселева, 20, 1 этаж, +375 (17) 284-36-21

в СТОКГОЛЬМЕ:

- Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32,
Stockholm, 08-651-1147

в ХЕЛЬСИНКИ:

- «Ruslania Books Oy» — Bulevardi, 7, 00120, Helsinki, Finland,
+358 9 272-70-70

в КИЕВЕ:

- ООО «АВР» — +38 (044) 273-64-07
- Книжный рынок «Петровка» — ул. Вербовая, 23, Павел Швед,
+38 (068) 358-00-84
- Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (<http://lavkababuin.com/>) —
ул. Верхний Вал, 40 (оф. 7, код #423), +38 (044) 537-22-43;
+38 (050) 444-84-02
- Интернет-магазин «Librabook» (<http://www.librabook.com.ua/>) (044) 383-20-95;
(093) 204-33-66; icq 570-251-870, info@librabook.com.ua